

ОЛЬГА
БЕНИЧ

Есть такие края...

16+

Ольга Бенич

Есть такие края...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63531268

SelfPub; 2020

Аннотация

Супруги Павел и Ольга , путешествуя по Уралу, постоянно попадают в параллельные реальности, иногда в сопровождении своей собаки Бени, у которой всегда есть особое мнение по всем вопросам. Иногда они сталкиваются с персонажами древних легенд и преданий, о которых знают с детства. Увлекательные, порой опасные, приключения позволяют им переосмыслить свои жизни, судьбы своих предков и историю своей страны. В книге описаны подлинные места силы Южного Урала, которые вполне вероятно, являются порталами в иные миры для тех, кто способен к духовному развитию и не боится столкнуться с непознанным.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	49
Глава 3	91
Глава 4	112
Глава 5	120
Глава 6	133
Глава 7	142
Глава 8	163
Глава 9	172
Глава 10	188
Глава 11	199
Глава 12	210
Глава 13	217
Глава 14	226
Глава 15	234
Глава 16	247
Глава 17	253

Ольга Бенич

Есть такие края...

«Знаю я, есть края – походи, поищи-ка, попробуй.
Там такая земля, там такая трава,
А лесов как в местах тех нигде, брат, в помине и нет.
Там в озерах вода, будто божья роса,
Там искрятся алмазами звезды и падают в горы.
Я б уехал туда, только где мне достать бы билет».

Г. Сукачев

События, описанные в книге почти выдуманные, но чувства, и места, где они происходили – подлинны. С огромным уважением и любовью к природе Урала и всем людям, живущим на этой прекрасной, суровой земле.

Глава 1

Пашка медленно брел по лесу, который начинался сразу за дачным поселком. Здесь уже могли попадаться грибы, поэтому он вглядывался в траву, подходил к пенькам, скользил пристальным взглядом по корням деревьев. И вот в просвете, между двумя сросшимися стволами старой березы мелькнул ярко оранжевый подосиновик. Охотничий азарт заставил потянуться за грибом прямо через корень дерева, не удержавшись на ногах, он запнулся и плюхнулся на колени прямо перед своей добычей. Не зло сматерившись, Пашка достал нож и срезал крепкий, остро пахнувший красноголовик, потерся щекой о его замшевую шляпку и подумал, что охота будет удачной. Походив по лесу часа два, он насобирав целую корзинку груздей, нашел пару белых, и в самом конце, уже на выходе из леса, ему попала семейка чуть переросших опят. Вернувшись на дачу, он отложил грузди, чтобы вечером с ними занималась жена, а остальные грибы пожарил на оливковом масле. Отварил несколько картофелин, сорвал с грядки пару огурчиков, нарезал укропчика. «Эх, под такую закуску не грех и рюмочку выпить», – подумал Паша. Он даже достал из холодильника бутылку прозрачного, настоящего на березовых брульках, самогона, но подумал, что вечером надо ехать в город, и с сожалением поставил ее на место. После обеда, его стало клонить ко сну, сентябрьская по-

года была теплой, и он расстелил себе плед прямо на газоне, возле небольшого прудика. В траве верещали кузнечики, высоко в небе парил какой-то хищник, орел, наверное. Из прудика вытягивая необыкновенно длинные лапы, вылезла лягушка, желто – золотистого цвета, и уставилась прямо на засыпающего мужика. «Слушай, ты достал меня уже со своей газонокосилкой!» – сказала она. Паша улыбнулся, сквозь сон, но лягушка, явно увеличиваясь в размерах, продолжала свою речь. «Нет, ну если тебе не нравится трава на участке, рви ее руками, или, в крайнем случае, используй косу, что ты неудобства-то всем создаешь. Мыши из-за забора жаловались, ящерицы тоже!» Сон слетел с Пашки, он уселся на траве и потряс головой: «Снится мне это, что ли? Или опять все-таки были не опять?» Лягушка тем временем уже увеличилась до размеров приличной собаки. (Приличная собака это не той-терьер). «Ты, это... Давай, подумай о своем поведении. А я пойду, в качестве компенсации, ягод поем», – проквала она, и поскакала к кустам ремонтантной земляники. Паша, ошалев, смотрел, как она тяжело прыгает по грядкам, но с каждым прыжком лягушка уменьшалась, постепенно приобретая свои нормальные габариты. «Фу, привидится же такое», – подумал он, постепенно, приходя в себя. Спать больше не хотелось, и Паша решил ехать в город.

Был будний день, и по идее, на трассе должно было быть много машин. Но навстречу попадались только автобусы какого-то странного вида, да огромные грузовики типа рефри-

жераторов. Это озадачивало. Во дворе их многоквартирного дома тоже не было ни одной машины, это у них-то, где идет вечная война за парковку! Идя по двору, Паша заметил, что его обычный небольшой автомобильчик вызывает нездоровый интерес гуляющих ребятишек. Да и детей было слишком много, раньше он не замечал их в таком количестве. Все это было как-то необычно. И еще лягушка никак не выходила из головы.

Открыв дверь в квартиру, Паша чуть не сполз по стенке. Ему навстречу вышла их собака Беня. Но шла она на задних лапах, причем она была в красных тапочках! На животе у нее болтался кружевной передник, а на голове была такая же наколка, как у горничных из дореволюционных фильмов! Паша присел на корточки, и стер со лба пот. «Вот меня штырит, видимо, все-таки, не простые грибочки я пожарил!» – подумал он. Собака тем временем осведомилась: «Что так рано? Мы тебя раньше семи не ждали. Ужина нет, не рассчитывай!» Паша не нашел ничего лучшего, как спросить: «А чего ты в фартуке?» «Чего, чего... кота обрабатывала, линяет он со страшной силой. А вам же все некогда нами заниматься. Между прочим, я – собака – компаньон, а не прислуга какая-то. Да ведь, Тимофей?». Из-за угла показался рыжий кот, которого он подобрал пятнадцать лет назад на помойке, маленьким котенком. Сейчас это был пожилой сеньор, средних размеров, но почему-то в вязаном жакете! «Ну что ты, дорогуша, мы все должны оказывать друг другу посиль-

ную помощь», – произнес кот профессорским тоном. Паша был уже в состоянии близком к истерике. «А где Киссон?» – спросил он дорожающим голосом. (Киссон – это было домашнее прозвище его жены). «В чертогах разума», – бросила собака, пытаясь зубами развязать узел на фартуке. «Где?!» – прошептал совсем растерявшийся хозяин. «Да вон на балконе, медитирует», – благожелательно пояснил кот. Паша ринулся к балкону. Там в кресле – качалке сидела женщина, похожая на его жену, но почему-то у нее были длинные волосы, схваченные зеленой лентой, а Ольга всю жизнь носила короткую стрижку. Паша уставился на женщину, которая, похоже, была в состоянии транса, во всяком случае, она неподвижно сидела с открытыми глазами. «Что замер? Дай ей зелье, пора уже», – раздался за спиной мягкий голос Тимофея. Паша оглянулся по сторонам, на столике перед креслом стояла бутылка из-под коньяка, наполненная мутноватой зеленой жидкостью. Он отвинтил пробку, понюхал, настой пах свежескошенной травой, поднес бутылку к губам женщины и влил ей в рот несколько капель. Она задышала чаще, взгляд стал осмысленным, через минуту она улыбнулась и произнесла до боли родным голосом: «Привет, нам дали план!» «Какой план?» – прохрипел он в ответ. «Ты что забыл? План по поиску золота Колчака». Паша, конечно, знал легенду о потерянном на Урале еще во времена Гражданской войны обозе с золотом. Одно время, она даже очень занимала его воображение. Но сейчас, после разговоров с котами, собака-

ми и лягушками он начинал медленно осознавать, что его родная реальность утеряна, и может быть безвозвратно. Что, в лучшем случае, это какой-то затянувшийся сон, вызванный галлюциногенными грибами, а в худшем – полная утрата разума. Что с этим делать он не знал. «А где мама?» – спросил он, хватаясь за последнюю ниточку, связывающую его с миром. Женщина – жена посмотрела на него с удивлением и произнесла, как всегда, говорила Ольга, немного насмешливым тоном:

– Ну, ты даешь, в Индеонаполисе, конечно!

– Где? – прошептал Паша.

– Да в Индеонаполисе же, на конгрессе агрономов, вчера ее проводили!

– На каком конгрессе? У нее десять классов образования!

– Она доктор биологических наук! Ты что, разыгрываешь меня?

Женщина пристально посмотрела на Пашу и спросила:

– У тебя все в порядке? Почему ты в таком виде?

– В каком?

– Ну, не бритый. И штаны эти странные ты, где взял?

Паша посмотрел на свои шорты, на прошлой неделе Киссон купила их для него в интернет – магазине. Реальность была полностью утрачена. Что теперь делать он не знал. Опустившись на стоявшую рядом тумбочку, он тупо уставился в пространство. И тут щелкнул дверной замок. Бенья, валявшаяся на диване и рассматривавшая картинки в модном

журнале, ринулась в прихожую, туда же устремился и Тимофей. Паша видел со своего места, как входная дверь открылась, и на пороге возник он сам. Звери замерли, а тот второй громко и весело сказал: «Я не понял, мне здесь не рады?» Собака завизжала страшным голосом: «Киссон! Сюда! Быстрее!». Кот философски протянул: «Да уж...». Вторая (или первая?), Ольга выскочила в коридор и тоже оторопела. Впрочем, оторопь взяла всех. У Паши по коже пробежали мурашки, и он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Тут же вспомнилась примета, о том, что видеть двойника, это к смерти. И он уже реально прощался с жизнью. Первая пришла в себя Бенья. «Ну, два хозяина, это уже чересчур!» – изрекла она. Но никто не обратил на нее внимания. Люди подошли к Павлу, который так и сидел, не шевелясь в своем углу. Ольга начала громко и убедительно говорить, видимо, успокаивая сама себя: «Так. Ничего не надо бояться, со всеми можно договориться, мы сейчас все решим!» Мужчины смотрели друг на друга, молча. Вдруг второй Павел улыбнулся и спросил: «Брат, ты кто?». Пашка затрясся, из глаз его покатались слезы, и он начал сбивчиво рассказывать про грибы, про лягушку и закончил, тем, что раз он встретил двойника, то должен умереть. Второй Павел посмотрел на него и спокойно сказал: «И... все мы там будем, но не в одно время. Давайте-ка лучше поедим». Ольга накрыла на стол. Еда была самая обыкновенная, приготовленная «на скорую руку»: яичница, колбаса, салат из поми-

доров, чай с печеньем. Необыкновенно было только то, что собака и кот сидели за столом на высоких стульях и ели свой специальный корм. Иногда Бенья воровато оглядываясь, хватала кусок колбасы и быстро проглатывала его. Глядя на это, кот произнес: «Любезные, можно и мне кусочек колбаски, а то я не дотягиваюсь?» Паша положил перед ним кусок, а Ольга сказала, что колбаса для животных вредна, как и для людей. Но, видимо, это была заученная фраза. Сейчас люди думали совсем о другом. После ужина глаза у Пашки смыкались, его положили на диван, вызвав недовольство Бени, которая забрав свой журнал, демонстративно растянулась на коврик в коридоре, показывая всем своим видом, какая у нее собачья жизнь. Кот же предложил провести сеанс терапевтического мурчания и пел Пашке песни, пока тот не заснул. Засыпая, Паша загадал, что, когда он проснется, все будет по-прежнему, собаки не будут ходить в тапочках и разговаривать, Киссон будет с короткой стрижкой, и никакого второго Павла он и не вспомнит.

Хозяева же совещались на кухне. Они сошлись во мнении, что их гость, скорее всего из параллельного мира. Оба они слышали про параллельные миры, и даже что-то такое проходили в школе. Иногда до них доносились слухи о каких-то пришельцах, но они не очень-то этим интересовались. Все это было из области физики, а они историки-археологи, и что теперь с этим делать непонятно. К тому же сегодня Ольга получила от Высших разрешение на разработку операции

по поиску пропавшего золота Колчака. Это была их давняя мечта. О пропавшем обозе Ольга узнала из одной старинной книги, которая попала ей еще в институте, и вот уже несколько десятков лет они с Павлом по крупицам собирали материал, хлопотали перед Советом Высших о разрешении начать изыскания. И вот сегодня, во время медитации ей скинули план, в соответствии с которым, они должны были немедленно начать работать «в поле», то есть в уральской тайге. В плане говорилось о том, что помимо золота, в обозе находились ценные артефакты, которые и должны были стать целью их работы, но ничего конкретного Высшие не сказали. Сбывалась их мечта, а тут этот двойник-пришелец! Павел предложил сдать его Высшим, и пусть бы разбирались. Но осторожная Ольга предполагала, что все не так просто. «Если он попал сюда, именно, в это время, значит, он очень сильно связан с нашей судьбой. И кто знает, не навредим ли мы себе и ему, сдав его», – говорила она. Оба понимали, что, если серьезно изучать теорию параллельных миров, то должен быть портал, через который их гость несанкционированно проник. Возможно, портал он сам, и поев галлюциногенных грибочков, он так забурился в свои «чертоги разума», что не смог вернуться и каким-то образом преодолел границу. Ольга подумывала дать ему немного препарата, который они использовали для быстрого выхода из медитативного состояния, и в просторечии именовали зельем. Но все-таки решила не рисковать, нельзя было предугадать реакцию

неподготовленного организма. Возможно, что есть физический портал, тогда надо искать его, в районе их дачи, потому что, судя по всему, она и его дача тоже, но в другом измерении. Но тогда, как он добрался до города? Он говорит на каком-то автомобиле, но может быть, ему показалось? Скорее всего, оказавшись в этом мире, он, как и все телепортировался, тем более, никаких странных предметов во дворе дома не наблюдается. К полуночи они решили, что с утра начнут выполнять план Высших, но сначала побывают на даче вместе с Пашкой. Встал вопрос, брать ли с собой животных? Решили, что Беню возьмут обязательно, чтобы она почувствовала прелесть комфорта городской жизни, когда вернется из тайги, а кота решили оставить дома, все-таки возраст.

Открыв глаза, Паша увидел потолок, который видел уже лет пятнадцать. Почувствовал свой диван, все вмятины на котором были сделаны его телом. Из кухни доносился запах кофе, который варила жена. «Какой странный сон», – подумал он, улыбаясь. Потянулся за пультом от телевизора, и вдруг понял, что телевизора в комнате нет. Холодок побежал у него по спине. В комнату вошел тот, другой. «Я не шизофреник, не шизофреник!» – кричал про себя Пашка, но второй стоял и улыбался ему. Собака (снова в тапках и на задних лапах) поклонилась обоим, как артистка на сцене и, оскалив зубы, заявила: «Сегодня почистила клыки специальной косточкой, в тайге будет не до того!» «Молодец!» – отреагировал второй Павел. «Вставай, брат, пойдем

кофе пить!» – сказал он, обращаясь к Пашке. Тот встал и с тяжелым сердцем поплелся в ванную. Во время завтрака хозяева рассказали план действий. Сейчас они все вместе телепортируются на дачу, и попытаются найти объяснение сложившейся ситуации. Это вселяло некоторую надежду.

Когда с едой было покончено, Ольга и второй Павел облачились в костюмы из крепкой, видимо, непромокаемой ткани, ботинки с высокими голенищами и маски-накомарники. В коридоре уже стояли приготовленные рюкзаки, которые они взвалили на плечи. Попрощавшись с Тимофеем и дав ему последние наставления насчет еды, трое людей и собака вышли в подъезд со всякими предосторожностями. Как понял Паша, хозяева были крайне не заинтересованы, чтобы соседи увидели двойников. Стоя на крыльце, Павел второй крепко обхватил Пашку, а собака обняла лапами хозяйку за талию, проворчав при этом, что на собственных лапах было бы лучше. Пашка почувствовал легкое покалывание в ступнях, на несколько мгновений в глазах стало темно, но тут же день снова заиграл красками, а они оказались на даче. Бяня начала неистово носиться по огороду, как она всегда делала по приезду. Пашка огляделся. Все было как всегда. Вот дом, который он построил своими руками, вот баня, вот пруд, выкопанный им лично. Цветочки, грядки, все в порядке, как и было вчера, даже забытый плед по-прежнему валялся на газоне. Все же ведь, как всегда, но почему здесь эти двое? Павел второй предложил сходить в лес, по вчерашнему Пашки-

ному маршруту, может быть, там найдется портал, который привел его сюда. Втроем идти было неловко, вдруг соседи начнут задавать вопросы, поэтому к лесу Пашка направился в компании Ольги и Бени. Но как только они миновали поселок, и вышли к озеру, воздух перед ними, как будто загустил, никто не смог сделать ни шага. Собака усердно двигала лапами, всеми четырьмя, на этот раз, но у нее получался лишь бег на месте. В удрученном настроении все вернулись на участок, хуже всего чувствовал себя Пашка. Обсудив ситуацию, Ольга и Павел решили, что им надо выполнять задание Высших, поэтому нужно двигаться к месту первой стоянки. Пашке они предложили остаться на даче, но он отказался, боясь окончательно лишиться рассудка, хотя в глубине души, он думал, что это уже произошло. Переодевшись в походную одежду, он приготовился к телепортации. Он хотел научиться делать это сам, но оказалось, что без специального прибора это невозможно. Прибор представлял собой небольшой прозрачный планшет, на котором высвечивалась карта. Владелец, определял на ней точку, в которую нужно переместиться, нажимал на кнопку, и, вуаля, оказывался в нужном месте. Принцип действия Пашке объяснять не стали, сказали только, что устройство выдается каждому человеку, начиная с семи лет, но с ограниченным радиусом действия. С возрастом радиус увеличивается, сначала это близлежащий к дому район, затем весь город, потом область, а к совершеннолетию любой человек может спокойно переме-

щаться по всему миру. У Паши сразу возник миллион вопросов насчет границ, виз и всего мироустройства, но время было дорого, поэтому разделившись на пары, как в прошлый раз, вся компания за минуту перенеслась километров на сто, и оказалась на опушке соснового бора. Место, видимо, было знакомое, и выбрано не случайно. Полянка, где остановилась немногочисленная экспедиция, была солнечной и сухой, в нескольких шагах от нее из-под камня бил родник. Ольга и Павел достали из рюкзаков небольшие металлические трубки и быстро собрали из них каркас для палатки. Паша помог натянуть матерчатые стены и крышу. Павел протянул вокруг получившегося сооружения какой-то провод и воткнул его в устройство, напоминающее блок зарядки для сотовых телефонов. «Эта штука создает защиту от комаров и прочей живности», – пояснил он. Ольга в это время, достала портативную плитку, похожую на газовую, но открытого огня в ней не было. Еще она вынула из рюкзака небольшой, как показалось Паше, резиновый сверток, развернула его, и в руках у нее оказалась емкость литра на два. Бенья сгоняла с ней к роднику и принесла воды. В лесу собака передвигалась исключительно на четырех конечностях, что, по крайней мере, не травмировало остатки Пашиной психики. Импровизированный котелок был поставлен на необычную плитку, и через несколько минут вода в нем закипела. Ольга бросила в воду маленький кубик, и вскоре был готов наваристый суп, со вкусом копченостей. Это совсем не походило на привыч-

ную Пашке бомж-лапшу или бульон из кубика, которые в его прошлой жизни считались суррогатами пищи. Суп был вполне полноценным и очень вкусным. Еще к столу были поданы тюбики с гуляшом и гречневой кашей, очень маленькие по объему, но очень сытные. «Как у космонавтов», – подумал Пашка. В емкости поменьше, вскипятили и заварили чай. Посуда из которой ели и пили, была из того же материала, что и котелок и на ощупь напоминала не резину, а тонкий металл или фольгу. После обеда ее прокипятили, свернули и убрали в рюкзак, весил весь набор не более двухсот граммов, что безмерно восхитило Пашу.

За обедом новоявленного члена экспедиции ввели в курс дела. Ольга рассказала о том, как учась в институте, она писала курсовую работу о боях Гражданской войны на Южном Урале. Изучая мемуары одного из участников белого движения, она наткнулась на информацию, что во время отступления армии Колчака, в районе города Кыштым пропал обоз, груженный золотом, которое было предназначено для оплаты оружейных поставок. Ольгу чрезвычайно заинтересовал этот факт, потому что она была родом из этих мест. Она начала расспрашивать местных старожилов, тогда еще были живы и в твердой памяти дети участников тех событий. Позже они, уже вместе с Павлом, провели немало часов в архивах и были уверены, что следы обоза нужно начинать искать в районе разрушенного динамитного завода, где они собственно, сейчас и находятся. Пашка уже давно понял это,

ведь здесь он бывал неоднократно. И легенду о золоте он слышал, но не то что следов обоза, но даже развалин завода они с Киссоном так и не нашли. Однако было интересно, что история этого мира, совпадает с известной ему историей, о чем он и сказал новым товарищам.

– А кто у вас победил в Гражданской войне? – спросил он.

– Красные, – ответила Ольга.

– А что было потом?

– Разруха, коллективизация, индустриализация. Потом была Великая Отечественная война.

– Мы победили?

– Да. Ценой больших жертв и великих подвигов.

– Все правильно, все как у нас. А потом перестройка? Да?

– Что такое перестройка?

– Ну, когда Советский Союз рухнул.

– Ничего он не рухнул. Мы сейчас живем в Советском Союзе, он входит в Организацию объединенных наций, там все страны Земли состоят. Все народы сохраняют свои языки, традиции, культуру, но все вместе решают технологические задачи. Правит всем Совет Высших.

– Мировое Правительство, значит? Рокфеллеры, Ротшильды и иже с ними.

– Да нет. Туда избираются достойные. Ученые или герои, космонавтов там много, они ведь все герои. Ну, есть писатели, художники, артисты.

– Ага, кухарки правят государством, то есть даже целой

планетой. Ну откуда космонавты знают, как дом построить или дорогу проложить?

– Для этого специально обученные люди существуют. А все алгоритмы строительства разрабатываются компьютерами, и ими же контролируется соблюдение норм и правил, и не только в строительстве, в любой отрасли промышленности и в сельском хозяйстве.

– Каким образом?

– Там где возможно производятся замеры и пробы, весь технологический процесс контролируется видеокамерами.

– Понятно, мы тоже сейчас к этому подходим. Только у нас, если начнут контролировать всерьез, вся экономика рухнет.

– Почему? – осведомился Павел.

– Воруют. Да и как в том анекдоте, то ведер не хватает, то дерьма не завезли.

Увидев озадаченные лица своих спутников, Пашка рассказал анекдот, который ему очень нравился.

– Умерли русский и американец. Апостол Петр посмотрел на них и говорит: «Грешили вы много, отправляетесь в ад. Но можете выбрать в какой ад пойдете, в американский или в русский». «А чем они отличаются?» – спрашивает американец. «Ну, в американском аду каждый день надо съесть ведро дерьма с утра, а в русском его придется жрать три раза в день». Американец, конечно, в свой ад попросился. А русский подумал, что к дерьму он привычный, и пошел соответ-

ственно в русский. Через несколько лет встречаются, спрашивают друг друга, как дела. Американец говорит: «Хорошо, с утра съел ведро дерьма и свободен. А у вас как?» «А у нас, то ведер не хватает, то дерьма не завезут», – отвечает русский.

Судя по лицам слушателей, они так ничего и не поняли. «Совсем у ребят с юмором плохо», – подумал Паша – и спросил:

– А что у вас после войны было?

– Сначала политики хотели устроить новый передел мира, может новую войну начать, но народы так пострадались, что объединились под предводительством Ганди и начали строить новый мир.

– Так Ганди убили году в пятидесятом.

– Нет. Он только недавно ушел от нас.

– А куда же делись Сталин, Черчиль, Трумен?

– Ушли к старцам.

– Куда?

– Ну, кто к буддистским монахам, кто к шаманам, Сталин вроде на Новый Афон подался.

Тут Павел сказал, что солнце еще высоко, и надо бы поработать, чтобы хотя бы наметить на завтра план действий. Вопрос о том, как они собираются искать обоз, тоже чрезвычайно интересовал Пашу. Но пока они занялись изучением копии старинной карты и ориентировкой на местности. Вскоре они определили предположительное направление дороги, по

которой сто лет назад двигался Колчаковский обоз. Пройдя по нему несколько километров, искатели не обнаружили ничего интересного, кроме того, что лес здесь был менее густой. Свернув немного в сторону, они увидели развалины динамитного завода. Это были еще крепкие стены из красного кирпича, кроме того, рядом были какие-то подземные ходы, небольшой водоем, видимо искусственный, а чуть подалее родник с солоноватой водой. Пейзаж впечатлял. Вот здесь и предстояло им работать. Вечерело. Компания решила вернуться в лагерь. Молчавшая, должно быть от обилия впечатлений, весь день собака начала ныть, что у нее болят лапы, что она хочет, есть и пить. Павел даже прикрикнул на нее: «Ты же хаски, должна быть выносливой и терпеливой, а ты еще дня в лесу не провела, а уже скулишь!» На что Бенья парировала: «Чтобы развить у собаки выносливость, надо гулять с ней не менее двух часов, а вы полчаса за весь день на меня тратите!». «Могла бы самостоятельно фитнесом заняться», – проворчала Ольга. «Еще чего!» – незамедлительно откликнулась Бенья. Ужин приготовили также быстро, как и обед. Пашке не хватало привычного костерка, запаха дыма, но ему объяснили, что жечь огонь в лесу нельзя ни при каких обстоятельствах. Оказалось, что в этом мире вход в дикий лес связан с огромными организационными сложностями. Собственно, идея с поисками золота Колчака вынашивалась Павлом и Ольгой почти двадцать лет и не осуществлялась, потому что не было разрешения от Совета Высших.

А теперь вдруг внезапно перед ними поставили задачу, провести экспедицию в кратчайшие сроки. Все оборудование, начиная от плитки, заканчивая лопатой должно быть, сертифицировано, маршрут, и места стоянок согласованы и утверждены. «Теперь понятно, почему у них такая чистота», – сообразил Пашка. В его нормальной жизни он часто бывал в лесах и полях, и его всегда убивали помойки, созданные человеком в самых, казалось бы, отдаленных и красивых местах. Вот спрашивается, зачем тащить старый телевизор или съеденные молью валенки вглубь тайги по лесным, почти непроходимым дорогам? Но ведь тащат. А пластиковые бутылки, пакеты и прочий мусор, оставленный после попоек! Он никогда не мог ни понять, ни принять этого. Одно время, он с друзьями каждую весну и осень выходил чистить берег озера от мусора, оставленного дикими туристами, но результат был практически нулевой. Еще из разговора Паша понял, что он является несанкционированным участником экспедиции и это большое нарушение. «Слушайте, здесь глухая тайга, кто нас здесь вычислит?! – сказал Пашка. Ольга с Павлом переглянулись. «Понимаешь, у нас никто ничего не вычисляет, мы просто живем в едином информационном поле», – ответила Ольга. «Вы что чипированные, что ли? За вами следят?» – озаботился Пашка. «Нет, просто, когда мы что-то скрываем или, тем более обманываем кого-то, то испытываем колоссальный дискомфорт», – сказал Павел. «Вы что, все святые?» – изумился Паша. «Нет, конечно, мы

люди, и мы часто оступаемся, но потом раскаиваемся», – объяснила Ольга. «И что вам за это бывает?» – осведомилась Пашка. «Меру окончательной расплаты каждый выбирает для себя», – ответил Павел, – «некоторые уходят к старцам (там за свою жизнь почти все бывают), кто-то едет в опасную экспедицию или летит в космос, потом возвращаются или не возвращаются героями. «А если я не раскаюсь?» – поинтересовался Пашка. «Ты не сможешь жить нормальной жизнью», – ответила Ольга. «Я смогу!» – подумал про себя Пашка, а вслух спросил – а за меня вы, какую себе меру ответственности назначите?». «Не знаю», – задумчиво сказал Павел, – «Ведь ты – это я, значит, формально мы ничего не нарушаем, только я должен нести повышенную ответственность и за себя, и за тебя». Вскоре все пошли спать. В палатке разместились три удобных гамака. Бенья сквозь сон возмутилась, что вынуждена спать на голой земле, но тут же отключилась и захрапела. Раздеваясь, Пашка нащупал свой телефон, про который он даже не вспомнил с начала своих приключений, попытался включить его, но сигнала не было. Он залез в гамак, представил, как мечется Киссон, разыскивая его по больницам и моргам, и из глаз его снова потекли слезы. Потом усталость взяла свое, и этот длинный день его жизни закончился.

Шла уже вторая неделя пребывания Паши в параллельной реальности. Сначала он ходил вместе со всеми на раскопки, но за все время они нашли только деревянную пуговицу, ка-

кие-то керамические осколки, видимо от химической посуды и ржавый железный штык. Потом ему надоело рыться в земле, тем более он был уверен, что никакого золота или даже каких-то следов обоза на заводе нет. Он прекрасно помнил из прошлой жизни всю изрытую кладоискателями Голую сопку, да и не думал он, что во время Гражданской войны кто-то зарыл золото в землю. Если оно и было, то его спрятали в какой-нибудь пещере или другом укромном месте. А здесь во время движения обоза было вполне себе действующее предприятие. Кто бы оставил тут золото? Но сомнений своих он не высказывал, это была не его война. «Ну найдут они золото или не найдут, все равно скоро придется выходить из леса, скоро снег ляжет. А тогда что будет со мной? Отдадут меня на опыты. А если не отдадут, адаптироваться в их мире я не смогу», – печально думал он. К тому же очень хотелось курить и простой человеческой пищи тоже хотелось. Он стал часто уходить на вершину горы Сугомак, пытаясь найти выход из западни, в которую он зачем-то попал. Иногда за ним увязывалась Бенья, тогда у него было ощущение, что он общается с пятилетним ребенком. Собака бегала по кустам и почти непрерывно сообщала: «Там еж, тут уж, брошенное гнездо...». Однажды на привале она разлеглась возле Пашкиных ног и сказала:

– Слышь, Паха, а не забить ли нам какую-нибудь дичь? Я вот никогда не ела натурального мяса, а тут такие запахи... Ну, прям очень хочется попробовать. Давай, я выслежу ко-

го-нибудь, а ты забьешь.

– Как это не ела? Ну, здесь, понятно, мы все консервами питаемся, а дома кто колбасу тырил?

– Подумаешь, колбасу, она же синтетическая, только добавки всякие делают ее вкусной. А я хочу мясо с кровью попробовать, такого ни одна из моих знакомых собак не ела, да и из людей тоже.

Неожиданно Пашке эта идея понравилась, во-первых, в юности он был довольно удачливым охотником, во-вторых, ему уже надоело бесцельное шатание по лесам, а в-третьих, он тоже хотел полакомиться свежей дичью. Не откладывая в долгий ящик, он принялся за дело. Нашел крепкий ивовый сук, сломал несколько более – менее прямых отростков, чтобы сделать стрелы, принес это все в лагерь. Пользуясь складным ножом из набора инструментов, начал мастерить себе лук. Инструменты у кладоискателей, все были складными, но прочными и легкими. Нож строгал древесину, как лазерный станок. В качестве тетивы, Паша натянул капроновую веревку, которой Ольга огораживала очередные квадраты раскопок, а вот с наконечниками для стрел возникла проблема. Если бы дело происходило в привычной реальности, найти материал для их изготовления, было бы парой пустяков. Все, даже самые дикие места, изобиловали консервными и пивными банками и разным прочим металлоломом, а здесь все было абсолютно чисто. Но Пашка был не из тех, кто отступает перед незначительными трудностями. У

подножия скалы, где осыпалась порода, он выбрал несколько острых камушков, поточил их еще, о шероховатую поверхность большого валуна, и прикрутил к стрелам проволокой, которая случайно осталась в кармане его брюк после каких-то садовых работ. Потом подумал, снял штаны, вытащил из них довольно широкую резинку и подвязался остатками веревки. В карман положил еще несколько мелких камушков, сходил к ивняку, выломал подходящую ветку, сделал из нее рогатку, и вооруженный таким образом, свистнул собаку. Бенья уже была готова к бою. На этот раз она вела себя тихо, сосредоточенно нюхала воздух и бежала легкой рысцой в сторону каменной гряды. Паша шел за ней быстрым шагом. В какой-то момент собака замерла и подняла правую переднюю лапу, Паша понял сигнал. Всмотревшись в полыхающие алыми ягодами кусты рябины, он увидел несколько косуль, почти сливавшихся по цвету со скалой. Он медленно достал из-за пояса стрелу, прицелился, и отпустил тетиву. В этот момент какая-то тень закрыла ему обзор. Подняв глаза, он с изумлением увидел перед собой женщину огромного роста, с лицом американской Статуи Свободы. Прикид, конечно, был по – богаче, зеленое платье с отливом, а на голове корона из переливающихся разноцветных камней. Она подняла руку, и стрела зависла в воздухе. Зло, посмотрев на Пашу, она разломала стрелу на две части, и медленно растворилась, как будто влилась в каменную гряду. На ближайшем валуне в это время застыла большая зеленовато-серая

ящерица с золотой полоской на спине. Человек и собака не могли пошевелиться несколько минут, а когда паралич прошел, они бросились бежать, подгоняемые чувством безмерного ужаса. Пробежав несколько километров, они остановились, пытаясь отдышаться. «Фу, я обоссалась!» – сообщила Бенья. Паша уже открыл рот, чтобы сказать: «Я тоже». Но вовремя вспомнил, что разговаривает с собакой и промолчал. В лагерь они вернулись уже глубокой ночью. Их товарищи были очень обеспокоены, но скорее отсутствием собаки, чем Паши. Наверное, если бы он пропал, у всех было бы меньше проблем. Когда они увидели лук, который Пашка не догадался выбросить по дороге, Ольга слегка побледнела и тихо спросила:

– Вы что, кого-то убили?

– Нет, – буркнул в ответ Паша, – только хотели.

– Зачем? Вы знаете, что нас за это могут лишить лицензии навсегда? – всполошился Павел.

– Вы что голодаете? Особенно ты, Бенья, – поинтересовалась Ольга.

Собака незамедлительно скроила рожу из серии «врагу не сдается наш гордый варяг», встала на задние лапы и заявила: «У меня, между прочим, охотничьи инстинкты!». Потом патетически прикрыла лапой глаза и взвыла: «Ну, убейте меня за это!» Развернулась и удалилась в палатку, не забыв прихватить миску с оставленным для нее кормом.

Паша, поедая надоевшие консервы, тихо рассказывал, как

было дело. «Ведь это была сама Хозяйка», – закончил он. Слушатели не поняли про что он, и Паша рассказал про старинные уральские легенды, записанные Павлом Бажовым, которые он знал с детства. И про Хозяйку Медной горы, и про Голубую змейку, и про Серебряное копытце. Про себя он подумал, что его Киссон часто говорила, что, несмотря на солидный возраст, все время мечтает встретить в лесу кого-нибудь из этих персонажей. «Вот я встретил, а лучше бы не встречал», – подумал Пашка. Его рассказ особых эмоций не вызвал, и вскоре все пошли спать. «Чурбаны деревянные, ничто их не трогает», – скрипел зубами Паша, засыпая. В лицо ему ткнулся влажный собачий нос. Похоже, единственное близкое ему тут существо – это Бенья. В собаке этой было больше жизни и чувств, чем в людях, которые были копиями или воплощениями его самого и его любимой женщины. Они вроде бы и вели себя правильно, и часто высказывали мысли, которые Паша считал своими, но не было в них эмоциональности, так необходимой ему. Он вспомнил свои лихие ссоры с Киссоном, а иногда и с мамой, и с сестрой. Они были безобразны, но потом были примирения, которые приносили спокойствие и ощущение полноты жизни. А тут даже поругаться было не с кем.

Проснулся Пашка в отвратительном настроении. Все тело ломило, отсутствие жизненных перспектив угнетало, к тому же вся группа была в сборе и ждала его пробуждения, чтобы сообщить ему, что отныне их с Беней одних оставлять не бу-

дут. После завтрака все направились на динамитный завод. Стояла середина сентября и погода могла вот-вот испортиться, поэтому раскопки нужно было заканчивать, а результатов не было никаких. Паше вручили раскладную лопату, и дали задание расчистить один из входов в подземелье. Но в нем, как назло, проснулась его природная вредность, и он начал хамить Ольге, что называется на пустом месте. Он очень хорошо знал словечки и интонации, которые буквально выбешивали его жену в той, другой реальности, и тут он тоже рассчитывал на соответствующий эмоциональный взрыв. Но Ольга никак не реагировала на все его подколы, и он даже не чувствовал, что она прикладывает какие-то усилия, чтобы сдержаться.

– Зря стараешься, – сказала Бенья, – у нее поглотитель вибраций в мозгах стоит. Ты думаешь, почему меня БенеЙ зовут? Книжка есть, какая – то, так там, была школа сверхлюдей, БенеГессерите называлась, люди эти были крутыми манипуляторами, потому что были экстрасенсы.

– Не носи чушь, – отчитала собаку Ольга, – книга та, фантастический роман, а у нас технологии, и никакие мы не экстрасенсы. Просто на определенном участке мозга делается небольшая операция, и мы перестаем чувствовать вибрации, исходящие от нашего оппонента в споре. Это не значит, что мы не испытываем отрицательных эмоций, мы просто имеем возможность их не усугублять. Операция делается только во взрослом возрасте и по желанию. А у тебя, Бенья, тоже в го-

лове стоит преобразователь сигналов мозга в человеческую речь. Вот поставили тебе сдуру, теперь у тебя неконтролируемый словесный понос.

– А зачем она на задних лапах иногда ходит? – поинтересовался Паша.

– Нам подражает, зоопсихологи против этого. Но мы с Павлом считаем, что, если возможен культурный обмен между разными этносами, то почему ему не быть между разными видами?

– Так, у вас собаки в Верховном Совете скоро будут заседать, – заметил Паша.

– А почему нет? Сейчас большинство взрослых собак и кошек находятся на уровне развития тинейджеров в двадцатом веке. Но если их обучать и развивать, они станут полноправными членами общества. Вот наш Тимофей очень разумный, мне всегда есть о чем с ним поговорить. Вроде бы сейчас какие-то программы разрабатываются по интеграции животных в социум.

– Жаба на участке тоже с встроенными мозгами? – поинтересовался Паша.

– Во-первых, не жаба, а лягушка травяная. Во-вторых, да, у нее тоже есть преобразователь, для того чтобы она могла нам сигнализировать о беспорядках на участке. Мы люди занятые, не все можем сами отследить.

– А вы не боитесь жить с этими технологиями? Там, откуда я пришел, они сейчас тоже бурно развиваются, и боль-

шинство людей, очень опасается, и детей из пробирки и выращенных органов.

– Детей из пробирки? Это как?

– Ну, берут сперматозоиды, подсаживают к яйцеклетке и эмбрион готов, еще ладно, когда мать сама вынашивает плод, иногда нанимают суррогатную родительницу. Или вот у нас теперь уже многие органы выращивают, и операции по пересадке проводят. Но все это больших денег стоит, не у многих они есть. Страшно, когда твоему близкому человеку грозит смерть, и теоретически его можно спасти, но у тебя нет денег.

– Дикость какая! – отреагировала Ольга. – У нас тоже давно уже научились заменять все жизненно важные органы, поэтому мы жить можем очень долго, и в нормальном состоянии. У нас, если и бывают смерти в молодом возрасте, это или в космосе, или в океане, где нет медицинских баз. А так, у нас люди уходят, когда считают, что в этой жизни они уже все видели, все сделали, и им интересно, что там дальше.

– И многим это интересно? Не понимаю, если можно жить вечно, то зачем умирать, страшно же?

– Знаешь, если бы мне сказали, что я никогда не умру, я бы расстроилась. К смерти мы относимся как к величайшему приключению, как к путешествию в неизведанное. Ну, и как к подведению итогов.

– А как же у вас с перенаселением планеты. Когда я сюда попал, увидел очень много детей. Значит, если вы все живе-

те долго, и имеете много детей, у вас должен возникнуть дефицит ресурсов.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, нефть, газ, пища, вода, наконец.

– От использования нефти и газа, мы отказались сразу после войны. Развивали атомную энергетику для промышленности, и альтернативные источники для бытовых нужд. Проблему голода решили с помощью генномодифицированных продуктов, водные источники стараемся не загрязнять, используем разные технологии очистки и опреснения. К тому же детей у нас не так много. Рожают только те, кто предназначен, именно для этого, те, кто себя без детей не мыслят. Это очень уважаемые люди, они в детей всю душу вкладывают, и почти все время. А вот то, что у вас, как ты говоришь, детей выводят искусственным путем, это очень-очень странно. Я тебе уже рассказывала про единое информационное поле, в котором мы живем, в него входят и наши ушедшие предки. Они помогают нам жить, поддерживают энергетически. Думаю, в вашем мире также, только вы об этом не знаете. И как будут предки поддерживать человека, мать которого ничего не испытывала к его отцу, даже не знала его. И как предки суррогатной матери отнесутся к выношенному ей, по сути, чужому ребенку. Все это мне кажется неправильным, но кто я, чтобы судить?

– Слушай, вы такие правильные, аж противно. Вы что, никогда не ругаетесь, не воюете, не изменяете друг другу? Ну,

как так жить? Не согрешишь, не покаешься, как говорится.

– Да каемся мы, еще как, я ж тебе говорила. И все у нас бывает, просто, зачем лишний раз попадать в тяжелую ситуацию, если можно ее избежать.

– Не верю я. Все-таки человек, он склонен доказывать свое превосходство, рисковать, властвовать. Только сдается мне, что как только у кого-нибудь из вас начинается что-то подобное, вам в мозгах чем-нибудь щелкнут, и вы снова становитесь чинными, благородными и никакими.

– Думай, как хочешь, – отозвалась Ольга. – Но если человек нуждается в риске, он летит в космос, проявит себя там, потом попадет в Совет Высших, вот тебе и власть, только не всем это надо. Вот нам с Павлом вполне нравится наша жизнь. Ладно, давай работать! Мы вчера тут кладовку откопали, там древние реактивы и инструкции по их применению. Надо их все в лагерь перенести.

– Какое это имеет отношение к золоту Колчака? Да никакого. – сказал Пашка. – Занимаетесь ерундой, а скоро уж морозы вдарят.

– Что ты предлагаешь?

– Ничего, таскайте сами. У вас вон телепортация настроена.

Он резко развернулся и пошел в горы. Собака, было, ринулась за ним, но одернутая резким окриком хозяйки, поплелась к месту раскопок.

После вчерашней встречи идти Паше было боязно. Но он

имел кое-какой опыт общения с потусторонними силами в прошлой жизни. Вернувшись, домой после армии, он неожиданно стал видеть призраки умерших людей. Сначала это чрезвычайно пугало его, но и давало ощущение собственной исключительности. Как правило, эти «гости» ничего существенного не говорили и не делали. Постепенно Паша привык к их возможному присутствию. Когда он познакомился со своей будущей женой, он долго не решался рассказать ей о своих видениях, боялся, что она будет считать его сумасшедшим. Со временем Ольга стала чувствовать их, через него. Когда «гости» появлялись, внимание Паши становилось рассеянным, по телу пробегала дрожь и близкий человек, конечно, это видел. В конце концов, ему пришлось рассказать ей о своей проблеме. К его удивлению, Киссон восприняла это, если не спокойно, то уж во всяком случае, без паники. Со временем они все меньше и меньше говорили об этом, а «гости» все реже и реже являлись. Но благодаря этому жена его стала интересоваться эзотерикой, без фанатизма, часто посмеиваясь над собой, но всегда признавая факт существования чего-то неведомого. Теперь, идя по лесной дороге, неизвестно куда, Паша думал, что его теперешнее положение, возможно, было predetermined, но что делать, он по-прежнему не знал. «Наверное, надо остаться в лесу, но скоро зима, а у меня ни одежды, ни запасов, ни ружья. Кроме того, тут ружьем-то и не воспользуешься, вон нежити всякой полно. Хоть ложись да помирай. Может оно и лучше! А

может, я уже того... умер», – думал он. Лагерь остался далеко позади, Пашка поднимался все выше в горы. Наконец он остановился у скалы на какой-то неизвестной вершине, посмотрел вокруг. Под ним на многие километры полыхали осенним золотом леса, большие и маленькие озера отражали голубое небо, по берегам были разбросаны города, с домиками, как из детского конструктора. Все это было до боли родным, впитанным с молоком матери, тем, что он любил, ради чего жил, может быть, не сознавая этого. «Нет, пока я это все вижу, я живу. Мне нужно что-то понять, ведь я здесь не просто так», – говорил он себе, спускаясь с вершины. «Павел и Ольга – ведь это клон моей жизни, такой, какой она могла бы быть. Счастливы ли они? Они благополучны, это да. Занимаются любимым делом и спокойны, очень спокойны. Любят ли они друг друга? И потом эти операции на мозгах, они вообще люди? Может киборги какие-то вместе с собакой и котом. Хотел бы я так жить? Наверное, хотя не знаю. Что я видел в своей жизни? Много и тяжело работал, всегда хотел быть первым. Не всегда получалось. Но все же построил своими руками дом, разбил сад, по миру поездил. Только всегда передо мной были какие-то препятствия, враги, обстоятельства, которые мешали наслаждаться жизнью в полной мере. Может быть, я всегда сам себя ограничивал, не позволял себе радоваться, наказывал себя за что-то. Вопрос, за что?» Он присел на поваленное дерево, стал вспоминать всю свою жизнь с самого детства. Вот отец, жесткий, не тер-

пящий возражений, выбросивший в порыве гнева, с третьего этажа, его любимого щенка Тимку. Он до сих пор помнит глаза умирающего животного. Разве можно это забыть и простить? А побои? Доставалось и ему, и матери, только маленькую сестренку отец не трогал. А ночь, когда они бежали из дома, и потом долго скитались по чужим углам, жили в нетопленных халупах, спасали от крыс картошку – свою единственную еду. В тринадцать лет он начал торговать паленой водкой, были девяностые, пришлось научиться договариваться и с бандитами, и с милицией. В школу ходил редко, да и школа была такая, где военрук преподавал заодно и немецкий. Ушел в армию. Кавказ. Стрелял, возможно, кого-то убил, возможно, убил многих, кто знает? Пуля, она, как известно, дура. Вернулся. Пил запойно. Работал, где придется, тащил, что плохо лежит. Однажды встретил ее, Ольгу, девушку из другой жизни. Да и не девушку, ему – двадцать четыре, ей – тридцать шесть. И у нее уютный дом, и собака, и бабушка, все то, чего у него никогда не было. Он полюбил ее всем сердцем, а она не хотела верить. Думала он альфонс или идиот, или что она там еще думала... Ради нее он собрал все свои интеллектуальные силы и поступил в институт, ради нее он бросил пить и купил себе красивую одежду. И вот, когда у нее случились крутые неприятности, когда от нее отвернулись друзья и ей не на что было жить, он возник на пороге с мешком картошки (потому что ничего другого у него на тот момент не было) и бодро сказал: «Ничего, проблем-

ся!». И тут она поверила, должно быть от безысходности. И они стали жить вместе, сначала осторожно, присматриваясь, а потом привычно выручая и поддерживая, друг друга. И вот уже много лет они вместе. За эти годы было все. И неоднократные крушения бизнеса, и тяжелая авария, бесконечные ссоры из-за денег, даже измена с его стороны была. Но как-то все пережили, и вот теперь, когда все более или менее наладилось, он оказался здесь. Страшно даже подумать, что чувствует сейчас Киссон, она всегда говорила, что самое ужасное в жизни – неизвестность и неопределенность, и вот теперь он неизвестно где, и непонятно сможет ли когда-нибудь вернуться. Киссон... Он шутил, что она киса мужского рода, потому что умела принимать жесткие решения, и его заставляла не расслабляться ни во время относительного спокойствия, и тем более, в пору неудач. «Не верь, не бойся, не проси!» – было ее жизненным девизом, и она только недавно узнала, что это закон зоны. Но вся их страна всегда была зоной, еще до их рождения. Недаром Россия живет поговоркой: «От тюрьмы да от сумы не зарекайся». А они были русскими. Русскими до мозга костей, хотя в его жилах текла и татарская, и еврейская кровь. Но Родина, Урал, кусок земли, который они своими руками превратили в цветущий сад, было тем единственным, ради чего стоило жить. Детей у них не было, и теперь он точно об этом не жалел. Он не знал, что бы мог им дать в этом мире, не просто жестоком, но в последние годы, лишенном элементарной логики самосохранения.

Как бы он их защитил от педофилов, вирусов, наркотиков, телевизора и интернета? Да никак. Так что единственными источниками его безусловной любви были Киссон и мама. Мама... Наверное, она старается не думать о плохом сейчас, отвлекается на всякие мелочи. В юности он очень обижался на нее за то, что не смогла найти другого выхода, кроме как побег от отца, за то, что жили в постоянной нищете, за то, что у него не было дней рождения с подарками и друзьями. Но в последние годы они были так близки. Она – единственный человек, который верил во все его «завиральные» идеи с бизнесом, жестко критикуемые Ольгой. Она помогала ему во всем, не только словом, но и руками. Каждую свободную минуту, она посвящала ему, работая и в магазине, и на складах. Что она делает теперь, что думает? Нет, она, в отличие от Киссона, верит во все хорошее, и он не может подвести ее, не может не вернуться. Он снова поглядел на далекий город, в котором жил. Отсюда не было видно несоответствий двух реальностей. Может быть, надо идти в город? Может быть, там пройдет это наваждение? Солнце катилось к горизонту. Очень хотелось есть. Пашка начал собирать позднюю, перезревшую чернику, и вдруг почувствовал чье-то присутствие. Медленно подняв голову, он с облегчением увидел рядом с собой Павла, а то ведь мог быть и медведь, или вовсе нежить какая-нибудь. Двойник присел на бревно, спросил весело: «Питаешься?» Паша не ответил, дожевывая сладкую темно – синюю массу.

– Что думаешь делать? – снова спросил Павел.

– В город пойду.

– А смысл? Думаешь, там что-то изменилось? Без нас пропадешь ведь.

– Так и так пропаду. А ты что предлагаешь?

– Мы еще два дня здесь пробудем. Потом надо возвращаться, прогноз плохой, морозы до минус пяти. За два дня ты можешь до города не добраться, а если доберешься, объяснять замучаешься кто ты и что ты. Лучше тебе быть с нами. Вернемся в цивилизацию, будем пытаться тебя легализовать. Может быть, ты и не единичный случай, иногда мы слышим о таких «прыгунах», просто мы никогда этой темой не интересовались, может все не так драматично, как кажется.

– Ну, так давай поинтересуемся, – сказал Паша.

– Как? – отозвался двойник

– По интернету, епти!

– А что такое интернет?

– Компьютерная сеть, в которой полно всякой информации. Через нее люди и общаются, и платежи проводят.

– У нас такого нет. Компьютеры только для сложных вычислений и контроля технологических процессов используются. А информацию мы получаем из книг, газет, радио.

– Так и знал. Счастливые вы люди.

– Почему? Это ведь, наверное, очень удобно и быстро получать информацию таким способом. Положим, общение у

нас и так не затруднено, в любой момент можем метнуться куда угодно, а вот быстро добыть знание... Это круто!

– Да, только качество этих знаний надо проверять. Да и не так много людей пользуется именно этой функцией интернета. В большинстве новости читают, и в соцсетях сидят, собачатся друг с другом или хвастаются, кто лучше выглядит, у кого тачка круче или картинки смотрят.

– Зачем? – удивился Павел.

– Вам не понять. У вас же отсутствуют такие черты как тщеславие, корыстность, преклонение перед властью.

– Не совсем. Мы же люди, и ничто человеческое нам не чуждо, как говорится. Почти каждый из нас хочет быть первым в своем деле, и иногда соперничество бывает, мягко говоря, нечестным. И власть мы уважаем, а иначе, что она за власть, как она обеспечит закон и порядок? Вот корыстности нет, это правда. Все блага общества доступны каждому. И если есть какие-то новые разработки, улучшающие качество жизни, о них не известно широким массам, до тех пор, пока нельзя будет обеспечить ими буквально каждого желающего. Это так.

– А вот, скажем, ради женщины вы можете пойти на преступление? Ну чтобы доказать ей свою любовь, показать ей, что ты лучший.

– Да какой женщине нужны такие доказательства? Тут один критерий – интересно вам вдвоем или нет. В разных аспектах, конечно.

– А ты с Ольгой как познакомился?

– Она у нас в институте преподавала. Ну, я доклад один интересный подготовил, потом помогал ей материалы разные в архивах искать, потом в одну экспедицию попали, а потом поняли, что друг без друга не можем.

– А ты бабушку ее знал?

– Галину Петровну, а как же! Миртовая бабуленция была. Только виноват я перед ней. Когда она ушла, не пришел ее проводить. Время перепутал, понимаешь? Перед Ольгой стыдно было, до сих пор это меня гложет.

На мгновение Пашку осенила какая-то мысль, но он не успел ее додумать и зафиксировать.

– Пойдем в лагерь. Утро вечера мудренее. Вон уже темно сейчас будет, – сказал Павел. Мужчины обнялись, и через несколько секунд уже были у палатки, где их поджидали Ольга и Бенья.

Поужинав, Пашка забрался в теплый гамак, и подумал, что человеку мало надо, сытый желудок, да сон в тепле. Проснулся он посреди ночи, потому что к нему в гамак забралась наглая Бенья, проворчав что-то по поводу собачьего холода и дискомфорта. Заснуть он уже не смог. Он пытался вспомнить, мысль, промелькнувшую у него на вершине, и никак не мог ее сформулировать. И вдруг понял. Павел не пришел на похороны Ольгиной бабушки. Он, Паша, забыл про ее поминки на девятый день. В этом было что-то важное, но он не мог понять что. Потом он неожиданно вспомнил

случай со стариком-соседом, который произошел несколько лет назад. Был хороший весенний день, Паша провел его на даче, все у него получалось, дела спорились. К вечеру он приехал домой в прекрасном настроении. Выходя из машины, увидел, как в подъезд заходит сосед. Это был неприятный старикан, который никогда ни с кем не здоровался, был всегда один, и лет десять, что Паша жил в этом доме, никак не менялся. Заходя вслед за ним, Паша услышал звук падения, он понял, что это упал старик. Первым его порывом было броситься на помощь. Но тут он представил, что вот сейчас придется вызывать скорую помощь, а может, и труповозку, объясняться с полицией, и еще, прикасаться к старому, дурно пахнущему телу, и он свернул на свою лестницу. Впрочем, ничего страшного не произошло. Он еще несколько лет видел его на улице, но каждый раз, где-то в душе скребло чувство собственной моральной неполноценности. Потом старик исчез, наверное, умер, и Пашка не вспоминал о нем долгое время, а вот сегодня вспомнил. «Бабушка, старик», – к чему все это думал Паша. И вдруг понял. Он сегодня перелопатил всю свою жизнь, и ему ни за что не было стыдно. Ни за пьянство, ни за кражи, ни за возможные убийства. А вот за эти два случая стыдно было почти невыносимо. «Простите, простите!», – шептал он в густую собачью шерсть, но никто его не слышал. К утру Пашка забылся, и приснился ему прекрасный сон, о том, как они с Киссоном пришли в гости к ее бабушке, пили чай с манником, а

потом неожиданно запели любимую бабушкину песню «На позиции девушка провожала бойца». Впервые за все время, которое он провел в чуждой реальности, на душе было спокойно и даже радостно. Он вылез из палатки, насвистывая «Огонек», чем вызвал всеобщее удивление.

Раскопки у завода решили закончить, и в последние два дня попытать счастья у Сугомакской пещеры, чтобы не терять время, решили переместить туда и лагерь. Собрались быстро, переместились еще быстрее. Возле пещеры протекал ручей, очень чистый в отличие от Пашиной реальности. Там и поляна перед пещерой, и ручей, и сама пещера были загажены многочисленными туристами, а здесь не ступала нога человека. Первым поползновением всех членов экспедиции, было поскорее попасть в недра земли и увидеть там что-нибудь необычное. Но Паша, который неоднократно бывал здесь раньше, сказал, что без специального снаряжения, они не пройдут дальше второго зала. Он остался обустроить лагерь, а Павел, Ольга и собака все-таки пошли на поиски. Установив палатку, и развесив гамаки, Паша решил принести воды, уже подходило время обеда. На камне у ручья, грелась на камне небольшая змея голубого цвета. Скорее всего, это была обыкновенная серая гадюка, но вода в ручье и камни вокруг были голубоватыми, и она показалась тоже голубой. «Ничего себе! Голубая змейка! Неужели мы клад найдем?» – в душе у Пашки забрезжила смутная надежда, на то, что все будет хорошо. Он, не отрываясь, смотрел на змею. А

та совсем не опасаясь, продолжала нежиться на последнем осеннем солнышке, потом она медленно поползла среди высокой травы, и скрылась под каменной насыпью. Пашка принялся судорожно подбирать камни, которых коснулась змейка. По приданию, здесь должна проходить золотая жила. Но никаких следов золота он не увидел, хотя, конечно, какой из него геолог? Паша направился в пещеру, чтобы рассказать о случившемся, и посмотреть, как она выглядит внутри в этой жизни. Еще на входе он заметил, что на камнях полностью отсутствуют следы копоти, и очень четко виден профиль Ленина, выбитый каким-то умельцем еще в шестидесятых годах прошлого века. Это было единственное свидетельство пребывания здесь человека. Никаких надписей, типа «Здесь был Вася» не было. Отсутствовали и ленточки, которые туристы завязывали «на счастье» на соседних кустах и деревьях. Паша зашел в первый зал, без фонарика было темно и ничего нельзя было различить. Он знал, что где-то рядом находится проход во второй зал, очень узкий, но в принципе пролезть можно. Он не полез, а негромко позвал своих товарищей. Вскоре из прохода выбежала Бенья и сказала: «Ничего там, конечно, нет. Но все-таки интересно, я никогда не бывала в таких местах!» Через несколько минут появились Ольга и Павел, им было гораздо труднее пролезть в узкий проход, но они успешно с этим справились, все-таки не первая у них была экспедиция. Когда все вышли на свет Божий, Паша рассказал о своей встрече с голубой змейкой. Поскольку

никаких планов поиска клада у археологов не было, решили воспользоваться подсказкой из легенды и попытаться разобрать каменный завал, под которым скрылась змея, чем и занялись после обеда. Работали все с энтузиазмом, особенно Паша. Даже Беня пыталась рыть там, где порода крошилась в мелкий щебень. К темноте докопались до полости в груде камней, решили, что может быть это еще один вход в пещеру. После ударной работы и горячего ужина, всех разморило, и все моментально заснуло, еле дойдя до гамаков.

Среди ночи Паша проснулся и вышел из палатки по малой нужде, за ним вылезла Беня. Ночь была удивительно звездная и холодная, от ручья поднимался туман, на глазах заволакивая всю поляну. У Паши по телу пробежала дрожь, как бывало в те моменты, когда он видел гостей из потустороннего мира. И он увидел. Прямо перед ним вырисовывались силуэты людей в солдатской форме времен Гражданской войны и лошадей, запряженных в телеги. Обоз уходил вдаль, но Паше, казалось, что он уходит в пещеру. На расстоянии вытянутой руки перед ним остановились два бойца. Один пытался закурить, а второй достал часы на цепочке, и неловко уронил их прямо под ноги Пашке. Дрожа от ужаса, он подобрал их, хотел вернуть солдату, но силуэты стали растворяться в тумане. Паша держал в руках тяжелый хронометр, желтый металл приятно охлаждал вспотевшую руку, механически он нажал на какую-то кнопку, и крышка открылась. Стрелки показывали три часа, но через секунду, они стали вращаться

в другую сторону, и у Паши появилось непреодолимое желание вернуть их хозяину. Он бросился за растворяющимся в тумане обозом, но никак не мог преодолеть двадцать метров, отделяющих его от последней телеги. Сначала он шел, а потом бежал все быстрее и быстрее, тело было разгоряченным, но вокруг стоял мертвенный холод, и только дыхание бегущей рядом собаки, подсказывало ему, что он все еще жив. Бежали они долго, уже небо стало светлеть, и тут выбившийся из сил Паша споткнулся о корень и полетел носом вперед, отбросив в сторону хронометр. Он встал, потирая ушибленное колено, и обнаружил себя возле той самой старой березы, где он упал перед тем, как попасть в эту передрыгу с параллельной реальностью. В душе затеплилась робкая надежда. Сквозь сгущающийся туман он различил силуэт собаки, которая подобрала часы и пыталась проскочить к нему через раздвоенный ствол дерева. У нее это не получилось. Паша хрипло сказал: «Ты, это... Часы нашим отдай. Они, наверное, их искали». Бенья встала на задние лапы, отдала честь и удалилась, гордо виляя хвостом. «Да уж, теперь с ней сладу вообще не будет, она теперь – главный герой. Только дойдет ли? Дойдет!» – думал Паша, медленно бредя по знакомому лесу. Никогда он не думал, что будет с умилением смотреть на мусор, оставленный туристами, но сейчас, это была для него самая прекрасная картина, ведь это значило, что он вернулся. Но расслабляться было еще рано. Что там дома? Все ли живы? Ждут ли его? С диким волнением он толкнул

калитку, огляделся. Все было как в тот день, когда он был здесь последний раз. На веранде стояла корзинка с груздями, и земля на них даже не засохла. На столе он увидел пачку сигарет и с наслаждением закурил. «Интересно, какой сегодня день?» – размышлял Паша. Он поставил телефон на зарядку и набрал номер Киссона. Ему не ответили. Набрал маму. Услышал родной голос: «Привет, сынуля! Как дела?» Мама говорила как всегда, значит, ничего не знает. И знать ей не надо. Поболтав о здоровье и погоде, он отключился. За воротами послышался шорох шин, подъезжающего автомобиля. Через минуту он увидел Ольгу, свою Ольгу, коротко стриженую блондинку. Со всех ног он бросился к ней, прижал к груди, почувствовал родной запах, в глазах защипало. В это время в машине бесновались Беня и кот, требуя немедленно их выпустить, слава Богу, не используя человеческий язык. Ольга с удивлением посмотрела на мужа и спросила:

– Что-то случилось? По какому поводу такие нежности?

– Просто соскучился.

– За два дня? Совсем тут одичал. Давай, зверей выпустим, а то сейчас весь салон разнесут.

Она открыла машину, кот и собака побежали по своим делам, как делали это всегда, приезжая на дачу. Киссон вытащила сумки с продуктами. Паше хотелось сейчас же рассказать обо всем, что с ним приключилось, эмоции просто распирали его. Но он сдержался, подумал, что вот вечером они растопят камин, нальют по бокалу красного вина, и то-

гда он медленно и подробно вспомнит все, и Киссон, конечно, поверит ему и все поймет. А пока он пошел в сарай, достал там старую косу-литовку и стал править ее. «Все. Больше никаких электрических газонокосилок на нашем участке не будет», – решил он.

Глава 2

Наступил долгожданный октябрь, но радости не принес никакой. Весь мир сошел с ума. Какой-то гениальный человек, а может и не человек вовсе, придумал фишку с вирусом. И ведь как удобно. Ни тебе ракет, ни разрушений, просто вещай из каждого утюга: «Сегодня умерло столько-то...», и все. Народ сидит по своим норам, границы закрыты. «А как мечталось попробовать на вкус итальянскую осень!» – Ольга грустно вздохнула. Они с Пашкой даже начали учить итальянский язык, но билеты пришлось сдать, путешествие отложить на неопределенное время, а отпуск проводить на даче, которая и так надоела за время этого жестокого лета. Лето было действительно жестоким. Ранняя и теплая весна как будто попыталась компенсировать людям, напуганным неизвестной болячкой и отсутствием четких перспектив на дальнейшую жизнь, их моральные потери обильным и дружным цветением всего, что только может цвести. Но потом настал очень холодный июнь, а потом необычайно знойный и засушливый июль. Народ, наплевав на страхи и защитные маски, потянулся к озерам. Никогда в их дачном поселке не было так шумно и суетно. Но к осени, слава Богу, все разъехались, остались только старики – пенсионеры, да редкие отпускники, как они с Пашей. А сегодня день просто звал пойти в лес, послушать звенящую тишину, погреться на по-

следнем осеннем солнышке. За завтраком было решено поехать на Французскую горку. В прошлом году они открыли для себя это удивительное место. В конце девятнадцатого века некая французская компания построила в Уральских горах завод для добычи хризолит-асбеста. Остатки этого монументального сооружения из розового камня до сих пор привлекают сюда туристов. Но дело оказалось не рентабельным, что немудрено с учетом отдаленности завода от населенных пунктов. Потом началась Первая мировая война, потом Революция, завод пришел в упадок, восстанавливать его никто не стал. Однако по легенде, французы пострадали вовсе не от убытков производства, а от того, что были пойманы на незаконной добыче золота. «Вот и мы сегодня попытаем счастья. А вдруг нам попадетса самородок, ну хоть самый маленький, не для наживы, а для интереса!» – мечтал Паша, собирая рюкзак. Взяв с собой немного еды и погрузив в машину Беню, они в хорошем расположении духа двинулись в путь.

Дорога проходила сначала по живописному городку Кыштыму, где сияли куполами церкви, а маленькие домики и большие заводы прятались в красно-золотой парче осенних деревьев. Через несколько десятков километров пейзаж изменялся до неузнаваемости и напоминал ад со старинных гравюр, иллюстрировавших Божественную комедию. Мрачные черные холмы отработанной горной породы, сияющие на солнце микроскопическими крупинками меди и пирита, больные деревья на склонах гор, непрезентабельные по-

стройки вдоль дороги и фантастического вида драга, двигающаяся по мутным желтым водам, все это наводило на мысли о фильме ужасов. Они проезжали самый экологически грязный город на Земле – Карабаш. Но и здесь испокон веков жили люди. Те русские люди, которые добывали золото, плавил медь, умирали молодыми, чтобы жила их Великая страна. И вот уже и страны той нет, а они продолжают добывать и умирать... Такие невеселые мысли приходили в голову Ольге, пока на выезде из города она не увидела груды зеленых камней, а на ней резвящихся серых ящериц. Паша остановил машину, они сфотографировали веселую семейку, а заодно и перспективу мрачного, но все же прекрасного Карабаша. Дальше они ехали под музыку Rammstein, переделавшего на свой лад, известную советскую песню «Прекрасное далеко». В этом было нечто символичное, как переплетение жестких реалий жизни со светлыми надеждами на будущее. Спустя полчаса путешественники добрались до пункта своего назначения. Вернее, в последний населенный пункт, дальше надо было идти по лесной дороге. Собака, почуявшая свободу, носилась как угорелая, пока вся компания не подошла к небольшой речке, заросшей камышом. Над речкой высилась весьма хлипкая конструкция, гордо именуемая мостом. Люди бесстрашно вскарабкались на него, но Бенья, посмотрев на это сооружение, встала, как упрямый осел. Как ее ни звали, какие преференции ей ни предлагали в виде колбасы и сыра, собака стояла на своем, то есть на берегу. Паше пришлось

вернуться, поднять на руки двадцать килограммов живого веса и перетащить капризулю на другую сторону. Дальше идти было просто приятно. Хрустальный, как у Тютчева день, радовал их сердца, и ноги бодро преодолевали пока не крутые подъемы. По дороге они встретили мужика с металлоискателем, тот совершенно открыто сообщил, что ищет золотишко, что за лето насобирал сто двадцать граммов. А на вопрос Павла, где лучше всего попытать счастья только хитро рассмеялся. Вдохновленные такой информацией, и несколько не обидевшись на старателя, туристы двинулись дальше. Бенья ломанулась в кусты, даже по хвосту было видно, что учуяла зверя. Ломая сухие ветки, она выгнала на поляну енотовидную собаку, но что делать дальше, она не знала. Теоретически теперь должен был раздаться выстрел, добыча повержена, а она, Бенья – герой дня. Но хозяева только достали телефоны и начали снимать енота, пока тот не ретировался в ближайшие заросли. Бенечке, конечно же, стали петь дифирамбы, какая она, дескать умница, красавица, добытчица и т. д. и т. п. Но даже колбасой не поощрили, сказали, рассчитаются на привале. Шли еще довольно долго, но вот, наконец, на золотом фоне берез показалось массивное здание бывшего завода. У Ольги по спине пробежала дрожь, и защипало глаза. Так всегда бывало, когда она видела что-то величественное. А эти руины были величественны, несколько не хуже развалин Линдоса или Луксора, хоть и менее древние. «Вот, как? – думала она, – наши прапрадеды, практиче-

ски без всякой техники, в глухом лесу возвели это технологичное сооружение с множеством вентиляционных шахт, колодцев и других коммуникаций?» Мысль о предках зацепила ее. Все ее детство прошло с прабабушкой, 1897 года рождения. Баба Шура хорошо помнила годы Революции, и, наверное, вполне могла застать людей, живших при крепостном праве. Как все близко в исторической перспективе! И да, ее, Ольгин, прапрадед, теоретически мог участвовать в строительстве этого завода. На самом деле он, жил совсем в другом конце губернии и был столяр – краснодеревщик. От этих глубоких размышлений ее отвлек Павел, предложив разбить небольшой лагерь и перекусить. Они поднялись чуть выше в гору к маленькому озерцу, обрамленному скалами, заросшими мхом, и устроились возле огромного валуна. Ох, какой русский не любит поест? Особенно на природе. Бутерброды и чай были моментально сметены, причем больше всех поживилась собака. А как же! Ее как заслуженного охотника и участника дальнего похода премировали с двух сторон. Потом Паха собрал металлоискатель и пошел прочесывать ближайшую поляну, а Ольга с Беней вернулись к развалинам, чтобы набрать красивых камушков, валявшихся здесь в изобилии. Ольга подбирала осколки мрамора, яшмы, змевика, хризолита потом находила новые, более интересные, старые оставляла. С недавних пор камни стали очень привлекать ее. Ведь только подумать, вот эта симпатичная, отполированная самой природой яшма могла видеть, например, ди-

нозавров. А вот этот змеевик, может быть, использовали для своих хозяйственных нужд первобытные люди. Камни, как-ким- то образом, выстраивали ее понимание времени. Также как птицы удивляли ее, как покорители пространства. Как-кая-нибудь малая птаха, типа соловья, летела на зимовку с Урала в Африку. Как она преодолевала тысячи километров своими маленькими крылышками? Когда Ольга думала об этом, у нее от умиления сжималось сердце. Размышления о времени и пространстве были неожиданно прерваны ощущением присутствия кого-то чужого. Ольга подняла глаза и на фоне розовой стены увидела белесого карлика. Он смотрел на нее белыми злыми глазами. От испуга женщина попятилась и полетела в узкую глубокую штольню. Ее дикий крик разнесся на многие километры, повторенный лесным эхом. После падения на такую глубину от нее должен был остаться только переломанный труп. Но дно штольни было покрыто многолетней перепревшей листвой, и Ольга плюхнулась в мягкую грязь, практически ничего не повредив. Вслед за ней прилетела собака. Зная характер Бени, Ольга понимала, что это не подвиг мужественного животного, бросившегося вслед за хозяйкой, значит, собаку сбросили. Но ведь ее надо было еще схватить! Ольга погладила скулившую любимицу, на ощупь повреждений не обнаружила. Когда прошел первый ужас от случившегося, собака и женщина начали громко звать на помощь, каждая по – своему. Но Ольга понимала, что никто на их призывы не придет. Ведь Паша был где-то

рядом и не мог не слышать их завываний, но помня о том, что недавно приключилось с мужем, она понимала, что теперь настал ее черед приключений. Она попыталась успокоиться, убеждая себя, что если не погибла сразу, значит, для чего-то она понадобилась. Обнимая дрожащую всем телом собаку, Ольга попыталась восстановить события, вспомнить, как выглядел злой карлик. Да и был ли он? Безусловно, был, иначе здесь бы не было собаки. Да и сама она не могла так оступить, все-таки она ходила на приличном расстоянии от штольни, значит, ее «подвинули». Было совершенно не ясно, что делать. День уже клонился к вечеру, в колодце становилось темно и холодно. Внезапно силы оставили Ольгу, и она, видимо непроизвольно включив внутреннюю защиту, уснула, «вырубилась» как говорят в таких случаях. Бенья тоже видимо спала или просто затаилась, экономя силы. Ночью обе проснулись. Стоял жуткий холод. Ольга попыталась поделаться физические упражнения, но это мало помогло, к тому же сильно хотелось, есть и пить. Она провела рукой по бревнам, которыми была выложена штольня, они были влажными. Ольга полизала горьковатую поверхность, но жажды, это, конечно, не утолило. Глядя ввысь на светлеющий постепенно квадрат неба, она подумала: «Да, если бы на моем месте был какой-нибудь каратист-десантник, он бы легко поднялся по этим бревнам, но с моей физической подготовкой, это не вариант...» Тем не менее, она попыталась встать на бревно и упереться в них. С левой стороны брев-

но, видимо, подгнило и сломалось под ее весом. Она попыталась вытащить обломок, и он неожиданно легко поддался. Используя его как рычаг, она попыталась отделить второе верхнее бревно. При этом она думала: «Если оно отделиться, могут посыпаться все бревна, тогда тебя пришибет, но это, по крайней мере, будет быстрая смерть». Второе бревно тоже сломалось, его обломок Ольга попыталась использовать, как таран для третьего. Таран получился никакой, бревна были гнилые, да и женских сил не хватало. С горем пополам ей все-таки удалось вскрыть узкую нору, уходящую в сторону от штольни. Нужно было ползти. Но тут обозначилась новая проблема, Бенья никак не хотела лезть в подземный ход. Ругаясь последними словами, Ольга затолкала собаку вперед себя и, подгоняя ее тычками, заставила ползти. Никогда в жизни Ольге не было так страшно, она понимала, что если нора никуда не ведет, то это – их с Беней могила, а смерть им предстоит мучительная и долгая. Но постепенно ход стал расширяться, вот уже она могла встать на колени, и впереди забрезжило какое-то подобие света, хотя, может, это был обман зрения. Однако собака, которая уже могла идти в полный рост, пошла вперед значительно живее. Наконец, они увидели реальный дневной свет, который пробивался через зарешеченное оконце в конце туннеля. Ольга заплакала от досады, ведь с железной решеткой ей было не справиться. Но тут Бенья, подбежав к отверстию, толкнула проржавевшую конструкцию лапами, и она отвалилась. Женщина и собака

оказались на свободе. Слегка отдышавшись, Ольга оценила ситуацию. Они вылезли из какого-то бетонного сооружения, напоминающего дзот. Раньше, такие бункеры, наводили ее на мысль, что это части каких-то газовых или электрических коммуникаций, но никаких труб или кабелей внутри него не наблюдалось. Тем не менее, для чего-то же этот объект был построен, значит, рядом есть или какие-то постройки, или хотя бы дорога. Очень хотелось есть. Ольга вспомнила рассказы своего деда о том, как во время войны, они, подростки, питались тем, что находили в лесу. Некоторые растения он ей показывал, но как же давно это было! Ольга оглядела лесную опушку, на которой в изобилии росла душица, сорвала жесткий стебель и, попробовав пожевать, выплюнула. Чай с этой травкой хорош, но употреблять в пищу невозможно. Сил не было, но надо было идти, искать людей. Они зашли в лес, здесь не было никаких тропинок, но и зарослей непроходимых тоже не встретилось. Собака тихо тащилась рядом, никуда не убегая. По пути им встретился куст ревеня, с уже пожелтевшими и засохшими листьями, но все-таки, стебли можно было пожевать без отвращения, и хоть чем-то заполнить желудок. Потом Ольга обобрала куст шиповника, ягоды были невкусными, но она убеждала себя, что они придадут ей сил. Собака обходилась просто осокой. Так они брели часа два, потом вышли на большой луг и пошли по еле наметившейся тропинке, которая привела их к роднику. Родник был непростой, а с крышкой, сделанной из нержавеющей стали, в

голове у Ольги мелькнули смутные воспоминания, но она не задержалась на них, лишь подумала: «Надо же, как еще в металлоприемку не утащили такую железяку». И тут она увидела забор из штакетника, длинный, он шел по краю луга, а сразу за ним начинался сосновый бор. Они пошли вдоль забора, и вскоре набрали на будку со шлагбаумом. Охраны не было, они зашли на территорию, недалеко обнаружился маленький домик, по всей видимости, обитаемый. Беня было приободрилась, и понеслась вперед, но остановилась, услышав злобный собачий лай. На крыльце появился высокий крепкий старик, в руках он держал газету «Правда». Ольга поздоровалась, и только сейчас осознала, как выглядит. Вся в грязи, всклокоченные волосы, под ногтями земля. Старик посмотрел на нее, коротко спросил: «Откуда такие?». Ольга, глядя на газету, промямлила, что-то типа: «Заблудились». В это время она мучительно соображала, что говорить? Ведь человек, читающий «Правду», не поверит ни слову из ее рассказа. Но дед ничего не стал спрашивать, позвал в избушку, налил в умывальник воды, дал мыло и чистую тряпку вместо полотенца. «Умойся, – велел он, – я твою собаку привяжу». Беня, ломившаяся в дверь, и подвывавшая на все лады, дала себя увести за ошейник во двор, где была привязана на веревку, очень кстати, оказавшуюся в сенях. Хозяин вернулся, налил в миску воды, отрезал полбуханки ржаного хлеба и отнес собаке. Ольга сглотнула слюну. Старик вернулся, спросил: «Сколько дней в лесу?» Узнав, что плутали они толь-

ко сутки, налил Ольге чаю, напластал большими ломтями хлеб, отрезал несколько кусков розовой с белыми жиринками колбасы, вытащил вазочку с карамельками. «Питайся, – сказал он, – потом поговорим». Ольга набросилась на еду, при этом мучительно соображая, что расскажет хозяину через несколько минут. Она уже посмотрела, что газета была за тринадцатое октября 1975 года. Учитывая Пашин опыт, она поняла, что реальность «сильно не та». И что в этой реальности за правдивый рассказ психушка обеспечена, поэтому она рассказала, что упала в колодец в районе Французской горки, собака прыгнула за ней, и по подземному ходу они оказались здесь.

– Это где же Французская горка находится? Что-то я такого места не знаю, – сказал хозяин.

– Под Миассом, – ответила гостья.

– Так это ж километров сто пятьдесят... Как вы за сутки-то дошли? Хотя под землей... Кто его знает... Как звать-то тебя?

– Ольга.

– Олена, значит. А меня зови Дмитрий Кириллович.

На Ольгу повеяло чем-то родным и до боли знакомым. Дмитрий Кириллович, так завали ее прадеда, который погиб на войне, но которого в семье часто вспоминали. И она сама ходила с его портретом на шествие Бессмертного полка, когда никого из старших уже не было в живых. «Неужели он?» – подумала Ольга. На фотографию не похож совсем. Но

дома, когда еще были живы дед и бабушка, ее звали Оленой, хотя на Урале часто переименовывали имена.

– Ну, стало быть, так. Сейчас тебе надо отдохнуть. Это пионерский лагерь, дети, понятное дело, разъехались, учатся, а я сторожу. Есть здесь один отапливаемый корпус, сюда начальство в баню приезжает. Я тебя сейчас туда определю, помоешься, поспишь. А завтра видно будет.

Ольгу захлестнуло чувство неизъяснимой благодарности, она подумала, а что если бы она вот в таком положении оказалась в России в 2020? Да на порог бы близко не пустили, подумали бы бомжика, пусть подышает в лесу.

Дмитрий Кириллович повел гостью по узкой аллее, по бокам которой были расставлены гипсовые скульптуры юных пионеров. На Ольгу медленно наплывало узнавание. «Это же наш лагерь, где я отдыхала младшей школьницей, или другой, очень похожий!» – думала она, но не решалась ни о чем спрашивать. Вскоре они подошли к двухэтажному кирпичному корпусу. Старик открыл дверь, они прошли по ковровой дорожке в довольно просторный холл. Там стоял диван и огромный ламповый телевизор «Темп», невероятная роскошь по тем временам. Ольга осталась в холле, а дед заглянул в соседнюю комнату, достал оттуда подушку и две простыни, потом прошел в конец здания, что-то включил, слышался ровный гул работающего механизма. Вернувшись, он сказал: «Здесь на диванчике переночуешь, за собаку не беспокойся, я сейчас своих кормить буду, ей тоже каши дам.

Прямо по коридору – сауна. Помоешься, за собой все прибре-ри. Сейчас протопится, отключится сама по себе». С этими словами он вышел, в замке повернулся ключ. «Закрыл, – за-беспокоилась Ольга, – а ты бы не закрыла? Здесь такие цен-ности, а ты – не пойми кто». В ожидании теплой воды, жен-щина решила включить телевизор. Она прекрасно помнила, как управляться с этой техникой. Щелкнув тугим выключа-телем, она подождала несколько минут, и вот на экране по-явилось изображение. Переключая каналы, круглой ручкой, она убедилась, что их всего два. По первому шел шпионский фильм всех времен и народов «Семнадцать мгновений вес-ны», а по второму чопорная дама с высокой прической чи-тала новости. Новости все были хорошие, о том, что выпол-нили и перевыполнили, ввели в эксплуатацию новые мощ-ности и построили животноводческий корпус на тысячи го-лов скота. Слушать это было намного приятнее, чем сообще-ния о бесконечных военных конфликтах, непонятных виру-сах и микроскопических стройках. Правда, теперь какой-ни-будь коровник в селе отремонтируют и трубят об этом на всю страну. Как они докатились до жизни такой? Она уже много лет жила с чувством вины, которое мало кто разде-лял из ее поколения. Да, это они, которым в девяностые бы-ло по двадцать – тридцать лет развалили Великую страну. Это их поколение так жаждало свободы, секса и рок-н-рола, что как только их поманили призраком легкого обогащения, они забыли и предали все, чему их учили. Все они думали,

что вот теперь, помотавшись по турецким и китайским базарам, миг станут миллионерами. И они стали, когда рубль обесценился до невозможности. И они перестали быть инженерами, учителями, врачами, а гордо именовали себя предпринимателями. А некоторые, еще более гордо – бандитами. Что мы имеем теперь? Разрушенные заводы, отсутствие нормальных рабочих мест, и как следствие, социальных гарантий. Медицина за деньги, обучение – дистанционное. Как говорится, за что боролись ...

Вздыхнув, она выключила телевизор и пошла в сауну. Сначала постирала свои кроссовки и одежду, потом блаженно растянулась на горячих досках, пахнущих хвоей. «А неплохо живет начальство!» – подумала она. Но это не вызвало у нее раздражения, которое неизбежно возникало, когда она думала о современной «элите». «Эти отвечали за все. И за производственные показатели, и за детские сады, еще и пьяниц воспитывать умудрялись. А сейчас не то, что алкоголики, высококлассные специалисты легко выбрасываются на помойку. Люди – новая нефть, новомодный лозунг российской верхушки. И нигде нет хозяина. Такого, как председатель Трубников, из культового советского фильма, который пришел бы и честно сказал народу: «Вы возвращены нищетой и бездельем. Отныне – десятичасовой рабочий день в полеводстве и двенадцатичасовой – на ферме. Зато через несколько лет жить будем как люди!». Нет сейчас таких «председателей», отрицательный отбор в руководство честности и про-

фессионализма не приветствует. А ну как подчиненный будет умнее начальника? Да и кому сейчас говорить? Офисному планктону. Рабочий класс-то у нас на русском языке почти не изъясняется. «Нашла о чем переживать именно сейчас, – подумала Ольга, – надо придумать, как отсюда выбраться». Дед вызывал у нее симпатию, но где гарантии, что он уже сейчас не звонит в КГБ и не докладывает, о происшествии. Что она может рассказать на допросах? Прикинуться приезжей из Москвы? Вычислят в один миг, в то время все жители были строго учтены по прописке. Да и вид у нее, даже для приезжей, экстравагантный, одни белые кроссовки чего стоят. Сказать, что потеряла память? Ну и все равно психушкой закончится. Ольга решила говорить правду, а там будь, что будет.

Проснулась Ольга рано утром. Вещи были чуть влажные, но она оделась, умылась и стала ждать, когда объявится Дмитрий Кириллович. Он не заставил себя ждать, прежде чем забрать ее из «начальнического» корпуса, дед прошел по нему, проверил все ли в порядке, и, по всей видимости, остался доволен. Сразу расспрашивать ни о чем не стал, повел завтракать к себе в сторожку. Бенья, увидев хозяйку, завизжала и рванулась с веревки. Ольга быстро подошла, обняла и погладила собаку, шепнула ей: «Потерпи, скоро все определится!». Собака, как будто, поняла, затихла и легла в сторонке. «Ну, рассказывай все по порядку. Кто ты, что ты, откуда?» – сказал Дмитрий Кириллович, наливая ей в

чашку крепкий чай. Ольга поняла, что наступает решительный момент. «Если я расскажу правду, вы все равно не поверите», – ответила она и смело посмотрела в глаза старику. «А ты за меня не решай, может, и поверю», – произнес он, медленно намазывая на хлеб густую сметану. И Ольга начала рассказывать. Старик слушал, молча, только иногда качал головой. Когда рассказ иссяк, хозяин долго молчал, потом сказал: «Тут надо подумать». «А мне сейчас что делать?» – спросила женщина. «А ты бери метлу, да мети аллеи, потом листву жечь аккуратненько будем. Труд он, знаешь, успокаивает», – ответил Дмитрий Кириллович. Он выдал ей инструмент, отвязал с веревки Бенью, показал фронт работ и ушел по своим делам. Ольга сметала листву с асфальтированных дорожек, сгребала ее в большие кучи. Бенья носилась вокруг, казалось, она совсем не ощущает, что оказалась в другой жизни. Вскоре женщина справилась с выданным ей заданием, и пошла, искать сторожа, чтобы взять у него спички и начать жечь костры. Идя по территории, она все больше убеждалась, что это ее пионерский лагерь имени Аркадия Петровича Гайдара. Вот полукруглые деревянные дачи, рассчитанные на один отряд, в левом крыле мальчишки, в правом – девочки. Вот столовая, где кормили вкусной, почти домашней, едой. Клуб, медпункт. Плац, где каждое утро они выстраивались на линейку и поднятие флага. В детстве ей не нравилось быть в пионерском лагере. Здесь требовалась дисциплина, нужно было ходить строем, в прямом смысле,

а им было по семь – десять лет, и им хотелось бегать, купаться без присмотра, не спать в сончас. Но зато были игры в «Зарницу», страшные истории по ночам, поиски разных красивых камушков, из которых можно было сделать кулончики. А потом в середине восьмидесятых она работала здесь вожатой, и это была совсем другая история. Первый раз тогда она почувствовала колоссальный груз ответственности за чужие жизни. В отряде было тридцать человек сорванцов, а вместо воспитателя, был второй вожатый Женька Леденев, такой же бестолковый, как и она. Целыми днями они крутились, как белки в колесе, а по ночам собирались пить портвейн и слушать рок-н-рол. Как же они любили эту музыку! «Аквариум», «Кино», «Браво» и, конечно, всю «иностранину». Только недавно она удосужилась почитать в интернете переводы своих любимых песен и пришла в полнейшее замешательство. Оказывается «Отель Калифорния», вовсе не про воспоминания о минувшей любви, а практически сюжет для фильма ужаса, да и «Дом восходящего солнца» имеет совсем неоднозначный текст. Она сознательно не стала интересоваться переводами песен любимого Queen и Deep Purple. Нет, все-таки коммунисты были не дураки, запрещая рок-музыку, пусть слов почти никто не понимал, но энергетика их сохранялась. Может, поэтому и рухнул Советский Союз, конечно, это наивное предположение, но не совсем уж бестолковое. Их хорошо учили в школе истории, и не только истории, поэтому Ольга прекрасно понимала экономиче-

скую подопку всех революций, но ведь путь к обществу потребления лежал и через увлечение большей части ее сверстников рок-н-ролом. Как она понимала теперь, тон в рок-н-рольной тусовке задавали дети, отнюдь не из бедных семей. Кто в то время мог себе позволить виниловые диски по восемьдесят рублей за штуку, а джинсы за триста пятьдесят, а кроссовки за сотню? У ее мамы зарплата была всего девяносто. Но они, простые пролетарии тянулись к этой музыке, и к этому образу жизни, думая, что вот там-то и есть подлинная свобода. Легко было так думать, когда у тебя была гарантированная работа, обеспечивающая кусок хлеба с маслом. Многие поняли, что все не так, только когда позакрывались заводы и фабрики, а вся страна стала похожа на один большой грязный базар. Хотя многие так и не поняли. Кто спился, кого пристрелили в бандитских разборках. Но молодость все-таки прекрасна, и Ольга с радостной грустью узнавала давно забытые места. Так в приятных воспоминаниях она дошла до памятника Гайдару. Он был изображен читающим книгу мальчику и девочке в пионерских галстуках. Ольга потеряла его бронзовый лоб и подумала, что в принципе, неплохой был человек. Отважный, в шестнадцать лет полком командовал, потом детские книжки писал, а в Великую Отечественную погиб, прикрывая отход своих товарищей. Герой. Сын его тоже был достойный гражданин, адмирал флота. А вот внук, некрасивый, похожий на борова, человек сделал нищими полстраны и гордился этим до самой смерти. До сих

пор Правительство устраивает шабаш, под названием Гайдаровский экономический форум, где либералы всех мастей обсуждают каким образом высосать из страны последние ресурсы. Как причудливо тасует история человеческие судьбы. И интересно, как бывший премьер-министр Егор Гайдар смотрит на том свете в глаза своему деду Аркадию. И второму деду, Павлу Бажову, который с такой любовью записал уральские сказы. Ольга в детстве зачитывалась ими, и верила в них всю жизнь. «Вот, наверное, и загремела сюда, по вере своей», – подвела она итог своим размышлениям. Вскоре почувствовав запах дыма, она нашла Дмитрия Кирилловича. Они сожгли несколько больших куч листвы, аккуратно разгребли пепел и отправились к сторожке. День подходил к концу, Ольга ожидала, что старик огласит свое решение. Но он молчал, и чтобы отодвинуть судьбоносный разговор, Ольга предложила сварить, что-нибудь на ужин. Хозяин значительно оживился. Спросил: «А борщ сможешь?». «Смогу», – ответила женщина. Тут же появились все необходимые продукты, включая свиную лопатку. Ольга всегда поражалась, слушая рассказы об отсутствии продуктов в СССР. Правда, она жила с родителями в закрытом городе, заводы которого работали на «оборонку», где снабжение, организованное в пятидесятые годы Берией, вплоть до развала Союза, осуществлялось на высшем уровне. Но бывая в окрестных городах и селах у знакомых и родственников, она никогда не видела недостатка еды в холодильниках, при полном ее от-

сутствии в магазинах. У всех были какие-то связи с продавцами, работниками столовых или какими-нибудь начальниками. Все оказывали друг другу услуги и, в общем, все жили нормально. Вот и сейчас Ольга наслаждалась готовкой из качественных продуктов. Борщ получился наваристым, но не жирным, а запах был просто божественным. Хозяин довольно улыбался, пока она накрывала на стол. Потом он вытащил бутылку «беленькой», как помнила Ольга за «три шестьдесят две», налил себе полстакана. Спросил ее, видимо, для проформы: «Будешь?». «А что ж, выпью!» – ответила она. Дед достал маленькую стопку и налил доверху: «Ну, будем!» – провозгласил он. Они выпили, заели борщом. «Ай, молодец!» – восторгался Дмитрий Кириллович, поглощая суп.

– Ну, расскажи, как там у вас, в будущем, – перешел он к расспросам.

– Здесь лучше, – коротко ответила Ольга

– Чем же?

– У вас все по-правильному. Вы знаете что хорошо, что плохо, а у нас все с ног на голову поставлено.

– Как это?

– Да так. Вот, например, если вам какой-нибудь пионер нахамит, вы что делать будете?

– Ну, подзатыльник дам, да родителям нажалуюсь, чтобы еще всыпали.

– Правильно. А у нас подзатыльник дадите и под суд пойдете, потому что родители вас не только не поддержат, но и

обвинят. А если ребенок родителями не доволен, может на них пожаловаться, и их лишат родительских прав.

– А как же тогда воспитывать-то?

– А вот так. Ребенок у нас главный.

– Чушь, какая!

Так они сидели и разговаривали долго. Ольга пыталась рассказать хозяину про интернет, про свободные нравы, про путешествия за границу, про харассмент, чем насмешила старика до слез. Дмитрий Кириллович скупно сказал о себе, что всю жизнь проработал слесарем в конструкторском бюро. Воплощал всякие не обыкновенные замыслы инженеров в жизнь, а теперь глаз уже стал не тот, пришлось уйти на пенсию. Жена умерла несколько лет назад, дети после институтов остались в Москве, а он доживал свой век бобылем здесь, на природе. Все было хорошо, пока Ольга вскользь не упомянула Украину.

– А что там Украина?

– Теперь это другая страна, нам враждебная. Памятники Великой Отечественной там разрушают, а героями объявили Бандеру. Да и весь Союз давно распался, и все нам почти враги, кроме Белоруссии, и то пока...

– Врешь! – закричал старик уже изрядно захмелевший, – не может такого быть! Я ж Днепр форсировал, я ж ... – он задохнулся, глаза налились кровью, на лбу набухла синяя жила.

– Навязалась на мою голову, шалава. Пошла вон! – орал

он страшным голосом.

Во дворе принялись лаять собаки, Беня тоже участвовала в общем хоре, очевидно, завоевывая симпатии аборигенов. Ольга вышла из сторожки и побрела к «своему» корпусу. «Зачем я это сказала? – думала она. – Каково человеку узнать, что его кровь зря пролита. И что теперь делать?» Еще утром она заметила, что окно в туалете не закрыто на шпингалет, поэтому переночевать она рассчитывала с комфортом. «А завтра придется уходить. Куда? В сумасшедший дом», – другого пути она не видела, и все равно бы этим закончилось, не могла же она сидеть здесь всю жизнь. Ночью она не спала, встав затемно, отправилась попрощаться с Беньей. Собаку она решила оставить здесь. Ольга понимала, что как только она встретится с официальными властями, ее тут же «закроют», собака окажется на улице и, скорее всего, погибнет. А Дмитрий Кириллович за ней, конечно, присмотрит. Слезы застилали ей глаза, было жалко Бенью, было жалко себя, ей хотелось завывать от тоски и страха, но она душила рыдания, чтобы не разбудить старика. Подойдя к избушке, она заглянула в светящееся окно. Хозяин спал, навалившись на стол, водки в бутылке осталось на доньшке. Собаки, почуяв ее, загремели цепями, а Беня приветственно завизжала. Ольга подошла к своей любимице, обняла ее, стала говорить какие-то бессвязные слова прощания. Тут она почувствовала на своем плече тяжелую ладонь. Рядом стоял Дмитрий Кириллович, слегка помятый, но довольно бодрый.

– Ты, девка, прости меня, – сказал он, понурившись, – выпил я вчера лишнего, да и поверить в то, что в будущем такие безобразия творятся тяжело. Мы же ведь живем для того, чтобы нашим детям и внукам было хорошо. А ты про такое рассказываешь... Но, с другой стороны, я же вижу, что здесь начальство вытворяет, вот, наверное, и довели страну до ручки. Ты оставайся, я знаю, куда тебя отвезти. Сейчас я племяннику позвоню, чтобы меня подменил, а пока сам поветрюсь, и в город поедем.

– Как же мы поедем? В город пропуск нужен, у меня он есть, но точно не такой, какой сейчас действует, – она достала из кармана маленькую пластиковую карточку со своей фотографией.

– Не беспокойся. Моя Вера Петровна лет десять назад пропуск потеряла. Скандал был огромный, хорошо, что она тогда уже на пенсии была. Ну, поругали ее, оштрафовали, да новый пропуск и выдали, а она потом нашла пропажу в старой сумке. Хотела сдать, да я ее отговорил, зачем снова волну поднимать. Пропуск так в моих бумагах и остался, я никаких ее фотографий выбросить не могу почему-то, даже проездной ее храню. А ты на нее смахиваешь, да и КПП, наверное, проходить умеешь.

Так, разговаривая, они дошли до здания конторы, где был телефон. Старик договорился с родственником, чтобы тот приехал подменить его, и пошел на второй этаж, проверить все ли в порядке. Ольга осталась наедине с допотопным ап-

паратом, свой сотовый она оставила в рюкзаке, в той, другой жизни. Непроизвольно ей захотелось набрать домашний номер, который был в детстве, она прекрасно его помнила 6-62-16. И она сделала это, хотя внутренний голос шептал, что это неправильно. На другом конце провода раздавались гудки, потом какой-то ребенок произнес: «Алло!». Ольга быстро положила трубку. Возможно, это она сама себе ответила, хотя, кто знает, может быть, в этой реальности по тому адресу живут другие люди. Тут вернулся Дмитрий Кириллович, и они отправились завтракать. Старик развел себе крепкий растворимый кофе, чтобы прогнать остатки похмелья, потом накапал валокордина, чтобы избавиться от запаха перегара. Ольга смотрела на него с сомнением. Это ж, какая адская смесь получилась! Но он подмигнул ей: «Не бойсь, сто раз проверено! Еще не из таких состояний выходил!». Вскоре приехал Веня, молодой человек лет двадцати. В авоське у него была палка копченой колбасы и потрепанная книжка из серии ЖЗЛ (Жизнь замечательных людей). «Вот, дядя Митя, мама колбасы достала, на всех поделила», – сказал он. «Это хорошо, а мне тут индийский чай перепал, и картошку из погреба потом возьмешь», – ответил Дмитрий Кириллович. Объяснять племяннику, кто такая Ольга, он не стал, хотя тот с интересом посматривал на ее яркий спортивный костюм и кроссовки. Старик выгнал из сарая, приспособленного под гараж, новенькие «Жигули», белого цвета, любовно протер тряпочкой стекла и скомандовал Ольге: «Садись!»

Она залезла в пахнущий пластмассой салон, привычно искала ремень безопасности, но его не было. Машина завелась с полуоборота, и они двинулись в путь.

– Откуда же такая красота? – поинтересовалась женщина.

– Да у меня давно уже машины. Получали мы с женой неплохо, всегда на хорошем счету были, особо не шикавали, поэтому, когда нам в шестьдесят четвертом выделили «Москвиченок» четыреста восьмой, взяли. Потом, правда, на подножном корме целый год пришлось жить. Но я на нем и на охоту, и на рыбалку ездил, так что и мясо и рыба были. Очень он мне нравился, удобный, сиденья разложишь, и спи себе, хорошая была машинка, теплая. Потом взял четыреста двенадцатого. Вот тот был капризный, бездорожья не любил, ломался. А когда на пенсию пошел мне, как ветерану Войны и труда, эту выделили. Ничего, добрая машина. Да только я теперь на ней в леса-то уже не езжу. Все в город, да из города. Да и зачем мне? Я и здесь сетешки поставлю, рыбы наловлю, грибов насобираю. В этом году за лагерем начальство распыхало картофельное поле для сотрудников, ну я тоже две соточки посадил. Так что все путем.

По мере приближения к городу Ольга начинала все больше нервничать. Во-первых, она никогда не проходила контрольный пункт по чужим документам, и знала, что это уголовно наказуемо даже в 2020, а что уж говорить про семьдесят пятый. Во-вторых, ее смущал собственный внешний вид, ведь она понимала, что с точки зрения, людей прошло-

го века, выглядит, по меньшей мере, странно. В-третьих, она не имела представления, куда и зачем ее везет старик. Как будто подслушав ее мысли, он свернул с дороги в ближайший лесок, достал из багажника штормовку и дал ей. Ольга, отойдя в кусты, сняла спортивные красные брюки и вывернула их черной изнанкой вверх. В кармане штормовки обнаружился чистый мужской носовой платок, она приспособила его на голову, и стала выглядеть как нормальная тетка средних лет в семьдесят пятом году. Подъехав к воротам, ведущим в закрытый город, Дмитрий Кириллович выдал ей серую раскладную книжечку с фотографией женщины с простым русским лицом, с зачесанными назад волосами. Ольга вышла из машины, и, стараясь ни о чем не думать, уверенно пошла к проходной. Там ее встретил молоденький солдатик, старавшийся сделать серьезное лицо. Посмотрев на нее, ровно столько, сколько требовалось по инструкции, он пропустил женщину на территорию родного города. Тут же подъехал Дмитрий Кириллович, прошедший досмотр машины.

– Ну вот, а ты боялась, – сказал он, улыбаясь, – что мы, не фронтовая разведка, что ли?

Ольга и вправду почувствовала себя разведчицей, поэтому задавать лишних вопросов не стала. Машина катила по осенним улицам. Как же красив был город, в котором она прожила всю жизнь! Теперь она понимала, почему в девяностые, когда у нее была возможность уехать за границу, и не куда-нибудь, а в Швейцарию, она даже не рассматривала этот

вариант. Сейчас, то есть в реальной жизни, они с Павлом предпочитали жить на даче, потому что город пришел в какой-то упадок. Дороги разбиты, многие здания разрушены, фасады обшарпаны. И какая-то унылая энергетика заползла в сердце прямо при въезде, какое-то недовольство, безысходность. Но здесь, в семьдесят пятом все было светло, весело и ухожено. Дмитрий Кириллович остановил машину во дворе пятиэтажной хрущевки, и, велев Ольге ждать в машине, зашел в подъезд. Этот двор был почти родной, там за углом, через улицу, в такой же хрущевке, жили ее дед и бабушка, там прошло детство. Ей очень хотелось выйти, и хотя бы заглянуть за угол, но внутреннее беспокойство заставляло ее максимально соблюдать осторожность. Прошло довольно много времени, прежде чем вышел Дмитрий Кириллович, и сказал: «Иди. Квартира 48. Если выйдешь, и меня здесь не будет, подожди. Поеду продуктами закуплюсь». Ольга, дрожа всем телом, зашла в подъезд. Квартира была на втором этаже. Она позвонила. Дверь открыла моложавая женщина лет шестидесяти. Совершенно обыкновенная, в цветастом домашнем платье, с повязанным сверху фартуком. Крашенные перекисью волосы, с отросшими корнями, были забраны в хвостик черной аптекарской резинкой. И только ярко голубые глаза, скользящие по Ольге, как лезвия, были замечательны. «Здравствуй, проходи», – сказала женщина. Пока Ольга снимала кроссовки, женщина представилась: «Зови меня Анна Ивановна». Гостья тоже назвала свое имя. В

небольшой комнате, куда они зашли, была вполне стандартная для того времени обстановка. Огромный ламповый телевизор, импортная стенка, четырехугольный стол посреди-не, вокруг него стулья. Необычным было только то, что весь передний правый угол был увешан иконами. В те времена, даже если их и хранили в семьях, то не выставляли напоказ. Ольга не знала, что ее ждет, не знала как себя вести и очень смущалась. Хозяйка, молча, указала на стул, достала большой зеленый платок, расстелила его на столе и вытасила карты Таро. Начала раскладывать, но быстро сгребла их в кучу. «Ты ли?» – спросила она. Ольга от неожиданности ответила: «Я». Взгляд Анны Ивановны как-то смягчился и уже не искрил голубыми молниями. «Не подвела чужь белоглазая», – прошептала она еле слышно. Потом достала из стенки небольшой холщевый мешочек, высыпала на стол бобы и стала раскладывать их рядами. Делала она это довольно долго, то убирая из ряда несколько штук, то добавляя. Затем она встала, подошла к Ольге и положила ей на лоб руку. «Тяжко тебе? Ну, поплачь!» – сказала она, и как будто повернула какой-то краник в Ольгином организме. Из ее глаз мгновенно хлынули горячие обильные слезы, притом она, как будто видела себя со стороны, но не могла остановить их. Так она редела минуты две, потом Анна Ивановна убрала руку, и поток слез иссяк, а на душе стало легко и спокойно, словно не было этих последних сумасшедших дней.

– Кто вы? – спросила Ольга.

– Колдунья, – буднично, как само собой разумеющееся, ответила хозяйка. – Ты Рейке занимаешься? – в свою очередь поинтересовалась она.

– Очень слабо, только, чтобы себя успокаивать.

– Ну, нет, вспомни, когда ты бабушке делала, все же получалось здорово, зря не практикуешь.

Тут Ольга поняла, что Анна Ивановна и вправду колдунья.

Увлечение Ольги эзотерикой началось очень давно, когда они только стали встречаться с Павлом. Тогда еще не было никаких «Битв экстрасенсов», РЕН-ТВ и прочей телевизионной пропаганды всяких непознанных вещей, и говорить об этом нужно было очень осторожно. По хорошему, ей, рационально организованной молодой женщине, нужно было бы бежать от парня, разговаривающего с покойниками, а еще лучше, сдать его психиатру. Но почему-то она верила в его страшноватые рассказы и всеми силами пыталась его защитить. Она стала читать все, что можно было достать по этому вопросу, ходить по всяким темным личностям, называющих себя знахарями и гадалками. Реальной помощи и четких ответов она тогда не получила, но поняла, что мир устроен не так просто, как им объясняли в школе. И еще она поняла, что с этим сложным миром нужно как-то договариваться. С тех пор она верила в мистику, но и совершенно точно знала, что на этой ниве пасется масса шарлатанов. Тем не менее, когда у нее случались в жизни, казалось бы, непреодо-

лимые, трудности, она использовала все способы их разрешить, в том числе и нетрадиционные. Иногда, казалось, что это действительно работает, но четкой уверенности на сей счет, не было. И вот случилось так, что лучшая ее подруга Наташа, внезапно начала спиваться. Ольга походила по врачам – наркологам, по бабушкам – знахаркам, лечившим от алкоголизма, но все в один голос говорили, что без желания и воли самого пьющего сделать ничего нельзя. Так в процессе поиска решения, она попала к одной женщине, Людмиле Давыдовне, которая позиционировала себя и как психолог, и как эзотерик, а на самом деле, была, налоговый инспектор. Она сказала то же, что и все предыдущие специалисты, но Наташа губила себя сознательно и останавливаться не собиралась. Однако через несколько дней Людмила Давыдовна позвонила Ольге и пригласила к себе. Думая, что найдена какая-то возможность помочь подруге, Ольга немедленно приехала к ней. Но Людмила Давыдовна предложила ей пройти курс Рейки и «открыть каналы». Сейчас за давностью лет Ольга уже не помнила всех деталей этого процесса. В памяти всплывала группа людей, которые в течение трех дней пытались как-то медитировать и играть со своим воображением. Странно, но вместе с ней оказались, каким-то образом, другая ее близкая подруга и старый школьный друг, которого она не видела уже лет десять. Помнилось, что на второй день они долго ждали какую-то девочку, которая решила отказаться от процедуры, но Людмила Давыдовна горячо убеж-

дала ее, что делать этого нельзя ни в коем случае, что канал открыт, и она – таки приехала на сеанс. Потом им дали дипломы, напечатанные на цветном принтере, взяли достаточно много денег и на этом все закончилось. Поначалу Ольга очень рьяно взялась за проведение сеансов себе и Паше. Ее они успокаивали, муж никак не реагировал, во всяком случае, ничего волшебного не происходило. Но как-то раз, они на своей новенькой, только что купленной машине, поехали в областной центр, на концерт органной музыки. И Паша, тогда еще не опытный водитель, пробил оба передних колеса на трамвайных путях. В шиномонтажке дыры залатали, но ненадежно, и они добирались домой «на честном слове». Во время пути Ольга «держала в потоке» машину, стараясь как можно яснее представить благополучное завершение пути. И они доехали без приключений. Но что было удивительно, ее приятельница, болтушка, каких поискать, и гиперактивный человек, проспала всю дорогу на заднем сидении, чего с ней отродясь не бывало. Ольга поняла, что методика работает, но стеснялась предложить кому-то свою помощь, потому что даже себе не могла толково объяснить, как это происходит. Потом были два случая с бабушкой, о которых упомянула Анна Ивановна.

В последние годы жизни бабуля сильно страдала от гипертонии, что неудивительно, ведь ей было за восемьдесят. С Ольгой их связывала безусловная любовь, она иногда думала, что если бы бабушка узнала, что ее любимая внученька

убила человека (не дай Бог), она бы ее, безусловно, оправдала. Не удивительно, что бабушкину боль Ольга ощущала как свою. И вот однажды, забежав к ней после работы, Ольга поняла, что той плохо, но «скорую» вызывать было бессмысленно, все лекарства были уже приняты. И тогда она попыталась провести сеанс. Пожилая женщина отнеслась к этому примерно так: «Чем бы, дитя не тешилось, лишь бы не плакало», – и позволила водить над собой руками. Каково же было удивление Ольги, когда состояние бабули не только улучшилось, это вполне объяснялось действием таблеток, но в конце ее манипуляций, раздался телефонный звонок, и оказалось, что бабушку нашла ее подруга, с которой они не виделись с военных времен. По сути, случилось настоящее чудо! Но тогда Ольга подумала, что это совпадение. Второй раз, когда она применила свои умения, тоже случилась странная вещь. Все они, бабушка, Паша и Ольга, вдруг решили спеть «Огонек». Это произошло так естественно, хотя раньше ничего подобного не случалось, что никто, кроме Ольги, не удивился. Тогда она подумала, что, наверное, бабушкиной душе хотелось, именно этого. Спеть песню своей молодости с любимыми людьми. Так и получилось. Но уверенности в своих силах ей это не прибавило. И только сейчас, когда она услышала вердикт колдуньи, она поняла, что все это не игра ее воображения. Ольга решила, что, если благополучно вернется в свою реальность, обязательно будет практиковать.

Тем временем Анна Ивановна, порывшись в секретере,

достала какой-то маленький сверток.

– Значит так, – сказала она, – я помогу тебе выбраться отсюда. Но ты должна мне пообещать, что как только вернешься в свой мир, ты должна будешь поехать в Верхотурье, точнее в Меркушинский монастырь. Найдешь там сестру Анну и передашь ей вот это, – она протянула Ольге сверток.

– Можно посмотреть?

– Смотри.

Ольга развернула белый льняной платок и увидела маленький образок Богоматери, почерневший от времени, обрамленный серебряным окладом с драгоценными камушками.

– Сделаешь?

– Сделаю, – Ольга положила образок в нагрудный карман и застегнула его на молнию. И тут же почувствовала, прилив сил, хотя, может быть, это случилось от понимания, что выход найден, и скоро ее приключения закончатся.

– Смотри не подведи. Это очень важно для твоего мира. Теперь слушай. Сегодня ночью уходи из лагеря, отпусти свою собаку и беги за ней. Вот привяжи ей на шею это, чтобы не потеряться, – она дала Ольге в руки медный колокольчик.

– Теперь иди, молча, и не оглядывайся. За Кириллыча не переживай, ты уйдешь, он про тебя забудет.

– А Веня?

– А Веня тем более.

– Спасибо вам.

– Еще вот что... Если тебе в жизни станет невыносимо больно или страшно, беги в Пермский край, они там все камлают, помогут, – это фраза прошелестела, где-то на краю Ольгиного сознания, а отчетливо она услышала только:

– Иди.

Ольга вышла в коридор, подхватила свои кроссовки и выскочила на лестничную клетку. Обуваясь, она обратила внимание на идеальную чистоту в подъезде. На стене висел график уборки. «Квартира 48 – Князева А.И.», – прочитала она.

Выйдя на улицу, Ольга не увидела знакомой машины. Пошла на детскую площадку, посидела под конструкцией в виде гриба. Как она не старалась сдержаться, все-таки ее неудержимо тянуло в свой двор. Она решительно встала, и быстро завернула за угол. Здесь была кулинарка, куда они детьми бегали пить молочный коктейль с пончиками. И сейчас оттуда вкусно пахло свежей выпечкой. За стойкой стояла полная рыжая тетка, грубоватая, но веселая. Иногда она гоняла школьников за неубранные грязные стаканы, при случае, могла и обсчитать. В детстве Оля очень не любила ее. Но однажды, 9 мая, когда весь город вышел на площадь смотреть парад местного гарнизона, она увидела рыжую продавщицу, та стояла с букетом гвоздик, которые вручали ветеранам, и вся грудь ее сияла от орденов и медалей. Это был первый урок о неоднозначности мира, и Ольга помнила его всегда. Она ускорила шаг. Вот уже другая сторона улицы, вот верба, под которой они закапывали свои «секретики». Было

у них в детстве такое развлечение, собирать красивые фантики из фольги, а потом зарывать их в землю, прикрыв стеклышком. Вот приговор, с которого мальчишки запускали ее на велосипеде, чтобы она научилась ездить. Но велосипед был высокий и тяжелый, папин спортивный «Спутник», и ее слабые девчачьи ручки просто не могли его удержать. Но она должна была научиться, ведь все ее друзья рассекали на великах, поэтому каждый день коленки разбивались в кровь. И только, когда у одного из парней появилась новенькая «Кама», она освоила свой первый вид транспорта. Наконец, она зашла во двор, привычно посмотрела на третий этаж, окно было открыто. Дед и бабушка сейчас на работе, значит дома только баба Шура. Как же ей хотелось увидеть их всех, обнять, почувствовать тепло родных рук, спазм сдавил ей горло, остановив дыхание. Вдруг дверь подъезда открылась и из нее вышла соседка Катя с полным тазом чистого белья. Ольга отошла за толстый ствол тополя. В траве, возле сарая, где жители хранили всякие запасы и необходимые в хозяйстве вещи, валялись два портфеля. Наверное, Виталик и Рашидка, два местных хулигана, опять прогуливали уроки и тусовались где-то на чердаке. Чердак – это был отдельный мир. Там можно было взять в руки спящего голубя, там котились бездомные кошки, и можно было поиграть с котятами, там были их штабы и схроны всякого оружия от луков до поджигов. На глаза снова навернулись слезы. В последние годы, она так хотела сюда вернуться, но понимала что это невозможно,

и вдруг вернулась, а теперь ей необходимо было выбраться в свою реальность. Она постояла еще немного, вдыхая воздух своего детства, потом резко развернулась и пошла обратно, к уже поджидавшей ее машине.

Дмитрий Кириллович внимательно посмотрел на свою спутницу, и видимо, поняв, что у нее появилась надежда, хитро подмигнул:

– Ну что, Олена, решили твою задачку?

– Надеюсь, что да. Дмитрий Кириллович, можно спрошу?

– Спроси.

– Почему вы мне поверили, и как догадались, что мне надо с Анной Ивановной встретиться?

– Поверил, потому что я фронт прошел, и насмотрелся там кое-чего, во что поверить нельзя. А к Ане тебя привез, затем, что она как раз эти невероятные вещи и делала. Аня у нас в роте санинструктором была. В одном бою меня ранило тяжело, я уж с жизнью попрощался, а тут Аня подползает, меня на плащ – палатку закатывает и начинает тащить. Я и сейчас не маленький, а тогда вообще здоровенный был, а она тащит, откуда только силы в ней берутся. И, вот попадаем мы в зону огня, бьет немец из пулемета, уже наших полроты положил. Наступали мы вроде вперед, а этот дзот почему-то сзади оказался, ну бывает так на войне. Все думаю, каюк, и девку за собой потащу. Только смотрю, Аня рядом со мной на колени встала, руки вперед выставила, а взгляд стеклянный, и пули мимо нас летят, как будто обходят. По-

том взорвался, уж, не знаю, то ли наши снаряды долетели, то ли наша санитарка его прикончила. Дотащила она меня до блиндажа, я уж без сознания был. Когда вернулся из госпиталя, хотел с ней серьезно поговорить, а она все в шутку перевела, говорит, бредил я, и все мне, дескать, привиделось. А еще, уже после этого, мы в тыл к немцам пошли, языка взяли, и потом, черт нас что ли попутал, застряли в болоте. Это только в кино показывают, что советский солдат не ошибается и осечек не дает. Ошибались мы, и часто. Вот сидим мы в этом болоте, кругом туман, куда идти не знаем. И вдруг смотрю, Аня пробежала, я дернулся за ней, вылез на твердую тропинку, товарищей с немцем вытащил тоже. Так и спаслись. Вернулись в расположение, я сразу к нашему санинструктору, мол, что ты ночью на болоте делала? А она только пальцем у виска покрутила да посмеялась. Я бы может сам себе не поверил, но уже после войны, мы как-то с дружкой моим Ленькой Кузнецовым выпивали, как говорится «вспоминали минувшие дни», и он мне тоже рассказывал, как она осколки от снарядов останавливала, чтобы его спасти. А теперь вот медсестрой в больнице работает, так говорят, что все, кто к ней после операции попадает – выживают, даже самые тяжелые. Опять же бабы, которые родить не могут, к ней бегают, потом беременеют. Вот так.

Контрольный пункт на выезде Ольга прошла легко, ведь она уже была уверена, что все закончится благополучно. Вскоре машина подъехала к лагерю. Ольга не стала задержи-

ваться возле сторожки, чтобы не смущать Веню и не тревожить собак. Дмитрий Кириллович сказал, что повезет племянника в соседний поселок, чтобы тот сел на последний автобус. Начинало темнеть, женщина решила последний раз прогуляться по лагерю. Она пошла в сторону озера. С берез золотым потоком опадали листья, Ольга сгребала их ногами. Под нежное шуршание она размышляла о том, что, как гласит древняя мудрость, нужно бояться своих желаний, потому что они могут исполниться. Вот она последние лет двадцать совсем не принимала своего времени. И это несмотря на то, что в это время у нее была и любовь, и дружба, и путешествия, и карьерный рост. Все это было как бы само по себе, происходило в ее маленьком мире, который она строила себе сама. А когда она сталкивалась с миром большим, в котором шли войны между братскими народами, где принимали на удивление глупые законы, где совсем не работали принципы товарищества и взаимовыручки, которым ее учили с детства, она наполнялась злобой и ненавистью. Она понимала, что не может ничего изменить, и подсознательно хотела вернуться в мир своего детства, где все было понятно и правильно. И вот сбылось, она вернулась. Нет, она ни на йоту не разочаровалась, но она поняла, что смотрит на все глазами того ребенка, который не знал в это время взрослых трудностей. И это хорошо. Пусть здесь все остается, как сейчас, а ей пора возвращаться, ведь «времена не выбирают, в них живут и умирают». Она резко развернулась и пошла к

сторожке.

Было уже совсем темно. Собаки, услышав ее, забеспокоились, а Бенья, как всегда, заорала дурным голосом. Ольга подошла, погладила всех, обняла свою лохматую подружку и привязала к ее ошейнику колокольчик. Посмотрев на темные окна дома, она мысленно попрощалась с его хозяином. «Спасибо тебе, Дмитрий Кириллович, спасибо тебе, старый солдат! Живи долго, и никогда не вспоминай о том, что я тебе тут наговорила. Ты воевал за Великую страну, пусть она всегда и будет такой для тебя». Она отвязала Бенью, та сначала закрутилась на месте, а потом побежала, звеня колокольчиком. То ли собака бежала не очень быстро, то ли икона на груди у Ольги придавала ей силы, но дистанция между ними не увеличивалась больше двух метров. Они пробежали темной аллеей, мимо памятника Гайдару, и собака заскочила в подсобку клуба, где хранились маскарадные костюмы и всякий мелкий реквизит. Посреди комнаты стояло большое зеркало в деревянной раме. Бенья перепрыгнула раму, как будто в ней не было стекла, Ольга, недолго думая, тоже проскочила через нее, не ощущая препятствий. За вешалкой с платьями обнаружилась дверь, в которую выбежали собака и женщина. И сразу же она поняла, что воздух изменился, хоть было совсем темно. Бенья пробежала еще немного, и Ольга увидела свою машину, которую они оставили в деревне, прежде чем двинуться к Французскому замку. Отдышавшись, Ольга пнула по колесу изо всех сил, завизжала сигнализация. Ми-

нут через двадцать, она увидела, что по мостику двигается огненное пятно. Вскоре у машины появился Паша с факелом. «Где вы были?» – заорал он, – я уже шел народ поднимать на поиски!» Ольга посмотрела на него с нежностью и сказала: «Ты не поверишь».

Оказалось, что все еще идет день их приезда на Французскую горку. Все были уставшими и голодными, поэтому было решено перекусить в придорожной харчевне. Пока для них готовили ужин, Ольга начала рассказывать о своих приключениях. Бенья нагло зашла в обеденный зал, и не отходила от хозяйки. Благо публика здесь собралась простецкая, в основном водители – дальнобойщики, и никто ее не выгнал. На ошейнике у собаки по-прежнему болтался колокольчик, как свидетельство того, что все, что с ними случилось, было на самом деле. Паша слушал в пол уха, он так намаялся, в поисках пропавшей семьи, что готов был заснуть прямо за столом. После вкуснейшей солянки и вполне сносного шашлыка, они поняли, что до дому не дотянут, и нужно где-то переночевать. Остаться на стоянке среди нескольких фур было как-то неудобно. Собрав последние силы, Паша отъехал несколько километров от кафе и свернул на проселочную дорогу, которая оборвалась на берегу неширокой речки. Здесь и решили остановиться. Их старая, почти раритетная Нива – пикап, вполне годилась для таких экстренных случаев. В кузове они бросили свои походные теплые куртки, накрыли их пледом, который обычно служил подстилкой для

Бени, под головы положили рюкзаки, натянули полог и получили довольно сносное убежище. Собака, конечно, улеглась между ними, да они и не сопротивлялись, предполагая, что ночь будет холодной. Было холодно или нет, никто из них не почувствовал, все спали, сном праведников, до самого рассвета. Вот вставать было противно, как и всегда после ночевки на природе. Кое-как умывшись речной водой, они развели костерок. Вода в реке вроде бы была чистой, и они решили вскипятить себе чай из чабреца, который рос на поляне. Паша, очень кстати, не выгрузил часть походного снаряжения, после последней рыбалки, поэтому с треногой и котелком проблем не возникло. В бардачке даже обнаружилось несколько пакетиков кофе и сахара, брошенных сюда после какого-то авиапутешествия, в рюкзаке еще было не съеденное вчера печенье. Жизнь явно налаживалась. Попивая кофе, Ольга заново рассказала о том, что ей пришлось пережить. Паша сегодня внимательно слушал, ему ли было не понять состояние жены, когда он сам недавно был на ее месте. Закончив рассказывать, она спросила: «Сколько у нас еще от отпуска осталось?». «Неделя», – ответил муж. «Ну что ж, надо ехать в Верхотурье». Ольга достала из нагрудного кармана икону, Паша протянул руку, чтобы по-внимательнее ее рассмотреть, но его как будто ударило током. Они поняли, что у образа должен быть один хранитель, и Ольга снова спрятала его на груди. Вдруг у кустов мелькнула какая-то тень, женщина вскликнула, в нескольких метрах от нее стоял

вчерашний карлик. Глаза его полоснули синей молнией, и он тут же исчез. Паша рванулся к месту, где он только что был, но не обнаружил ни лаза, ни даже тропинки среди кустов. Зато тучи, заслонявшие солнце разошлись, и яркий луч, как лазерная указка уперся в каменный отвал на берегу речки. Паша подошел ближе, наклонился, и достал из кучи разноцветной гальки маленький, но тяжелый камушек. Он пригляделся, на его ладони тускло сиял золотой самородок. «А вот и подарок!» – сказал Паша. «Или компенсация», – отозвалась Ольга.

Глава 3

Через день, после недолгих сборов, супруги выехали в Верхотурье. В этот раз их верный солдат Беня была оставлена на попечение Пашиной мамы вместе с котом. Собака визжала, как будто говорила: «Не оставляйте меня. Вы без меня пропадете!» У людей и так было тревожно на душе, а тут еще эти крики, но они понимали, что едут в монастырь и собакам там не место. Выдвинуться было решено на Ольгиной машине, почти новой и более приспособленной для езды по трассе, а проехать надо было около семисот километров. До Екатеринбурга дорога была более чем знакома, супруги часто ездили туда в театры, большие торговые центры и просто подышать воздухом мегаполиса, а дальше они предполагали ехать по навигатору. Отчасти они ощущали себя хоббитами, несущими кольцо в Мордор, которым не известно, какие испытания их ждут, но в том, что ждут, ни Ольга, ни Паша не сомневались. Единственное, что их поддерживало, так это вера в покровительство и заступничество Богородицы, образ которой они везли. Но опять же получен он был из рук колдуньи, как это увязывалось с христианской традицией, они не понимали. Довольно быстро они проскочили Екатеринбург с его оживленным движением, дальше дорога шла в Сибирь. Леса вдоль дороги стали как-то мрачнее, села, которые они проезжали, были крепкими, но невеселыми. Мо-

жет быть, такое впечатление складывалось из-за низко нависшего серого неба и мелкого морозящего дождика. Ольга и Павел поочередно вели машину, останавливались только, чтобы заправиться и перекусить. Вечером, когда до Меркушино оставалось километров сто, датчик в очередной раз показал, что бензин заканчивается, они подъехали к заправке, на окраине небольшого поселка. К их разочарованию, оказалось, что бензина нет. На вопрос о ближайшей заправке, маленькая, чернявая женщина – оператор, сказала, что впереди километров на пятьдесят, нет ни одного населенного пункта. Супруги уставились друг на друга с немым вопросом: «Что теперь делать?». Женщина, поняв их затруднительное положение, сказала: «А вы остановитесь у меня. Изба большая, места хватит. Завтра после десяти утра бензовоз приедет, вы и заправитесь». Несмотря на усталость, Паша ощутил, как по телу пробежала волна мурашек. Так всегда бывало, когда его организм чувствовал опасность. Так было в Аргуне, когда за несколько минут до нападения боевиков на их казарму, он вышел в сортир. Выскочив из него, он увидел, как из горящего помещения выбегают его товарищи и замертво падают, прошитые чеченскими пулями. А он стоял в стороне, в домашних тапках, почти со спущенными штанами, и не знал, что делать. Потом подоспела помощь, боевиков отбили, казарму потушили. Он не испытывал чувства стыда, лишь какую-то неловкость, перед погибшими ребятами, в конце концов, они тоже не успели вступить в бой. А с теми, кто остал-

ся жив, они выпили водки, и даже грубовато шутили на тему того, как нужно вовремя ходить по – большому. Вот и сейчас он понял, что на предложение чернявой соглашаться нельзя. Ольга же в принципе не любила чужих домов. Предки ее были кержаками, жили всегда обособленно, в гости к себе звали только родню. Если, кто из не знакомых просил напиться, имели для такого случая специальную кружку, которой сами никогда не пользовались. Не то, чтобы Ольга продолжала эти традиции, но где-то на подкорке, помнила, что чужой дом, это чужая энергия, не всегда дружественная. Но что было делать в этой ситуации? Они поблагодарили тетку, и вышли, решив переночевать в машине. «Гостеприимная» хозяйка тут же выскочила и начала орать, чтобы они машину со стоянки убрали, дескать, она опасность представляет. Вдруг на пустынной дороге показалась шикарная белая «Инфинити» и затормозила около расстроенных путников. Из машины выскочил невысокий белобрысый парень, ни слова не говоря, достал из багажника полную канистру бензина, и унеся, сверкнув на прощание голубой молнией глаз. «Спасибо, чудь белоглазая!» – прошептала про себя Ольга. Заправщица же продолжала стоять на крыльце, и в свете неоновой лампы, лицо ее, казалось, мертвым, а может, так оно и было. Отъехав от заправки на безопасное, как им казалось, расстояние, путники остановились. Паша налил в бак бензин из чудом появившейся канистры, Ольга разлила им остатки кофе из термоса. Перекусив, они хотели двинуться дальше,

но внезапно поднялся сильный ветер, почти ураган, он клонил к земле вековые ели, в небе полыхнули молнии, пошел дождь. Это в октябре месяце, когда на Урале уже может лежать снег! «Вот будет здорово, если завтра это все замерзнет! А мы на летней резине», – сказал Паша. «Нужно как-то доехать. Все это ведь неспроста. Разве ты помнишь грозы у нас в октябре?» – откликнулась Ольга. «Наверное, это небесное воинство с чертями воюет, и не исключено, что за нас. Видала эту заправщицу? Зуб даю, нечисть – она какая-то!» – продолжил Павел. Было страшновато, ведь они сидели в кабине хлипкого автомобильчика, который мог быть, запросто перевернут ветром такой силы, по корпусу стекали потоки воды, часть их попадала в салон. От нечего делать Паша включил радио, из магнитолы понеслось «Под небом голубым, есть город золотой...». Чуть дребезжащий голос БГ успокаивал и дарил надежду посреди этого вселенского бардака. На какое-то время им показалось, что они задремали, а когда очнулись, буря утихла. Паша высунулся на улицу, мороза, к счастью, не было, но начал подниматься туман. «Ну, кажется, наши победили!» – изрек он весело. «Еще неизвестно, – откликнулась Ольга, – надо ехать, а то, сейчас туман опустится, и застрянем тут надолго». Они проехали несколько километров по дороге, видимость была почти нулевая. Машина снова съехала на обочину. За лобовым стеклом стали возникать силуэты диковинных существ, а в душах путешественников поднимался какой-то первобытный ужас. Чем

дальше, тем чудища становились все страшнее. «Не бойся, они нам ничего сделать не могут!» – произнес Паша, стуча зубами. Ольга, с трудом преодолев паралич лицевых мышц, стала громко читать «Отче наш». Паша молитв не знал, но как мог, повторял за женой слова. Ольга произносила их механически, не вкладывая ни смысла, ни чувств, потому что из чувств у нее остался только животный страх, который она пыталась стряхнуть усилием воли. Инстинктивно она достала из нагрудного кармана иконку и направила лик на лобовое стекло. Весь салон как будто осветился тусклым светом, а Ольга почти кричала «Преплагаемая Мати, будь нам необоримая стена и крепкое заступление». В один миг туман рассеялся, страх исчез. Ольга поднесла образок к губам, и горячо, теперь уж от всего сердца помолилась. Не теряя времени, они снова двинулись в путь, теперь уже ожидая неприятностей на каждом километре. Но вопреки их уверенности, что испытания только начались, они добрались до монастыря без приключений. Поздней ночью путники стояли у дверей монастырской гостиницы, и их встречала дежурная монахиня. Прежде они никогда не бывали в таких местах, и когда Ольга по телефону бронировала гостиницу, ей сказали, что жить они будут в келье, поэтому она представила себе, какое-то темное убогое помещение, чуть ли не с нарами вместо кровати. Однако жильё оказалось очень комфортабельным, все было чисто, ухожено, по коридорам расстелены толстые ковры. В холле стоял плазменный телевизор, правда, монахиня

сказала, что он здесь не ловит сигнал. В отведенной им келье была удобная кровать и очень толстые стены. На вопрос, не хотят ли они поесть, путники ответили отрицательно. Приняв душ, они упали на чистое льняное белье и тут же уснули.

Проснулись Ольга с Павлом, когда уже рассвело. Приведя себя в порядок, они спустились в трапезную. Их встретила уже другая монахиня с простым добрым лицом, принесла постную еду и попросила помолиться перед приемом пищи, что они и сделали. Оба супруга, хоть и верили в Бога, но были люди не воцерковленные, постов не держали. Однако завтрак их приятно удивил. Овсяная каша с фруктами, пирог с повидлом и чай с травками были чрезвычайно вкусны. Расспросив монахиню, где им найти сестру Анну, они вышли из гостиницы. Все постройки небольшого селения группировались вокруг величественного здания монастыря. Судя по декору и современным строительным материалам, приезжие поняли, что это «новодел». Все было сделано с размахом и «на широкую ногу», видимо, жертвователи, тяжкие грехи замаливали. Несмотря на это, все – таки осталась здесь какая-то живительная атмосфера. Может быть, из-за того, что продолжал бить источник, где были найдены мощи Симеона Верхотурского, может быть от старых построек, какой была, например, их гостиница, или от ухоженности монастырского сада. На клумбе у центрального входа возилась монахиня, укрывая старыми газетами розовые кусты. Ольга сразу поняла, что она-то ей и нужна. Оставив Павла рассматривать

затейливую лепнину на фасаде здания, она быстро подошла к женщине. Та выпрямилась, и Ольга с удивлением увидела свою знакомую Анну Ивановну.

– Здравствуйте! – робко произнесла Ольга, не зная, как себя вести.

– День добрый! – откликнулась монашка, – принесла?

Ольга протянула ей сверток с образом. Сестра Анна развернула платок, поднесла икону к губам.

– А что ж не спросила, как меня звать? – строго спросила монахиня

– Так вы похожи с Анной Ивановной как близнецы, – ответила, смущаясь, Ольга.

– Давай так. Я – действительно Анна, которую ты искала, но ты именами тут не сыпь и говори поменьше, и мужу своему скажи. Если хотите что-то узнать, пообщайтесь с отцом Михаилом. С ним можно. Только сегодня его нет, завтра придет. Если ничего знать не хотите, уезжайте сегодня, ничего с вами больше плохого не случится, – она резко отвернулась и снова занялась розами.

Ольга, обескураженная таким приемом, вернулась к Паше. Посовещавшись, они решили дожидаться священника. Ведь за последнее время с ними произошло столько всего необыкновенного, что очень хотелось знать, во имя чего они переживали все эти катаклизмы, опять же не хотелось их повторения, ведь забеги в прошлое, параллельное, а, возможно, и в будущее могли плохо кончиться для таких обыкно-

венных людей как они.

Пока же они осмотрели монастырь, почитали на стендах историю странного Святого Симеона, который специально шил шубы с небольшими дефектами, чтобы ему не платили денег за его работу, да еще и поколачивали бы за это. Они святотатственно поязвили насчет того, что, видимо, это был настоящий русский человек, раз не доводил дело до конца. Втихаря поглумились над немногочисленными паломниками, которые чуть не цистернами вывозили воду из источника, надо полагать, с расчетом на всех близких и дальних родственников или на всю оставшуюся жизнь. Словом, вели себя без всякого христианского смирения. Но когда они вышли на утес, возвышающийся над величественно текущей рекой Турой, оба испытали одно и то же чувство. Вот где им захотелось упасть на колени, воздеть руки к небу и славить Бога Великого и Всемогущего, такая мощная и прекрасная картина открылась перед ними. И это не было просто любование красивым видом, это было чувство слияния с природой, и осознание ничтожности своих собственных жизней с их проблемами и радостями. Они долго стояли, молча, потрясенные, и все слова, казались им глупыми и ненужными. Также молча, они ушли с утеса, и долго еще ходили по храму, останавливаясь перед иконами по какому-то наитию, и каждый из них по-своему просил Бога и всех святых сохранить эту землю и вразумить людей так жестоко и бездарно относящихся и к ней, и к своим жизням. К концу дня то ли из-за пережитых

накануне впечатлений, то ли от энергетики намоленного веками места, супруги были почти без сил. Потрапезничав в монастырской столовой, они рано легли спать. Ольга заснула сразу, а у Паши в голове звучал хор радостных голосов: «Он приехал! Он приехал!» Некоторое время мужчина пытался понять, кто так бурно радуется его приезду, но вскоре сон сморил и его.

Ольга проснулась рано, часов в пять. Из разговора с монахинями она знала, что в шесть начинается заутреня. Она оделась и пошла в храм. Путь ее лежал через галерею, где днем продавали паломникам всякую церковную утварь. Охраны нигде не было видно, может быть, конечно, стояли камеры, но скорее всего, здесь надеялись, что даже самый отъявленный грешник не рискнет красть в монастыре. Темными коридорами она добрела до зала, из которого раздавалось монотонное пение, бочком протиснулась за дверь и встала в уголке, чтобы не мешать службе. Зрелище было не для слабонервных. Около десятка монахинь, закутанных в плащи с капюшонами, разрисованные черепами, выглядели довольно зловеще в отблесках немногочисленных свечей. Несколько паломников стояли с глупыми лицами (как и она сама, наверное) и смотрелись, абсолютно чужеродными, в этой таинственной атмосфере. По залу сновало несколько юных девушек, должно быть послушниц, они что-то уносили и приносили, убирали обгоревшие свечки и зажигали новые. Ольга никогда не могла сосредоточиться, когда бывала на служ-

бе в церкви, всегда ее что-то или кто-то отвлекал, и честной молитвы не получалось. Вот и теперь она размышляла о том, что приводит таких молодых девушек в монастырь. Она вспомнила культовый фильм с Одри Хепберн. Боязнь жизни? Обстоятельства непреодолимой силы? Или действительно любовь к Богу? В последнее она верила слабо. Ведь если ты веришь в Бога, значит, веришь, что Бог любит тебя, помогает тебе, тогда зачем прятаться в монастыре? Она засмотрелась на миловидную послушницу, которая задремала, облокотившись на пюпитр, на котором, стояли тексты песнопений. Постепенно монотонная скороговорка стала захватывать ее внимание, и вот она уже была в состоянии, которого никогда прежде не испытывала. Все мысли покинули ее голову, она стояла, раскачиваясь в такт песнопениям с остановившимся взглядом, не понимая смысла происходящего, а ее внутреннему взору открывались какие-то цветные бездны, неопишуемой красоты. Наверное, в таком трансе пребывают йоги и шаманы после длительных медитаций и принятия психотропных средств. Через некоторое время ритм песнопений изменился, и Ольга начала приходить в себя. Поначалу руки и ноги были как ватные, но с каждой минутой женщина чувствовала, как через каждую клеточку ее организма проходит живительная энергия. К концу службы она уже была полна сил и какого-то радостного настроения. Может быть, это был ответ на ее вопрос, для чего люди идут в монастырь. Среди выходящих из зала монахинь Ольга увидела

сестру Анну, подошла к ней и спросила, как им встретиться с отцом Михаилом. Та сказала, чтобы они с Павлом подошли часам к десяти в личные покои священника, и объяснила, как их найти.

После завтрака время тянулось невыносимо медленно. Они сходили в близлежащий поселок, почувствовали контраст с ухоженной территорией монастыря. Дома в деревне были старые, но не убогие, сваянные из круглых сосновых и лиственничных бревен, вокруг них ютились палисадники, должно быть, летом в окружении цветущих мальв и георгинов все это выглядело веселее. В местном магазине они обнаружили стандартный набор продуктов, только цены были значительно выше, чем в городе. Рядом с магазином стоял старинный телефон – автомат, как выяснилось, работающий. Других средств связи здесь не было, сотовые не ловили, интернет не работал. «Счастливые люди, – изрек Паша, – вот их уж действительно Бог бережет».

С тревогой и волнением супруги ждали встречи со священником, они понимали, что от того, что они узнают, их жизнь может резко измениться. Без десяти десять они уже были в назначенном месте. Ольга робко постучала в полукруглую дверь. На пороге появился стройный мужчина, лет сорока пяти, в черном подряснике. Он приветливо улыбнулся и впустил гостей в свою келью. Они растерянно стояли у порога, не зная, нужно ли креститься на иконы, развешанные в правом углу, или целовать священнику руку, как показы-

вают в фильмах. Но отец Михаил как-то по-простецки сказал: «Заходите, ребята, не стесняйтесь». И неловкость исчезла. Обстановка была самая обыкновенная. Два кресла, журнальный столик, диван, очевидно, служивший и кроватью, книжный шкаф, в котором Паша узрел ноутбук. То ли от выглянувшего внезапно солнца, то ли от рыжей шевелюры священника келья выглядела уютно и даже весело.

– Во-первых, спасибо вам за то, что доставили нам реликвию в целостности и сохранности, – сказал отец Михаил.

– Слава Богу, хоть спасибо заслужили, – подумала Ольга, а вслух произнесла, – я же обещала, а обещания надо выполнять, чего бы это ни стоило.

– Ну, судя, по тому, что вы здесь задержались, вы, наверное, хотите знать, для чего с вами это все приключилось?

– Да. И мы хотим знать, как с этим жить, чтобы не сойти с ума, – ответил Павел.

– Что ж, законное желание. Но ведь вам вчера сказали, что больше ничего плохого с вами не случится. Вы могли бы уехать и жить спокойно, может быть, со временем вам бы даже, казалось, что все то, что произошло – ваши сны.

– Но это не сны, – жестко сказал Павел.

– Хорошо. Я попробую объяснить, насколько это в моих силах. Хотя я сам многого не знаю, чтоб вы понимали, я здесь в роли, так сказать, технического менеджера. Вы ведь, наверное, как и многие люди на планете, чувствуете как в последнее время, мир семимильными шагами приближает-

ся к тому, что называется Апокалипсис. Это происходит из-за того, что сейчас сильно нарушен баланс между добром и злом, и не в пользу добра. Еще вам надо знать, да вы это уже на себе ощутили, что Вселенная многомерна, вернее сказать, многомирна. Есть миры прошлого, миры будущего, параллельные миры. Более того, мир каждого человека, который он создает сам, вмонтирован в мир его рода, т. е. в мир его предков и его потомков. В обычное время эти миры не пересекаются, даже миры родов соединяются по единственно возможной схеме. Но сейчас, когда темные силы так сконцентрированы и преобладают в нашей жизни, другие миры тоже могут пострадать, пусть и не так сильно, как мы. Поэтому все, что есть светлого и правильного во всех реальностях объединяются сейчас в Силы Света и помогают нам всем, чем могут. Направление людей сюда из параллельных миров практически невозможно, это привело бы к хаосу, но возможно передать нам сильные артефакты. Это как дать армии оружие перед грядущей битвой, но чтобы их переносить в наш мир, нужны специальные посланцы, которые могут какое-то время прожить в другом измерении, и самое главное, выпрыгнуть обратно. Вот вы оказались такими людьми.

– Но почему мы? Мы же обыкновенные обыватели. К тому же мы не очень молоды и совсем не подготовлены к таким вояжам, – спросила Ольга.

– Да нет, вполне подготовлены. У вас обоих есть некоторый эзотерический опыт, при этом вы относитесь к нему до-

статочно критично, чтобы не строить из себя городских сумасшедших. Вы ответственные, вы маловнушаемы. И у вас были мотивации к посещению других миров и возвращению оттуда. У тебя, Паша, было чувство вины за не оказанную помощь и недостаточное внимание к близким. Осознание этого дает импульс для преодоления границ, и ты смог вернуться. А у тебя, Оля, было сильное неприятие своего времени и ностальгия по ушедшему. Но когда ты осознала, как дорога тебе твоя реальность, пусть неказистая и жестокая, ты тоже смогла перепрыгнуть обратно. Теперь, подумайте, заслал бы я какого-нибудь двадцатилетнего в прошлое, он бы не знал как себя там вести, да у молодых и мотивации к возвращению не такие сильные, как правило, они себя ни в чем еще не винят. А вы и для мира пользу принесли, и кое-какие свои проблемы решили. Кстати, изменение себя в лучшую сторону каждым из нас, хоть чуть-чуть, но влияет на улучшение обстановки здесь.

– Ну, хорошо, – сказал Паша, – Ольга принесла икону, но я-то хронометр оставил там, так зачем я туда мотался?

– Часы надо было извлечь буквально на границе миров, прямо в момент перехода, что ты и сделал. Прыгунов, которые могут работать в пограничных зонах, очень мало, а сюда их доставил другой человек – ответил отец Михаил и достал из книжного шкафа тускло сияющий хронометр.

Глаза Паши засветились тщеславием, все-таки он любил быть исключительным. Но чем больше священник говорил,

тем больше возникало вопросов у Ольги и Павла. Мозги их буквально плавилась, но оба понимали, что выяснить нужно все до конца именно сегодня, другой возможности может не представиться.

– Сестра Анна и Анна Ивановна из семьдесят пятого года одно и то же лицо? – задала вопрос Ольга.

– Почти. В каждом из миров есть проекции каждой личности, но и есть право выбора. От этого выбора зависит ее судьба, ее совершенствование или деградация, поэтому абсолютно одинаковых людей в разных реальностях нет, есть очень похожие.

– А мне не понятно, – вступил в разговор Павел, – вот вы – православный священник, а религия, насколько я понимаю, отвергает и эзотерику, и всякие языческие культы. А я вот лично и Хозяюку Медной горы видел, и Голубую змейку, ну, ладно, пусть это было там. Но когда мы сюда добирались со всякими приключениями, нам, похоже чужь белоглазая помогала. Как это понимать?

– Да что тут понимать, я же говорю, что все Силы Света сейчас объединяются. И всегда в трудную минуту стоят друг за друга. Санитарку Аню на войне помните? Тоже трудное для нашего мира время было, вот она и помогала.

– Значит, Анна не человек?

Священник на минуту замялся:

– Человек, но особенный. Ладно, это детали, если я про все рассказывать начну, вы отсюда никогда не уедете. А что

до религии, так ведь это изобретение человеческое. Вот у нас в России Бог жесток, мы, если что, ждем наказания, а например, у американцев Бог весел и человеколюбив, вон они как в своих церквях под рок-н-рол зажигают. А я думаю все из-за чего? Мы ленивы, склонны к разврату и пьянству, у нас ведь зима по полгода, считай, делать нечего, вот нас и пытались суровостью нашей религии удерживать. А американцы деятельны, к тому же у них много выходцев из Африки и Латинской Америки со своеобразным восприятием Бога, вот им такую синтезированную религию предложили. Или мусульманство, молодая религия, потому более жесткая, более требовательная. Дело не в религии, а в вере. Вера, ребята, нужна. Вера в добро, в справедливость. По вере и воздается. Опять же ведь есть антибоги, которые, собственно, сейчас и активизировались и многим людям они задурили головы, потому что трудно от удобств, от комфорта отказаться, трудно считать себя обыкновенным, хочется быть особенным, а еще трудно злую ведьму от доброй отличить. Вот поэтому и призывают людей ходить в храмы Господни, там уж точно не промахнешься, но у нас ведь «пока гром не грянет, мужик не перекрестится», а он уже вот сейчас грянет, поздно уж потом креститься-то будет. А Хозяйка – это богиня людей подземных, как вы говорите, чуди белоглазой. Притом они реально существуют, но я не знаток подземных и подводных рас, и их иерархии. Знаю только, что иногда они вмешиваются в нашу жизнь, особенно в такие времена как сейчас, когда планету

спасать надо, а то ведь и они рухнут, если так дальше пойдет, – с горечью сказал священник.

– Ну а что же вы, Силы Света, довели до такого края? – спросил Павел.

– Свобода воли приоритетна. «Каждый выбирает для себя, женщину, религию, дорогу. Дьяволу служить или пророку – каждый выбирает для себя», – процитировал отец Михаил. Слишком многие не по тому пути пошли. Враг силен и изобретателен.

– А почему вы, именно, нас выбрали, то есть физически, как о нас узнали? – полюбопытствовала Ольга.

– Вы же, наверное, слышали, что все наши поступки и мысли записываются в Небесных скрижалях? Ну, вот делаешь запрос с необходимыми параметрами, тебе и представляют список кандидатов.

– Как в Интернете?

– Как в Интернете, будь он не ладен. Про нооскоп слышали?

Ольга смутно помнила, что читала что-то подобное, но честно говоря, мало что поняла. Священник продолжил:

– Нооскоп – это уже предел человеческой гордыни и невежества. Наши правители задумали создать систему, подобную Небесным скрижалям, с помощью Интернета конечно, где будут отражаться не только дела, но и помыслы людей. А они еще будут судить, и оценивать каждого. Хотят себе функцию богов присвоить. Сами не понимают, до какой сте-

пени это опасно, даже для них самих. Все это приближает конец человечества, как цивилизации.

– Значит, с нами все... Дело, как я понимаю, уже решенное? – угрюмо спросил Паша.

– Да. В таком виде как сейчас мы существовать не можем. Но нам предстоит великая битва с темным миром. И от ее исхода зависит, с чего начнется новое человечество. Сможет ли оно восстановить свои нравственные критерии и довольно быстро вернуться к своему теперешнему уровню развития с поправками на допущенные ошибки или будет отброшено на стадию обезьян. В связи с этим я обязан спросить вас, хотите ли вы принять участие в этой битве?

– А без войны как-то нельзя обойтись? – тихо спросила Ольга.

Отец Михаил грустно посмотрел на нее и покачал головой:

– Слишком все далеко зашло. В медицине иногда гной нельзя удалить без крови, так и тут.

– А как это будет? И что мы должны будем делать? – спросил Павел.

– Как и когда это случится, никто не знает. Когда начнется всех, кто должен там быть, оповестят. Но пока еще есть время, мы должны готовиться, а значит, для вас могут найтись дела самого необычного свойства.

– Опять прыгать в другие миры? – поинтересовалась Ольга.

– Возможно. Здесь «на войне как на войне» все может быть. Но если вы согласитесь быть солдатами Света, вы должны знать, что спокойной жизни у вас не будет. При этом вы не будете ни волшебниками, ни людьми со сверхспособностями, ваши жизни могут прерваться раньше, чем, если бы вы жили в своей предначертанной судьбе. Словом, никаких преференций, только обязанности.

– Тогда зачем нам это? – слегка раздражаясь, спросил Паша.

– Ваша жизнь и смерть не будут бессмысленны, как у большинства людей. А это немало. Понимаю, вам надо крепко подумать и все обсудить. Если надумаете не связываться, уезжайте. Я с пониманием приму ваш выбор, и останусь вам навсегда благодарным за то, что вы уже сделали. Но если же решение будет другим, дождитесь меня.

Надев клобук, отец Михаил вышел из кельи, подмигнув на прощанье озадаченным супругам.

Оставшись одни, Ольга и Павел долго сидели в оцепенении. Каждый думал о своем.

Ольга понимала, что она свою совершенно обычную жизнь прожила благополучно. Не было в ней ни жестокой боли, ни потерь с которыми она не могла бы смириться. Только в последние годы она остро чувствовала, как умирает ее страна, рушится ее мир, и не могла этого принять. Они много говорили об этом с друзьями, но что делать, как спасти, ситуацию, не представляли. И вот сейчас предлагалась такая

возможность, но было страшно. Через всю жизнь она пронесла, рассказы о подвигах своих предков, но ей лично никогда не удавалось хоть в малой степени им соответствовать. И вот теперь, видимо, пришло время. Неужели она не сможет пройти предназначенных ей испытаний, неужели предаст здравый смысл и позволит изгадить землю, которую она так любила? А если ее будут бить, а если при ней будут кого-то пытаться? Как она поведет себя? У нее не было ответа. Да, ей хотелось гордо заявить, что сделает все, чтобы ее планета жила, но сможет ли, не опозорит ли своего имени, своего рода? Она вспомнила детство. Их игры были опасны, однажды она с мальчишками залезла на чердак трехэтажного дома. Они играли в пиратов, и маленькой Оле надо было бежать из плена. Она вылезла на крышу и ноги в скользких сандалиях покатались по черепице, уже наполовину скатившись, она ухватилась за какой-то гвоздь, и так висела, молча, не зовя никого на помощь, пока не прибежали «пираты» и не спасли ее. Это дурацкое воспоминание навсегда изменило ее жизнь. «Надо же какой подвиг совершила», – думала она язвительно, но решение было принято. Ольга молчала, не желая давить на мужа. А он размышлял о том, что после боевой юности, ему явно не хватает адреналина, что он никогда не ценил свою жизнь дорого, но что скажет Киссон? Ведь именно она отговорила его, когда он собрался ехать воевать на Донбасс. И это не были чисто женские аргументы, типа «на кого ж ты меня бросаешь». Она холодно и жестко изло-

жила ему аргументы, из которых следовало, что он положит свое здоровье, а может и жизнь, он потеряет своих товарищей, а кто-то из своих же, русских, в это время наживется на поставках оружия, на разграблении промышленности и кроме очередного разочарования это ничего ему не принесет. Время показало, что она была права. И вот теперь эта битва, явно уж, не тривиальный мордобой, но зато без всяких шкурников. Так они сидели долго, потом, посмотрев друг на друга, поняли, что приняли одно, и тоже решение. Вскоре вернулся священник.

– Ну что надумали, дети мои? – спросил он.

– Мы в деле, – коротко сказал Павел.

– Я рад, – ответил отец Михаил. Он вынул из шкатулки два кулона на цепочках, с изображением ангелов, одел их на Ольгу и Павла, перекрестил их и сказал: «Ну а теперь, езжайте с Богом. Ничего не бойтесь, с вами Светлые Силы».

Супруги попрощались с монахинями, уже отъезжая, Ольга заметила на крыльце сестру Анну. Она хотела выйти и сказать ей хоть несколько слов, но монахиня резко повернулась спиной и удалилась. На мгновение Ольге показалось, что она видела, как из ее глаз покатались слезы, но возможно, это были отсветы фонаря, висевшего над входом.

Глава 4

Прошло полгода с того времени, когда Павел и Ольга вернулись из Верхотурья. Обратный путь они проделали без приключений. И вообще в их жизни с тех пор не произошло ничего необычного. О встрече с отцом Михаилом напоминали только кулоны в виде ангелов. Они уже стали забывать состояние собранности и тревоги, в котором пребывали первые недели после возвращения. Зима в том году прошла скучно без поездок в театры, на катки, и даже без частых встреч с друзьями в Новогодние каникулы. Вирус разобщал всех лучше бытовых и политических разногласий. Люди, дружившие годами, вдруг стали бояться встреч. И чем дольше это продолжалось, тем труднее было общаться вживую. Паша говорил, что эта выдуманная пандемия, наверное, происки Темных. Ольга соглашалась с ним, но переживала это намного тяжелее, считая, что нужно как-то бороться, но как, она не знала. Между тем пришла весна, супруги переехали на дачу вместе с животными, где пробуждающаяся природа, несколько поднимала их настроение. Вот зацвели первые примулы и мышиные гиацинты, вот зазеленел газон, вот обнаружился, казалось потерянный навсегда из-за прошлогодней засухи «венерин башмачок». Все это давало силы жить и даже немного радоваться. Настали майские праздники. Супруги не готовились к ним, как обычно, закупая мя-

со для шашлыков и вино для веселья, никто не собирался к ним приезжать. Да и чего было ждать, если в прошлом году, даже святой для всех их близких День Победы не отмечали, на Пасху в церкви не ходили. Тогда это было больно, сейчас боль притупилась. Человек ко всему привыкает. Но неожиданно первого мая на пороге их дома появилась женщина с девочкой лет шести. Наружность женщины сразу располагала к себе. Ее нельзя было назвать красавицей, но живое лицо, стриженные густые волосы и крепко сбитая высокая фигура излучали энергию и внутреннюю силу. Девочка же была чудо, как хороша. Вся в беленьких кудряшках с ямочками на щеках и блестящими голубыми глазками, она как будто бы сошла с рекламы киндер-сюрприза. Паша, открывший дверь, невольно заулыбался гостям. Правда, сначала он думал, что они ошиблись адресом, но женщина назвала его фамилию, оказалось, что она ищет именно его. Стоя на пороге, она начала объяснять с чуть заметным акцентом, что приехала из Белоруссии, что она дочь тети Тани. Паша слушал ее, медленно соображая, кто такая тетя Таня и при, чем здесь он. Ольга вообще была шокирована появлением неожиданных родственников. Павел знал, что у его отца, с которым он не общался с тринадцати лет, и который уж давно умер, было двенадцать братьев и сестер. По национальности они были белорусы, часть из них в семидесятые годы каким-то образом оказались на Урале. И вроде бы, на какой – то из семейных праздников приезжала сестра отца. И звали ее Татьяна,

и была она чемпионка страны по биатлону, а жила она вроде бы в Москве. Было это или не было, Паша помнил смутно, но впустил гостей в дом. Женщину звали Ларисой, а девочку Олечкой. Оказалось, что приехали они из Бреста, где в последний год было беспокойно. По специальности Лариса была инженер – конструктор, и как она говорила, ее уже взяли на работу на один из оборонных заводов. Ей было нужно перекантоваться несколько дней, пока не утрясется вопрос с трудоустройством и жильем. Ольгу вся эта ситуация чрезвычайно напрягла. Она не понимала, как можно было пускаться в такое предприятие, да еще с ребенком, предварительно не созвонившись и не списавшись. Кроме того, было непонятно, откуда вновь прибывшие узнали месторасположение их загородного дома. На этот вопрос Лариса легко ответила: «Да через интернет». Но подозрительная Ольга не отвязывалась, если в интернете и был адрес дачи, то зарегистрирован он был на ее фамилию, а не на фамилию мужа. Лариса легко перевела разговор на другую тему. Делать было нечего, не выставишь ведь женщину с ребенком из дома, на ночь глядя. Хозяйева накрыли на стол, гости достали привезенное с собой домашнее сало и какую-то наливку. Паша выпил и закусил, а Ольга принципиально ничего не ела из чужих рук. Бенья тоже вела себя не гостеприимно, она отказалась от угощения и не стала играть с Олечкой, хотя очень любила баловаться с соседскими детьми. Кот вообще ушел во двор, от греха подальше. Ночевать гостей определили в

отдельный домик, где располагалась баня, а над ней комната отдыха. На что Лариса робко сказала: «Может быть с ребенком лучше бы остаться в доме?» Но Ольга не терпящим возражения тоном заявила: «С ребенком вам как раз там будет удобнее», – тем более, что условия в баньке были действительно комфортабельные. Лариса не стала спорить и вскоре все разошлись на ночлег. Паша заснул сразу, а Ольге не спалось. Она крутилась в постели и все думала, долго ли пробудут эти странные гости. Зная бюрократическую систему оборонки, она предполагала, что организационные вопросы продлятся не один день. И только лишь к ней подкралась дремота, как женщина услышала какой-то странный шорох. Сначала она подумала, что через окно вернулся Тимофей, но все-таки решила встать и закрыть балкон. Она неслышно поднялась с кровати и вышла в другую комнату, задержавшись у портьеры. В свете уличного фонаря она увидела, как Олечка шарит по ящикам комода. Сначала Ольга хотела схватить противную девчонку, но подумала, вдруг у ребенка лунатизм, и она делает это неосознанно. Но Олечка делала все как профессиональный домушник. Обыскав комод, и ничего не взяв, она аккуратно задвинула ящики и перешла к сундуку. В доме было много старой мебели, хозяева не то, чтобы увлекались антиквариатом, но подбирали и реставрировали приглянувшиеся шкафы, комоды, сундуки. Что-то оставляли себе, что-то продавали через интернет. Много вещей здесь было из бабушкиной квартиры, и они прожи-

ли с Ольгой всю жизнь. Изначально этот дом строился, чтобы спасти их, потому что, когда бабушки не стало, квартиру ей пришлось продать, и мало было в Ольгиной жизни таких драматических событий, как разрушение всего уклада ее детства. Ей трудно было расстаться с какой-нибудь вешалкой, хотя она не только не имела никакой ценности, но была откровенно уродлива, но Ольга знала ее сорок лет, поэтому все, что возможно, было привезено на дачу в маленький покосившийся домик, оставшийся от старых хозяев. Потом было решено построить небольшой, но удобный дом, пригодный для круглогодичного проживания. И они построили, совершенно самостоятельно, от проекта до последнего гвоздя. Конечно, в основном строил Паша, Ольга была, что называется «на подхвате». Зато реставрация мебели и отделка была сделана ею. Супруги гордились плодом своих трудов, и любили свои старые вещи. И вот теперь эти любимые раритеты шмонала какая-то странная девочка. Олечка подошла к сундуку и подняла тяжеленную крышку, обитую медью. Ольга подумала, что ребенок, наверное, и вправду лунатик. Она сама в подростковом возрасте страдала лунатизмом, и ее мама, и бабушка рассказывали, что в двенадцать-тринадцать лет они неосознанно бродили по ночам. Бабушка говорила, что в одну из таких ночей, она сняла со стен несколько картин в деревянных рамах, а на утро их не могли поднять двое взрослых мужиков. Олечка же легко справилась с крышкой, которую даже Паша поднимал с трудом. Видимо не обнару-

жив ничего интересного, девочка двинулась к спальне. Ольга отступила и стала наблюдать за ребенком из-за шкафа. Взгляд девочки был совершенно, осмысленным, она огляделась, и двинулась к столику, над которым висела странная вещица, сделанная Ольгой. Она представляла собой цепочку соединенных между собой циферблатов и часовых механизмов, нанизанных на кожаный шнурок, который заканчивался красивым белым пером. Ольга предполагала, что перо лебединое. Создать такой сувенир ее подвигла книга, которую она прочитала несколько лет назад и просто влюбилась в ее героев. «Дом, в котором...» называлась она. Это была очень странная книга, Ольга не понимала в ней многих вещей, но когда она перечитывала некоторые эпизоды, у нее было чувство, что она вернулась домой. Вернулась, и все еще были живы, все кого она уже потеряла. Ей очень хотелось с кем-нибудь обсудить книгу, но все близкие, кто пытался ее прочитать, либо не дочитывали до конца, либо видели в ней что-то свое, совсем не близкое Ольге. То же было и с отзывами в интернете. Теперь – то она понимала, что речь в ней шла о таких же прыгунах, как они с Пашей, только там было что-то еще, завуалированное, более сложное, чего они еще не испытали, и, возможно, не испытают никогда. Важными артефактами для героев книги были всякие мелочи, в том числе поломанные часы и птичьи перья. Ольга обнаружила, что она, совсем как Табаки (один из главных жителей Дома), имеет привычку собирать всякую чепуху для по-

делок, идеи которых иногда неожиданно приходят к ней. И среди ее многочисленной коллекции есть и поломанные часы, и птичьи перья. Вот она и сделала из них симпатичную вещицу, которая напоминала ей о любимых героях. Видимо она-то и была нужна непрошеной гостье. Та уже вскарабкалась на стол, чтобы снять ее со стены. Ольга двинулась, чтобы оттащить воровку, но тут от книжного шкафа отделился силуэт, и в нем она узнала Слепого, хозяина и вершителя судеб в Доме. Она чуть не вскрикнула, но парень поднес палец к губам, подскочил к девчонке и сгреб ее в охапку. Лицо Олечки исказилось, она извивалась в руках призрачного юноши, и они вместе медленно таяли в пространстве. «Табакки дарит тебе полторы минуты», – хрипло произнес Слепой, прежде чем окончательно исчез. «Спасибо», – прошептала Ольга, и плюхнулась в кресло. Так, сидя в качалке и почти не шевелясь, она дождалась рассвета, и пошла, посмотреть, что стало за ночь с ее гостями. В бане никого не оказалось, что было вполне ожидаемо. Вернувшись в дом, женщина хотела разбудить мужа, чтобы поделиться с ним происшествиеми минувшей ночи, но оказалось, что он уже проснулся. И проснулся он в один из своих черных дней, которые могли длиться неделями и не заканчивались ничем хорошим. Раз в несколько лет Павел становился другим человеком, злым, хамоватым, совершенно чужим. При этом он не пил алкоголя и не употреблял психотропных веществ. В это время он терял все: друзей, бизнес, деньги. Только Ольга и мать оста-

вались рядом, пытаясь «вытащить» его из этого состояния. Но, как правило, он никого не слушал, было такое впечатление, что ему нужно дойти до какого-то края, где он начал видеть и осознавать абсурдность своих действий, тогда он «возвращался», и они всей своей небольшой семьей начинали восстанавливать утраченное. Ольга вздохнула, впереди их ожидало много тяжелых дней.

Глава 5

На этот раз Пашины «безумства» длились дольше обычного и проходили совсем не так, как раньше. Он почти не разговаривал, не ел, лежал, уставившись в одну точку. С работы его уволили, те заказы, которые шли через его небольшую фирму, он не выполнил, вызвав обоснованное недовольство клиентов, но ему было все равно. Знакомая психологиня Лиля, которая уже много раз оказывала их семье посильную помощь, на сей раз не помогла ничем. «Похоже, это медицинская депрессия, – констатировала она, – нужно обращаться к психиатру». Но зная все обстоятельства Пашиной жизни, Ольга не рискнула везти его к специалисту. Она точно знала, что с точки зрения клинической медицины, по нему уже давно плачет дурдом, как, впрочем, и по ней. Пашина мама заваривала ему какие-то травки, ездила к каким-то бабкам, но результатов это не приносило. Стояла уже середина июля, и уставшая от свалившихся на нее бед, усиленных жарой, Ольга решила не ехать на дачу, а остаться в городской квартире и хоть немного привести себя в порядок. После работы она купила себе бутылку шампанского, коробку эклеров и ароматическую соль для ванны. Она мечтала, как сейчас, погрузится в пахнущую лавандой воду и будет долго лежать, ни о чем не думая, потом напьется шампанского и уснет без снов, а завтра снова начнет бороться и договариваться.

риваться с этим миром. Но как только она зашла за дверь, ее телефон издал тревожный сигнал. Пришла эсэмеска от мужа: «Если можешь, приезжай, мне так черно, так страшно». Это были первые человеческие слова, обращенные к ней почти за два месяца. Но это были ужасные слова. Ольга бросилась к машине. Она гнала так, как никогда не позволяла себе, зная, что шофер она неважный. Шаркнув бампером о ворота, она залетела на участок. В доме мужа не было, в бане тоже. Она распахнула двери в сарай, и увидела, как Павел с совершенно стеклянным взглядом, лезет на ящик. С потолка свешивалась петля из пеньковой веревки. С диким криком женщина оттолкнула мужа от ящика. Он размахнулся и вlepил ей пощечину. Тогда Ольга схватила стоявшую в углу лопату и со всей силы ударила черенком по голове безумного мужика. Пашка упал, жена трясущимися руками нащупала пульс. Ей было так страшно, как никогда в жизни, даже с учетом всех прошлогодних приключений. Там они или были вместе, или опасность угрожала только ей, это было страшно, но не настолько. А теперь реальная беда грозила ее любимому человеку. «Пермский край, Пермский край», – пульсировало у нее в мозгах. Мало понимая, что она делает, Ольга подогнала к сараю машину, с величайшим трудом усадила туда мужа, примотав его скотчем к сидению. Забежала в дом налила две бутылки воды, в одну из них растолкла несколько таблеток снотворного, сгребла из холодильника все, что можно было взять с собой в дорогу. Почти не осознавая, что

делает, бросила в сумку свою поделку из часов. Позвонила подруге, чтобы та оформила ей отпуск на работе, и Пашиной маме, чтобы присмотрела за животными. Выгнав машину из дачного поселка, она нажала педаль газа до максимума и погнала в какой-то абстрактный Пермский край, следуя указаниям навигатора.

Выехав на трассу, и немного успокоившись, Ольга стала размышлять, что ее может связывать с Пермским краем. Она знала, что Пермь – большой промышленный центр, она знала про Кунгурские пещеры и про загадочный Пермский треугольник. Никаких деталей, никаких зацепок. Да, еще была у нее сослуживица, Елена Николаевна Валуева, родом оттуда. Эта пожилая женщина раньше всех знала о том, что кто-то забеременел или что меняется руководство. Как-то вскользь она сказала, что она- то знает мало, а вот ее сестра всерьез занимается гаданием. Но развивать эту тему не стали, поэтому Ольге было удивительно, что она вообще вспомнила про это. Но как только она подумала о своей знакомой, снова ожил ее телефон, и от Валуевой пришло сообщение: «Кунгур, ул. Цветочная, д. 5, Маргарита – моя сестра». При первой же возможности Ольга остановилась, чтобы поблагодарить Елену Николаевну, она не стала ни о чем ее спрашивать, все было понятно и так. Она только написала: «Спасибо!» Паша по-прежнему был без сознания, и Ольга боялась и его пробуждения, и того, что он никогда не очнется. Но она давила в себе панику, впереди был длинный и трудный путь,

и она гнала машину, стараясь соблюдать все правила. Она опасалась дорожного движения в большом городе, но Екатеринбург случился уже поздним вечером, машин на улицах было мало, и женщина благополучно снова выехала на трассу. Поначалу на дороге было много указателей, но постепенно цивилизация отступала. Вскоре Ольгина машина оказалась на трассе среди дремучих лесов, на десятки километров тянулась тайга. В редких населенных пунктах Ольга старалась заправлять бак «под завязку», помня поездку в Верхотурье, она жутко боялась, что с машиной что-нибудь случится на этой практически безлюдной дороге. Несмотря на почти невменяемое состояние, она все-таки сообразила, что надо забронировать гостиницу, и сделала это через интернет. Где-то посредине дороги муж очнулся, то есть открыл глаза, но это были по-прежнему пустые и злые глаза чужого человека. Он сказал, что хочет в туалет, Ольга не рискнула отвязать его от сидения. За время пути она уже успела обдумать, как ей поступить в таком случае, и, пользуясь опытом водителей из больших городов, стоящих в пробках по многу часов, она подставила мужу банку из-под чипсов, которые она купила на одной из заправок. Паша зло посмотрел на нее, но дело сделал, потом попросил попить. «А это с большим нашим удовольствием», – подумала жена, и протянула ему бутылку со снотворным. Как и следовало ожидать, через несколько минут мужчина заснул, а она продолжала ехать, хоть и ее глаза почти смыкались. Как она понимала,

большую часть пути они одолели. Среди лесов промелькнул указатель «Кунгур 160 км». Ольга решила остановиться и поспать, дальнейшее движение могло стать опасным и для них и для других, хотя никого на дороге не было уже много километров. Она собрала рассыпанные по машине чипсы, немного поела, запила водой, и уснула тревожным, тяжелым сном. Проспала она часа два, над тайгой поднимался ранний летний рассвет. Павел не спал, видимо он пытался высвободиться, но не смог. Ольга покормила его, дала простой воды. «Где мы?» – спросил он. Ольга ответила: «В ста шестидесяти километрах от Кунгура». «Зачем?» – поинтересовался супруг. «Пытаюсь тебя спасти», – устало ответила женщина. «Не выпустишь?» – спокойно спросил Паша. Ольга представила, что весь проделанный путь может оказаться бессмысленным, и молча, сунула ему банку. Кое – как умывшись, женщина снова села за руль, они проехали примерно час и снова увидели указатель «Кунгур 160 км». Сердце ее тоскливо сжалось. Неужели они опять заплутали в реальностях? Тогда шансов выскочить и вытащить мужа, почти нет. Однако вскоре вдоль дороги появились какие-то постройки, подъехав ближе, Ольга поняла, что это зоны для осужденных, везде торчали сторожевые вышки, и казалось, этим тюрьмам нет ни конца, ни края. Правильно говорят, что в России от сумы и от тюрьмы зарекается нельзя. Вон их сколько стоит, и ни одна не пустует. Наконец, они въехали в город. Районы, по которым они продвигались к центру, представляли собой

одноэтажную застройку. Было много старинных каменных особнячков, облупившихся и требующих ремонта. Они проехали мимо современной гостиницы, где был забронирован номер, навигатор уводил их в другой конец городка. Ольгу поразило обилие цветочных и ювелирных магазинов, во всяком случае, их вывесок и рекламы. Было такое впечатление, что жители не едят, не пьют, не ремонтируют жилья, а только влюбляются и женятся. Наконец, раздолбанная в хлам дорога, привела их на нужную улицу. Перед каменным домиком с башенками был разбит аккуратный палисадник, с кустами сирени и буйно цветущими перламутровыми лилиями разных оттенков. Несмотря на жуткую усталость, Ольга обратила внимание на красивые цветы и подумала, что это хороший знак. Она неуверенно толкнула калитку, навстречу ей вышла маленькая круглая женщина и приветливо улыбнулась.

– Здравствуйте, я Марго, сестра Лены. Она мне звонила. Благополучно добрались? – затараторила она.

Ольга невольно заулыбалась, так ей стало уютно, впервые за прошедшие сутки, да что за сутки, за два месяца.

– Добрались как-то. Вы нам поможете?

– Всем чем смогу. Проходите в дом.

Ольга замялась:

– Понимаете, у меня муж...

– Да знаю я, – казалось, что Марго приплясывает от нетерпения.

– Вы не поняли, я его связала.

– А... – протянула хозяйка, и закричала как иерихонская труба, – Витя, сюда иди!

Из дома вышел мужичок, небольшой, ладно скроенный и такой же подвижный и улыбочивый, как его жена. Поздоровавшись с Ольгой, он направился к машине. И с какими-то шутками и прибаутками отвязал Пашу от сидения. Все прошли в дом. На столе уже дымился самовар, настоящий, ведерный, на шишках. В маленьких вазочках было разложено варенье разных сортов. На столе стояло четыре прибора. Ольга поняла, что их ждали. Ей очень хотелось помыться с дороги, но она постеснялась обременять хозяев. Однако Маргарита все понимала без слов, она провела Ольгу в ванную, та с удовольствием ополоснулась. Когда она вернулась в комнату, на столе уже дымилась шаньги. Паша сидел рядом с Виктором, и они о чем-то мирно беседовали, но по взгляду Ольга поняла, что муж так и не пришел в себя. Они с удовольствием позавтракали, Паше налили рюмку домашней самогонки. При этом Виктор пробурчал что-то вроде: «Клин клином вышибают». Ольга хотела объяснить хозяевам, что проблема совсем не в пьянстве, но Марго предостерегающе, поднесла палец к губам, и успокаивающе закивала. После еды Виктор сказал: «А у меня уж и банька готова. Давай, Паша, собирайся, пойдем, попаримся». Мужчины ушли, а Ольга просто валилась с ног. Хозяйка завела ее в спальню, и предложила лечь на огромную кровать с панцирной сеткой, не менее чем с тремя перинами, застеленную кипенно – бе-

лым покрывалом, с высокими подушками, покрытыми тюлевыми накидками. Ольга даже подойти к этому сооружению побоялась, и робко спросила нельзя ли ей прилечь на кушетке, которая стояла рядом. «Да ложись, где хочешь!» – добродушно отозвалась Марго. Гостья, не раздеваясь, рухнула на жесткую скамейку, и тут же провалилась в спасительный сон. Она не знала, сколько времени проспала, но проснулась от мерных глухих звуков. Подойдя к двери спальни, женщина увидела, что Паша сидит на стуле посреди комнаты, а вокруг него скачет Марго в расшитой яркими нитками кухлянке, с какими-то рогами на голове, и бьет в кожаный бубен. «Камлает», – подумала Ольга. Она не знала, можно ли ей наблюдать за процессом, поэтому не стала высовываться из спальни. Бубен стучал все сильнее, шаманка крутилась быстрее, выкрикивая какие-то непонятные слова, вызывающие страх и поднимающие волосы на руках дыбом. Паша сидел бледный и безучастный. Казалось, что этому бесконечному кружению не будет конца. С Марго градом лился пот. Еще бы, на улице градусов тридцать жары, а она в шубе! Но вот звуки бубна стали стихать. В комнате появился Виктор с медным тазом. Ольга видела, как тело мужа свела судорога и его начало рвать. Через несколько минут, уложив его на диван, Марго зашла в спальню. Лицо ее было озабочено. «Что, все плохо?» – тихо спросила Ольга. «Да нет, просто до конца не вывела заразу», – ответила шаманка. «Ты вот что, забирай его и вези в гостиницу. Он сейчас тихий, сопротивляться не

будет. Всю ночь его будет рвать, а ты должна будешь найти в его рвоте что-то необычное, и привезти мне. Как только найдешь, сразу дуй к нам в ночь, за полночь все равно. Я бы вас у себя оставила, да мне восстановиться надо, а это не для посторонних глаз. Да, его в гостинице можешь спокойно оставить, ничего с ним не случится». Почти неподвижного Павла загрузили в машину, хозяева выдали ей и медный таз, «орудие производства», как пошутил Виктор. От одной мысли, чем придется ей заниматься всю ночь, Ольгу мутило, но делать было нечего. «На что не пойдешь ради спасения любимого человека, а это такая малость», – успокаивала она сама себя. «Вон даже царских дочерей учили ухаживать за больными, а я – то не дворянских кровей», – она вспомнила, как тяжело умирала ее мама, и как она этими же словами подбадривала себя в те страшные дни.

Заполнив анкеты в гостинице, она сказала, что мужу стало плохо в дороге, и почти на себе дотащила его до номера. К счастью при гостинице был ресторан, и Ольга заказала ужин в номер. Муж от еды отказался, она быстро поела, не очень разбирая вкус принесенной пищи, и только она отдала грязную посуду горничной, как началось светопреставление. Она никогда не подозревала, что в человеке может быть столько всякого дерьма, но Пашу рвало всю ночь с небольшими перерывами, в которые рвало Ольгу, все-таки она была очень брезгливый человек. В четыре утра она обнаружила в тазу раскаленный до красна уголек. «Вот оно», – подумала Ольга,

поместив находку в полиэтиленовый пакет. Посмотрев еще минут десять на заснувшего Пашу, она бросилась на стоянку.

При свете луны городок выглядел как сказочный. Не было видно отлетевшей лепнины и треснувшей штукатурки. На крышах многочисленных церквей играли блики света. Удивительно, но эта глухая уральская провинция чем-то напоминала Ольге миниатюрный Петербург. Вот особняки, вот доходные дома, вот даже Апраксин двор только все это очень маленькое. Ольга вспомнила, что читала о том, что в девятнадцатом веке Кунгур считался богатым городом, потому что стоял на пересечении торговых путей. И здешние купцы буквально делали себе состояния на торговле чаем, вот и строили себе дома по образу и подобию столицы. Так, размышляя, она подъехала к дому шаманки. В одном окне горел свет, и женщина уже без стеснения тихонько постучала в дверь. Заспанная Маргарита в безразмерном байковом халате вышла ей навстречу. «Принесла?» – спросила она, позевывая. Ольга отдала ей пакет. «Ну, ты погляди на них, чего придумали», – проворчала хозяйка и ушла в спальню. Там она долго что-то шептала, тихонько чем-то позвякивая. Потом она вышла, отдала Ольге уже остывший, совсем черный уголек, и поманила за собой во двор. Достав из какого-то сарайчика маленькую лопатку, она приказала Ольге вырыть ямку за баней и положить туда свой трофей, что та и сделала. Маргоша еще что-то прорычала гортанным голосом, посыпала на раскопки каким-то порошком. И они вернулись в

дом.

– Ну, все теперь хорошо будет с твоим Пашкой, – сказала удовлетворенно шаманка.

– А что это было? – наконец позволила себе вопрос Ольга.

– Порча черная, крутая, нездешняя. Гости ведь у вас недавно были, вот и оставили, раз ничего другого у вас не взяли.

– А если б взяли?

– Все равно бы сделали. На войне, как на войне.

Ольга вспомнила, что где-то уже слышала эти слова.

– Слушай, а зачем им моя поделка понадобилась? – Ольга достала из сумки шнурок с часами.

– Ну, наверное, ты много в нее вложила. Да и автор книги, эта армяночка Мариам, она же тоже не просто так такую книжку написала, а собрала энергетику каких-то людей. А им, черным, это нужно. Ты оставишь его мне? – спросила Маргарита, вертя в руках сувенир.

– Конечно, – ответила гостя.

Шаманка ловко отцепила один циферблат с секундной стрелкой от шнурка и отдала Ольге.

– Помни, тебе полторы минуты подарили, – сказала она

– Помню. И тебя вечно помнить буду. Спасибо тебе.

Женщины обнялись. Марго достала из буфета маленькую баночку с вареньем, передала Ольге.

– Держи. Просто так не ешь, только, когда сил совсем не будет. Это ягода наша северная, вмиг на ноги поставит. Паш-

ке ложечку сегодня дай. Сейчас приедешь, поспите, а в ночь уезжайте. Он уже сможет за рулем ехать. Я же знаю, ты до смерти боишься водить. А ты не бойся, все хорошо будет, – подмигнула волшебница – Лене моей привет передавай, да много не рассказывай. Она в курсе, конечно, но тревожить ее не надо.

– Вы приезжайте к нам. У нас хорошо, лес, озеро, горы – пригласила Ольга.

– Мы бы с радостью, да пост нам не оставить, – вышел из-за спины Марго Виктор Иванович. И Ольга увидела, в вырезе футболки блеснул ангелок на цепочке.

Сердечно распрощавшись с хозяевами, Ольга приехала в гостиницу. Муж спал, тихо похрапывая. Ольга тоже улеглась, с мыслью, что теперь она, наконец, выспится от души. Проспали они до полудня. Павел чувствовал себя хорошо, а съев ложечку Маргошиного варенья, вообще стал ходить гоголем. Ольга же проснулась в хмуром настроении, у нее ломило все тело, но мысль, что сегодня не надо будет сидеть за рулем, несколько скрашивала ее состояние. Приведя себя в порядок, они пообедали, немного побродили по незнакомому городу. Зашли в собор, поставили свечки за здоровье шаманки и ее мужа. Наверное, это было дико, ставить свечки за колдунов, но и Ольга и Павел чувствовали, что это правильно, и хуже от этого никому не будет. Вечером они уехали из Кунгура, пообещав себе вернуться, чтобы привезти подарки спасшим их людям, а заодно и осмотреть знаменитые пеще-

ры.

Глава 6

После вояжа в Кунгур Ольга чувствовала себя раздавленной и побитой. Павел пытался поправить свои дела, а жена на этот раз никак не принимала участия в процессе восстановления утраченного. «Сколько можно?» – думала она про себя. «Да, мы прожили много лет, но все ведь повторяется с тупым упорством. Пусть на этот раз он не виноват в своем чернушном состоянии, но ведь сколько раз такое случалось и по его собственной воле. Он не хочет ничего в себе менять, не хочет радоваться жизни. А у меня уже нет сил, придумывать для него очередные развлечения, спасать от очередных кредиторов и от самого себя», – так думала Ольга, закрывая кабинет в конце рабочего дня. Идти домой не хотелось. Она пыталась вспомнить, когда просто по-человечески радовалась, и не могла. Конечно, весь прошедший год был полон радости, от того что удалось избежать зависания в чужих мирах, спасти или спастись от демонов, но это была не здоровая радость. Конечно, она всегда радовалась мелочам, вот фиалки на подоконнике зацвели, вот Беня очередное колечко отмочила, вот кот пришел прижаться к ее груди, но все это было обыденно до зубовного скрежета. Конечно, она жила лучше многих соотечественниц, во всяком случае, интереснее, но... В такие минуты она всегда одергивала себя, и говорила: «Что ты ноешь? Ты что Ленинградскую блокаду пе-

режила или детей в Беслане потеряла? Стыдно!» Но хотелось праздника, причем такого, чтобы не она его устраивала, а ей что-то подарили. Идя к машине, она увидела призывную вывеску вновь открывшегося бара, и неожиданно для себя зашла в темноватое помещение. Бар был крохотный, буквально на несколько человек, в неярком освещении она разглядела конверты от виниловых дисков, в стеклянной витрине лежал саксофон, из динамиков лились гортанные негритянские синкопы. Кроме молодого бармена с отсутствующим выражением лица, никого не было. Ольга взгромоздилась на неудобную табуретку перед стойкой и заказала сто пятьдесят коньяка. На удивление, напиток был не паленым, слегка отдавал черносливом, и легко «пошел» под горькую шоколадку. Через мгновение по жилам побежало тепло. «Лучшие друзья девушек это – бриллианты, а лучший друг тетеньки в возрасте это – коньячок», – улыбнулась про себя Ольга. Она знала, что больше, чем заказала, не выпьет, желудок не позволит ей окончательно расслабиться. Но она делала маленькие глотки, и наслаждалась джазом, необычной для нее атмосферой и относительной свободой. Она не стала звонить Паше и ощущала себя школьницей, удравшей с уроков. «Пусть поволнуется, – думала она, – не все же мне икру метать». Легкий звон колокольчика над дверью, возвестил о приходе нового посетителя. В бар зашел мужчина, удивительно похожий на общеизвестный портрет Хемингуэя. Он устроился рядом с Ольгой, заказал себе виски. Отпив янтар-

но-золотистый напиток, он галантно осведомился:

– Могу я угостить даму?

Ольга улыбнулась и ответила:

– Даме уже достаточно.

– Да полно, Вы же хотите расслабиться, и я вижу Вам это необходимо, – искушал мужчину

– Почему Вы так думаете?

– Ну, Вы бы не сидели здесь одна, и вид у вас такой...

Печальный.

– Ерунда, все у меня хорошо. Просто заканчивается лето.

Просто весь мир сошел с ума.

– Вот именно. И ему надо соответствовать, и тоже немножко сойти с ума. Самую малость.

– Может Вы и правы. Только я с ума не сойду. С ума сойдет мой желудок, а это знаете ли малоприятно.

– Понял, – сказал мужчина, и сделал какой-то знак равнодушному бармену.

В ту же минуту на барной стойке появилась маленькая корбочка из палисандрового дерева. Мужчина ловко открыл ее и протянул Ольге. Внутри лежала небольшая таблетка.

– Что это? ЛСД какое-нибудь?

– ЛСД – это прошлый век, гораздо веселее и безопаснее.

– Спасибо. Нет! – твердо сказала женщина.

– Ну а как же насчет того, что в жизни надо все попробовать?

Ольга вспомнила, как когда-то говорила приятелям, что

на свое шестидесятилетие, она хотела бы получить в подарок таблетку ЛСД. «В жизни надо все попробовать», – обосновывала она свое необычное желание. Тогда она считала, что в шестьдесят можно уже спокойно закончить жизнь. Но вот до шестидесяти уже и не так далеко, но хотя и не очень близко. И когда еще представится такой случай.

– Сколько это стоит? – спросила она.

– Ну что Вы, ей богу. Я угощаю.

– Нет. Я должна заплатить, – настаивала Ольга

По лицу мужчины пробежала тень недовольства, но он улыбнулся и сказал:

– Ладно, десять долларов.

Ольга пересчитала по курсу и выложила деньги.

Она взяла таблетку и осторожно лизнула, не почувствовав никакого вкуса.

– Рассасывайте ее, невкусно не будет.

– Да Вы, как я вижу, знаток, – проворчала Ольга.

Таблетка быстро таяла во рту, ничего необычного не происходило. Мужчина заказал кофе, и поставил перед Ольгой маленькую чашечку. Она отхлебнула и зажмурилась от удовольствия. Напиток был терпким и одновременно сладким и благоухал просто божественно. Ольге вдруг показалось, что она в Париже. Но не в современном городе туристов и эмигрантов с востока. А в Париже Хемингуэя и Скотта Фицджеральда. «Вот он, праздник, который всегда с тобой», – думала она. Сердце ее оттаивало, взгляд становился мягче. Где-

то на задворках сознания осталась мысль, что этого не может быть никогда, что время сильных мужчин и слабых женщин давно прошло, что если, кто и может позволить себе слабость, то это – не она. С плеч как будто свалилось лет двадцать, и она чувствовала себя молодой девчонкой, готовой плясать рок-н-рол, хоть всю ночь. Угадав ее желание, мужчина предложил ей потанцевать. Но видимо наркотик подействовал еще не до конца. Ольга помнила, сколько ей лет, и помнила, что уже давно приняла решение покончить с танцами, ибо тетеньки ее возраста на танцполе выглядели, с ее точки зрения, глуповато и забавно. Поэтому она отказалась. Но мужчина встал, мягко взял ее за руку и вывел на середину крохотного зала. Они стояли, покачиваясь в такт музыке. Ольге уже давно не было так легко и радостно. Он нежно провел по ее шее, потрогал цепочку, на которой висел кулон с ангелом. Затем рука его скользнула в вырез на груди, он зажал кулон двумя пальцами. Ольга дернулась, мужчина не отпускал украшение. Цепочка оказалась прочной, и порезала шею, из раны потекла кровь. И с каждой ее каплей, Ольга все больше и больше трезвела. Она впиалась ногтями в руку мужчины, держащую кулон. От боли он разжал пальцы. «Отдай, стерва!»-выкрикнул он. И тут женщина разглядела его мерзкую физиономию, мокрый слюнявый рот, серую кожу, рыбы глаза какого-то помойного цвета. Она изловчилась и врезала ему острым носом туфли между ног, тут же получив удар в правый висок и потеряв сознание.

Тем временем Паша, придя домой и, не обнаружив, супруги заволновался. Набрал несколько раз ее телефон и не получив ответа, он подумал, что она снова где-то забыла мобильник, такое случалось довольно часто. Но вот, чтобы пойти куда-то после работы и не поставить его в известность, такого не было никогда. В последнее время они часто ссорились, но оставаться на связи, всегда было их непреложным правилом, даже еще до тех времен, когда с ними начали происходить всякие чудеса. Он обзвонил всех ее подруг и знакомых, с кем она могла бы оказаться, он даже переступил через себя и позвонил ее брату, с которым уже много лет не общался в силу обоюдной вредности характеров. Жены нигде не было. Павел уже почти, наверное, знал, что опять что-то произошло, и это что-то не из ряда приятных событий. Сидеть дома он не мог, поэтому свистнув собаку, поехал на поиски. Сначала они с Беней остановились у здания, где трудилась Ольга. В окнах было темно. Спросив у охранника, Паша узнал, что все сотрудники уже давно ушли, и в конторе никого нет. На стоянке он обнаружил машину жены. Значит, она была где-то рядом. Он хотел пройти в здание, предполагая найти там хоть какие-то следы, но прежде чем вступать в переговоры с охранником, решил прочесать ближайшие дворы. Выпустив из машины собаку, он приказал ей искать хозяйку. Бенья, хоть и не была ищейкой, но, казалось, все поняла. Покрутившись у центрального входа, она как будто взяла след. Паша побежал за ней. Обежав весь квартал, они снова вер-

нулись к исходной точке. «Эх, ты!» – подумал про собаку хозяин. Но та метнулась в сторону ближайшего дома и остановилась на крыльце парадного. Паша подбежал, подергал дверь, она была заперта. Однако Беня скулила и рыла лапами цементный порог. Мужчина сообразил, что надо зайти в подъезд со двора, обежал дом и зашел с черного хода. На лестничной площадке стояли детские коляски и велосипеды, прикрученные к перилам разными хитрыми способами. С трудом пробравшись через них, Паша увидел лежащую на полу Ольгу. Сначала ему показалось, что у нее отрезана голова, он с трудом сдержал дикий вопль. Но наклонившись над женой, он увидел, что она дышит. Он вызвал скорую, потом достал из ее сумки телефон, нашел фамилию Шахов, и набрал номер. Слава Шахов, был старый Ольгин приятель, теперь служивший в ФСБ. Павел знал, что жена часто помогала ему консультациями по всяким экономическим вопросам, иногда просиживая над документами ночами, чтобы Слава мог отчитаться перед начальством своевременно. Знал он и то, что пару раз Шахов вытаскивал и его, Павла, из неприятных ситуаций, естественно по Ольгиной просьбе. «Да, Ольга Викторовна!» – послышался приветливый голос. Паша объяснил ситуацию. Через десять минут фээсбэшник был на месте. «Б...!» – только и сказал он, увидев растерзанную женщину. Он набрал номер скорой, назвал свое звание и фамилию и спокойно сказал: «Если через две минуты, здесь не будет машины, урою всех!». И машина – таки через

две минуты была. За скорой ехали Паша с Бене́й, а за ними Шахов. В приемном покое ему снова пришлось потрясти удостоверением, чтобы врачи активней принялись за работу. Раны оказались не настолько страшными, как это поначалу показалось мужчинам. Был глубокий порез шеи, к счастью не задевший артерию, и кулон в виде ангела был вдавлен в грудь, как будто его приложили к телу раскаленным. Кроме того под правым глазом растекся фиолетовый синяк. Врач попытался перерезать цепочку хирургическими щипцами, но у него ничего не вышло. Он обработал раны, поставил женщине какой-то укол, и она пришла в себя. Улыбнувшись Паше одними глазами, она с удивлением посмотрела на Шахова. «Славочка, что ты тут делаешь? Где я?» – проговорила она пересохшими губами. Слава попросил всех удалиться, потом спросил: «Ольга Викторовна, вас что, пытали?» Ольга рассказала ему, как зашла в бар, как к ней пристал какой-то мужчина и пытался отобрать у нее украшение. Про таблетку она ничего говорить не стала. Фэсбэшник задумался. «Ольга Викторовна, нет ведь там никакого бара, – сказал он, – а кулон этот что, очень ценный?». «Да нет, купила в Верхотурье за копейки», – соврала Ольга. Тут в смотровую зашел врач с результатами анализа крови, в которой был обнаружен наркотик. «Так. Ну, с баром понятно, – констатировал Слава, – но кто это сделал?» Он думал, что буквально накануне закончился суд над бандой жуликов, где большую роль сыграли экономические выкладки, сделанные для

него Ольгой. Но про это не знала ни одна живая душа. На всякий случай, он поинтересовался у женщины, не говорила ли она кому-нибудь про это. Но он был уверен, что не говорила, ведь они не первый год знали друг друга. Да и работа там была чисто техническая, Ольге не были известны ни обстоятельства дела, ни его фигуранты. «Может псих, какой – то напал, – раздумывал Шахов, – но это ж надо было заморочиться с наркотиком». Так ни до чего, не додумавшись, он ушел добывать Ольге больничный. Вручая Паше бумаги, и прощаясь с супругами, Слава сказал: «Если что необычное случится, немедленно звоните!»

«Если б ты знал, Слава, сколько в нашей жизни теперь необычного, от которого ты, при всем желании, не спасешь!» – думала Ольга, пока они ехали домой. Паша завалил ее вопросами. Она нехотя отвечала, сознавая свою вину. Потом на нее, видимо, подействовали лекарства, и она вырубилась, обняв кота и Беню, которые забрались к ней в кровать. Кот мирно урчал, а собака думала: «Нашли героя, что он сделал- то? Корочками только махал. Вот без меня хозяйка бы кровью истекла. А мне даже спасибо не сказали». Она обиженно отвернулась, но потом, поразмыслив, решила все-таки проявить благородство и стала лизать безжизненно повисшую руку Ольги.

Глава 7

Однако они понимали, что в связи с их положением, ничто и никто не спасет их от повторения подобных инцидентов. Но жизнь продолжалась, прошел почти год с их поездки в Верхотурье, а кроме защиты самих себя, они ничего не сделали. Наступало время очередного отпуска, и в стране, и за рубежами было как-то беспокойно, но поехать куда-нибудь хотелось, и они решили провести неделю в Казани. Все-таки это третья столица России, и говорили, что очень красивый город. К тому же, там были отчасти и Пашины корни, ведь мама его была настоящей казанской, а значит крещеной, татаркой. На поезде нужно было ехать всего лишь ночь, и утром они прямо с перрона вокзала попали в великолепный холл недавно построенного метро. Город влюбил в себя с первых шагов. В отличие от сдержанного, мистического Петербурга, который оба считали своей духовной альма-матер, Казань была веселой, улыбчивой и очень чистой. Целыми днями они бродили по историческим улочкам, заходили в православные храмы и мечети, сидели в кафе и рестораничках. Особенно им нравилось бывать на набережной перед университетом. Там всегда играл джаз, молодежь пересекала на электросамокатах, бабушки в национальных костюмах играли с детьми, и взрослые, и малыши гладили и подкармливали лошадок, катающих всех желающих, слышалась раз-

ноязыкая речь. В общем, было весело. «Знаешь, наверное, когда наши деды представляли коммунизм, они видели приблизительно такую картинку», – сказала как-то Ольга, глядя на окружавшие их здания Сталинской застройки. На теплоходе они съездили в Свяжск, удивились как из тюремно – психиатрического ада, городок превратился в туристический рай. Сходили на национальный балет «Золотая Орда», и поразились мастерству танцоров, а надо сказать, они в своей жизни видели немало балетов, и слышали много опер в разных городах мира. В последний день их пребывания в Татарстане они решили еще раз пройти по главной пешеходной улице, чтобы купить что-нибудь на память об их замечательной поездке. В этот день оказался открытым музей художника Константина Васильева, в который они пытались попасть всю неделю. Они купили билеты, зашли в полутемное помещение. Сразу же их внимание приковала картина, изображающая военный парад сорок первого года. Была в ней какая-то тревожность, и сила, которая заставляла покрываться мурашками все тело. С трудом отойдя от нее, Павел и Ольга осмотрели картины в других залах. В основном это были сказочные и исторические сюжеты, была в них некая загадочность, но и искусственность. Они снова подошли к «Параду». Чем больше они всматривались в лица солдат, многие из которых шли прямо в последний бой, тем больше картина их «втягивала» в себя. И вот они обнаружили, что выходят с Красной площади в прифронтной Москве, в ноябре

сорок первого года. Паша шел в строю, отмаршировавшего уже полка, а Ольга бежала за ним, пытаясь, обойти оцепление. На обоих были серые солдатские бушлаты, за плечами вещмешки. У Паши была еще и винтовка. Они шли квартал за кварталом, пока не покинули город. Очевидно, полк вышел на позиции, а были они совсем рядом с Москвой. Когда, по команде, строй полка рассыпался на отдельные подразделения, Ольге удалось подбежать к мужу. Они обнялись, и не успели сказать друг другу пары слов, как на них налетел мужик средних лет, в белом овчинном полушубке, должно быть командир, и завопил: «Эт-то что еще за сентиментальная комедия! Хозвзвод в деревне базируется! Ну-ка, шагом марш!» Ольга поняла, что это он ей, и пошла по направлению к нескольким домикам, видневшимся на горизонте. Вскоре она догнала небольшой обоз из нескольких телег, его сопровождал с десяток женщин. Она незаметно пристроилась к ним, раздумывая, как быть. Ведь у нее ни документов, ни хоть какого-то объяснения своего появления здесь не было. Но никто у нее ничего и не спрашивал. Женщины, как видно, друг друга не знали, поэтому на новенькую внимания не обратили. В деревне бывшее здание школы приспособили под полевой госпиталь, а в соседней избе устроили прачечную, куда и попала Ольга. Сначала они доставали с телег чаны и огромные кастрюли, в которых нужно было кипятить воду, потом ходили по дворам, забирая у местных последние дрова и пытаясь разламывать хлипкие заборы, потом таска-

ли ледяную воду из колодца, растапливали печи в избе, и в бане. Пришла их главная, сержант Изотова, баба лет пятидесяти, вручила всем по куску хозяйственного мыла, и по пакетику с содой, сказала, чтоб берегли моющие средства как зеницу ока. Потом разрешили поесть. К госпиталю подкатила полевая кухня, всем выдали по два половника перловой каши без всякой заправки и по куску грубого черного хлеба. Ольга жевала резиновую крупу, и думала, как быть дальше. Бой шел недалеко, судя по грохоту орудий. «Что там с Пашкой? Зачем мы здесь?» – размышляла она. Понятно было, что любой ценой нужно найти мужа, чтобы дальше что-то предпринять. Тут в сарай, где они расположились, забежал совсем молоденький красноармеец, почти ребенок и истошно закричал: «Девки, раненых привезли, айда грузить!» Ольга улыбнулась, все «девки» годились ему в мамы, но «на войне, как на войне». Прачки зашли в школьный двор, две молоденькие медсестрички, с трудом снимали с подвод раненых и волокли их на носилках в здание. Легкораненых не было, все или с оторванными конечностями, или с вывернутыми кишками. Ольгу замутило, но она опять вспомнила про царских дочерей, и смело подошла к подводе. Рядом с ней встала Люба, женщина, на вид лет сорока с изможденным, серым лицом. Вдвоем они взяли солдатика за руки и за ноги, и, положив на носилки, донесли до школьного коридора. Там уже лежало человек десять. Пожилой военврач осматривал их, определяя, кого он сможет спасти. Сестры, разрезали

окровавленную одежду, делали перевязки, пытаюсь остановить кровь. Ольга старалась не смотреть на раненых, не думать об их судьбе, она просто тащила их из последних сил туда, где у них появлялась хоть маленькая надежда. Когда перетаскали всех, сестры отдали им ворохи окровавленной одежды, и они принялись за стирку. Стирали почти в холодной воде, весь кипятик отнесли в госпиталь, а дров взять было неоткуда. Через несколько часов снова прибежали из госпиталя, снова нужно было помогать с ранеными. Казалось, эта карусель длится вечно, Ольга потеряла счет времени. В какой-то момент пришла Изотова и сказала, что можно передохнуть. Несколько женщин из прачки пришли в отведенный им для жилья сарай и рухнули на солому вперемешку с навозом. Ольга не знала, сколько она проспала, но проснувшись, в лунном свете она увидела, неподвижно сидящую рядом с ней Любу.

– Ты что не спишь? – шепотом спросила она.

– Не спится, – ответила женщина.

Ольга хотела было снова заснуть, но присутствие рядом бодрствующего человека мешало ей. Поворочавшись, она снова обратилась к Любе:

– Спи, а то завтра вырубисься!

– Нет, – ответила та, – я уж третий год не сплю.

– Что совсем? – удивилась Ольга.

– Ну, иногда, на минутку теряю сознание, но потом быстро прихожу в себя. Это меня Бог наказывает!

– За что?

– Да так... Был у меня до войны муж и четверо детей. Муж – шахтер, в Горловке мы жили, под Донецком. Деньги хорошие получал, уважали его, как же, стахановец! Даже путевку в Крым дали, в санаторий, значит. Он поехал, да закрутил там с одной. Мне добрые люди быстро рассказали. Деньги все прогулял, мне телеграмму шлет, мол, вышли на дорогу. А я ему пишу, иди, мол, пешком. Ну, он как-то добрался, поругались мы сильно, но я простила, все-таки трое детей тогда было. Тут мы четвертого, Ванюшку, заделали. А он, ты знаешь, как-то потух весь, глаза какие-то рыбы сделались. А через год, как сынок родился, он на чердаке и повесился. То ли приворожили его, то ли опоили, не знаю. Похоронила я его, а потом, как ему девять дней отмечать надо было, я пошла на базар продуктов на поминки прикупить. Хожу по рынку, вдруг бежит моя сестра, растрепанная вся, кричит: «Люба, Люба, Сережка под поезд попал!». Я так и обмерла. Побежали мы в больницу, Сереженька еще жив был, ноги ему отрезало. У нас пути, считай по двору проходили, вот он, то ли заигрался, то ли толкнул его кто, только попал под товарняк мой сыночек. Лежит на белых простынках смотрит на меня так серьезно и говорит: «Ты, мама, похорони меня в папиной оградке, а костюм мой Борьке отдай». Это дружку его. Все понимал, а ведь только девять ему было. А я, грешница, за ручонки его держу, а сама думаю: «Хоть бы тебя Господь прибрал. Не поднять мне еще троих с тобой, кале-

кой».

Женщина говорила совершенно спокойно, ни один мускул не дрогнул на ее испитом лице, и от этого Ольгу душили рыдания, ничего страшней и правдивей она в своей жизни не слышала. Тем временем Люба продолжала:

– Похоронила я и Сереженьку, все сделала, как он просил. А через два года война. Бомбили нас сильно. Вернулась я как-то домой с работы, а вместо дома – воронка. И все мои там. И Сонечка, и Леночка, и Ванюшка. Вот так. Никого не подняла, не вырастила. А ты говоришь, спи...»

Ольга обняла женщину, прижала ее к себе, стала судорожно гладить ее волосы. Но Люба никак не отвечала, сидела как неживая, да она уже давно и была неживой. Ольге стало невыносимо стыдно за свою какую-то кукольную жизнь, за слезы, которые она проливала по пустякам, за потраченные неизвестно на что эмоции, за мелочность своих желаний и устремлений. Так, обнявшись, они просидели до утра, когда в сарай зашла командирша, и снова началась эта горестная карусель, раненые, кровавые бинты, постирушки.

Ольга сбилась со счета, сколько прошло дней в таком режиме, может два, может три. Руки ее покрылись потрескавшейся коркой, казалось, и душа окаменела. Она уже никому не сочувствовала и никого не жалела. Однажды утром сержант Изотова сказала, что кто-то должен поехать на передовую, чтобы раздать ротным санинструкторам перевязочный материал и самые необходимые медикаменты. В госпи-

тале не хватало квалифицированных сестер, поэтому решено было отправить кого-нибудь из хоззвода. Ольга вызвалась ехать, думая с замиранием сердца, что не отпустят. Но кроме нее никто не горел желанием ловить пули на передовой. Она получила лекарства и накладные и погрузилась в полуторку, груженную боеприпасами, специально заехавшую за ней. Казалось, машина была полностью фанерная, женщина не представляла, как такое сооружение может самостоятельно передвигаться. Но к ее удивлению, полуторка зарычала и довольно резво понеслась по ухабам. За рулем сидел пожилой дядька, представившийся Карпом Степановичем. С шутками и прибаутками они доехали до первого взвода. Непосредственно на передовой стоял ужасающий запах, который ударял в голову даже ей, которая теперь могла спать на навозе. На ее замечание, шофер сказал: «А что ты хочешь? Целая армия гадит. Ты думаешь, что самое страшное для солдата? Вонь и вошь. Так-то». Ольга передала медикаменты молоденькой некрасивой медсестричке. С разрешения Карпа Степановича она быстро пробежала вдоль окопов, выкрикивая фамилию мужа. Она не надеялась, что кто-то скажет, где его искать, ведь у Пашки не было документов, и вряд ли кто-то знал его фамилию. «А вдруг не найду?» – думала Ольга, и в горле застревал комок. Но она продолжала шутить, в ответ на шутки Степаныча, потому что не хотела, чтобы он ее о чем-то начал спрашивать. На следующей остановке нужно было разгружать боеприпасы. Бойцы подо-

шли к машине, начали стаскивать ящики и уносить их поближе к окопам. Ольга пошла в блиндаж к санинструктору. Возвращаясь, на бруствере окопа она буквально наткнулась на Пашу. Он был худым, грязным, с отросшей щетиной, но в глазах его светился какой-то лихой огонек. Они обнялись, им нужно было о многом поговорить, но они не могли найти слов, и молча, шли между окопов и воронок, взявшись за руки. Наконец, они остановились у порванной колючей проволоки, намотанной на два столба.

– Надо выбираться отсюда, – сказала Ольга.

– Киссон, я не могу уйти сейчас, – ответил муж.

– Почему?

– За нами Москва. А за Москвой Урал. Если не мы, то кто?

– Паша, очнись. Ты же понимаешь, что это не наша война.

– Ну да, мы только фильмы про войну смотреть можем, и слезы глотать, когда «Прощание Славянки» слышим. А как дело дошло до дела, мы в кусты.

– Но ты же знаешь, чем все закончится.

– Киссон, я своих мужиков не оставлю. Не проси. Да и кто знает, как нам выбираться? Пусть все идет, как идет.

Паша обнял жену, коснулся потрескавшимися губами ее щеки. Над ними со свистом полетели снаряды, началась наша артподготовка. Ольга оторопела от ужаса. Муж толкнул ее в ближайшую воронку, и побежал к своему окопу. Снаряды летели еще несколько минут, потом наступила оглуши-

тельная тишина, а потом откуда-то издалека понеслось: «За Родину! За Сталина! Ура!» Ольга выбралась на край воронки и смотрела, как серая людская масса поднялась из окопов и двинулась в сторону ближайшей деревни. Женщина побежала за ними, пригибаясь от страха, запинаясь о трупы, она старалась не упускать из вида ту группу, в которой, как ей, казалось, был Павел. Наступление шло сначала бодро, но достигнув окраины поселка, захлебнулось.

Пашка бежал вместе со всеми, крича во всю глотку: «За Родину! За Сталина!» Эти возгласы помогали ему преодолеть животный страх, когда он на минуту останавливался перезарядить винтовку и перевести дух, и в это мгновение, он краем сознания улавливал, что надо бежать вперед, во что бы то ни стало. Огонь обороняющихся фашистов косил его товарищей, но Паша видел, что их еще много, вместе они сила и бежал, бежал вперед. Но вот свинцовый ливень стал чаще, атака захлебнулась перед самым первым домом на окраине деревни. Дом был каменным и довольно высоким, видимо, раньше здесь находилась какая-то контора, неподалеку возвышалась водонапорная башня. На чердаке дома засел немецкий пулеметчик и косил каждого, кто пытался подняться. Но командир орал: «Вперед!». Люди поднимались, и падали замертво, не красиво, не героически. Пашка, лежа носом в мерзлой земле, подумал, что если бы ему удалось забраться на башню, он мог бы закидать огневую точку гранатами. Он потихоньку пополз в ту сторону, и когда

был уже почти у цели, его схватил за плечо командир роты: «Куда намылился, сука? – глянул он на бойца глазами, налитыми кровью, – пристрелю как собаку! А ну-ка вперед!». Паша хотел объяснить свой план, но командир поднялся во весь рост, и поднял его за шиворот. Рота тоже попыталась подняться, и снова десятки трупов упали на мерзлую землю. В этот миг Павел понял, что подвигло Александра Матросова закрыть собой вражеский пулемет. Вонь, вши, многодневная усталость, а главное, бессмысленная и беспощадная гибель товарищей. Ведь есть же в данной ситуации решение, которое спасет много человеческих жизней, почему командир его не принимает? Он отыскал взглядом капитана, и увидел, что тот лежит на спине и смотрит в небо остановившимися глазами, по белому полушубку растекалось кровавое пятно. Тут пулемет внезапно замолчал, наверное, закончились патроны. Взводный повел роту в атаку, через час деревня была взята.

Ольга брела по освобожденной деревне, пытаясь отыскать мужа. Иногда из полуразрушенных домов выходили старухи с абсолютно черными, равнодушными лицами, потом она увидела детей с лицами стариков. Никто не плакал, и не радовался. Кто-то пытался приладить оторванную дверь, кто-то тащил остатки забора, видимо, чтобы растопить печь или разжечь костер. На улицах валялись трупы, в основном немецкие, но были и наши, никто не обращал на них внимания. На площади, в центре поселка, небольшими группа-

ми сидели красноармейцы с пустыми глазами, почти все курили «козьи ножки», свернутые из газет. В одной из групп она увидела Павла, и быстро пошла к нему. Вдруг откуда-то появилась гармонь, и понеслись звуки танго «В парке Чаир распускаются розы ...». Пожилой усатый боец, старательно нажимая на кнопки, немного фальшиво выводил довоенную мелодию, глаза солдат начали теплеть. Внезапно музыкант оборвал тягучий сладостный мотив, и над площадью понеслась залихватская «Барыня». Двое солдат, таких грязных, что невозможно было определить их возраст, выскочили в середину круга, и начали выделявать разные плясовые коленца. Музыка заиграла веселее, танцоры ускорили темп, казалось, они яростно выплясывают всю свою усталость, только что пережитой страх, боль от потери товарищей. Сидящие рядом стали хлопать, свистеть, отпускать грубые шуточки. Смерть на время отошла от бойцов, жизнь по праву брала свое. Паша увидел жену, подбежал к ней, они обнялись.

– Ну, как ты? – спросила Ольга.

– Нормально. Видишь живой и здоровый. Только знаешь, я много понял об этой войне. Я ведь всегда думал, что в Чечне было много дури, и от этого ребята гибли как-то неправильно, глупо. Оказалось, что здесь, то же самое. Это только в фильмах спели «Смуглянку» и погибли героически в воздушном бою, или исполнил «цыганочку с выходом» и красиво погиб под танком. А здесь все – некрасиво, мы здесь просто пушечное мясо, но все мужики все равно герои, да-

же больше, чем в книгах писали и в кино показывали, потому что подняться и идти под пули, это надо железные яйца иметь. А у них, они, да, железные.

Солдаты стали расходиться с площади, командиры отводили свои подразделения на постой, стали подтягиваться полевые кухни. Вдруг воздух разрезал страшный визг. С неба посыпались бомбы, немецкий самолет прицельно сбрасывал их на площадь, где толпилось еще много солдат. Павел с Ольгой укрылись в яме на чьем-то огороде. Если бы у них остались силы, они бы, наверное, бежали, подгоняемые инстинктивным ужасом. Но за сегодняшний день они пережили уже столько опасностей, что просто лежали, обнявшись, вжавшись в промерзлую землю, как будто она могла их спасти. Бомбежка закончилась также внезапно, как и началась. Ольгу поразила наступившая тишина, потом она поняла, что просто оглохла от взрывов. Она понимала, что должна вернуться в свой хозвзвод. Остаться с Пашей, и привлекать к себе внимание было опасно. Муж решил проводить ее до окраины села. Они вылезли из ямы и побрели к площади, усеянной трупами и ранеными. Гармонист, который еще несколько минут назад, пытался вернуть жизнь в это растерзанное село, истекал кровью, прижав к себе инструмент. «Братка! – прохрипел он, обращаясь к Павлу, – гармонь...». Паша наклонился над ним, но солдат уже перестал дышать. Мужчина взял в руки инструмент, гармошка издала жалобный звук, будто прощаясь с хозяином. Закинув инструмент

за плечо, он закрыл глаза покойнику, и сурово посмотрел на серое небо, откуда пришла смерть. Взявшись за руки, Ольга и Павел пошли к околице. Говорить не хотелось, да и сил не было. Они дошли до дома, где сидел пулеметчик, убивший несколько десятков русских солдат. «Давай зайдем, посмотрим, что за перец столько наших положил», – предложил Павел. Ольге идти не хотелось, но расставаться с мужем не хотелось еще больше, и она двинулась за ним на чердак, откуда немец вел огонь. Поднявшись по приставной лестнице, которую Паша обнаружил среди всякого хлама, они увидели, что возле пулемета лежит труп совсем молодого солдата. Он был прикован цепью к трубе, проходящей через все помещение, у его виска зияла дыра от пули, пистолет валялся рядом. «Вот зачем столько людей убил, если знал, что все этим кончится?» – спросил Паша неизвестно кого. «Наверное, думал, что свой долг выполняет. А убить себя ведь страшно. Может до последнего на чудо надеялся», – сказала Ольга. «Какие долги у человека на цепи?» – возмутился муж. «У них цепи, у нас заградотряды», – подумала Ольга, но вслух ничего говорить не стала. Паша потянулся за немецким кинжалом, лежавшим возле трупа, с детства он испытывал страсть к холодному оружию, да еще такому красивому. Пол под ним провалился, и он с криком полетел вниз. Ольга, недолго думая, сиганула за ним.

Приземлились они в полутемном холле музея, посмотрев друг на друга, обнаружили, что они, судя по одежде, снова

в своей реальности, только через плечо у Павла висит гармонь. Совершенно обалдевшие, они двинулись по нарядной улице, залитой солнечным светом, каждый из них остро чувствовал, что вот оно, счастье. Счастье, когда не стреляют, когда ты идешь в чистой одежде, и по дороге нет ни одного разрушенного дома. Посредине Бауманки стояли шатры с разными татарскими сувенирами, а в одном из них парень в тюбетейке торговал гармошками. Они были разного размера, простые и инкрустированные, были там и баяны, и аккордеоны. Увидев на плече Паши гармонь, продавец закричал: «Вах, какой инструмент, братка! Дай попробую поиграть!». Паша внимательно посмотрел ему в глаза, было в его интонации что-то знакомое и трогательное. Он снял с плеча гармонь и передал парню. Продавец ловко пробежал пальцами по кнопкам, и над Казанью понеслось: «В парке Чаир распускаются розы...» Играл он хорошо, профессионально, у шатра собрались слушатели. Закончив мелодию, он обратился к Паше: «Продай гармонь, брат!». «Бери так», – ответил Павел, уже заметивший на безымянном пальце музыканта перстень с изображением ангела. Мужчины пожали друг другу руки, обнялись, и супруги двинулись в сторону гостиницы. Этой ночью они должны были уехать домой.

Все время до поезда они молчали. Не было таких слов, чтобы выразить свои ощущения, за проведенные на войне дни, хотя в их реальности они отсутствовали часа два. Уже в купе, где на их удачу не оказалось других пассажиров, вы-

пив по хорошей порции водки, они, наконец, смогли заговорить. «Знаешь, – сказал Павел, – не было в моей жизни дней страшнее этих, но и счастливей их не было». «Ну, а Чечня?» – спросила Ольга. «Там я в таких мясорубках не был. И да, там были пацаны, с которыми мы шли под пули, и да, за смерть каждого из них я готов был мстить. Но, по большому счету, мы не понимали, что происходит. Почему вдруг чеченцы стали врагами? Да и они, наверное, не очень понимали, ведь до этого мы все были из одной страны. Помню, мы почти неделю голодали, начальнички про наш гарнизон забыли, так чеченки нас кормили. Друга моего, Стаську, ранило, отправили в госпиталь, а матери не сообщили. Она его искать приехала, мыкалась по всем комендатурам, без денег, и только местные ей помогали». «Ну и что, нашла?» – спросила жена. «Нашла, да лучше бы он умер тогда. Она его домой привезла, в психушке несколько раз лечила, потом он застрелился. А вот те мужики, с которыми я под Москвой в атаку шел, если выживут, не застрелятся, а страну поднимать будут и детей растить». «Всяко может быть», – подумала Ольга, вспомнив про Любу и ее мужа. А вслух сказала: «Да, у них четко задачи стояли, а у нас поднимать нечего. Если бы они увидели, что с их страной сделали их правнуки, может, многим тоже бы жить не захотелось». «Они думали, что все, кто родится после войны, будут по определению счастливые люди, ведь после таких бедствий, мир должен был быть добрее. Он и стал добрее, но

только человеку на пользу это не пошло. Вот теперь можно убить родную мать, изнасиловать ребенка, а тебе за это почти ничего не будет, посидишь немного, да выйдешь условно-досрочно», – горько констатировал Павел. «Слушай, ведь если сейчас, не дай Бог, случится такая война, никто добровольно не пойдет, а при тиране Сталине шли», – размышляла вслух Ольга. «Ну, во-первых, вера была, ты вспомни свое пионерское детство», – сказал Паша. Ольга вспомнила, как в школе им рассказывали про пионеров – героев. Как к ним в класс приходили фронтовики, увешанные орденами и медалями, и рассказывали иногда страшные, но чаще смешные случаи из своей военной жизни. Как сама она хотела быть похожа на партизанку Лизу Чайкину, и героически погибнуть, крикнув в последнюю минуту что-нибудь вроде: «Русские не сдаются!». И теперь, уже во второй половине жизни, она не стыдилась этого детского наивного восприятия войны, и может быть, благодаря этому, она оказывалась в предельных ситуациях своего теперешнего существования. Может быть, она и подозревала, что где-то история подкорректирована тогдашними идеологами, но она лично знала людей, переживших войну, она помнила их рассказы, которые были рассказами об их обыденной жизни, и им совсем ни к чему было врать в разговорах между собой. Ведь все знали правду жестокую и тяжелую, но и героическую и победную. И вот теперь, когда по телевизору, и в учебниках пытаются извратить историю, она с еще большим жаром про-

должала верить в подвиг своего народа, и ей казалось, что если бы она утратила эту веру, душа ее стала бы жалкой и уязвимой. «И потом, попробовал бы кто-нибудь не пойти, – продолжал рассуждать Паша, – люди бы презирать стали». Ольга подумала о своем прадеде Дмитрие Кирилловиче. Когда началась война, ему было около сорока, наверное, он не рвался в бой, дома было трое сыновей и дочка. Но как бы он стал смотреть в глаза своим детям и оставшимся в селе бабам, чьи мужья ушли на фронт? И он ушел вместе со всеми, и погиб, защищая Ленинград, умер от ран в 455 медсанбате в деревне Кузино Чудовского района. Ольга теперь хорошо знала, что это такое. А бабушкин брат Алешенька, красавец и изобретатель, любимец всей деревни, был призван на срочную службу в мае 1941 и погиб уже в июле где-то под Славинском, который теперь другая страна... Дед с бабушкой так и не нашли его могилы, хотя искали много лет. «Теперь такой войны уже не будет, – сказал Паша. – Ведь если бы случилась новая Великая Отечественная, многие люди выбрались бы из зоны комфорта, в которую нас усиленно погружают, чтобы мы не думали, не принимали решений, не работали, в конце концов. А это для сильных мира сего опасно, гораздо опасней самой войны. Ведь стадом, которое всего боится легко управлять. Ты посмотри на наших детей, они собак боятся, сквозняков боятся, да проще сказать чего они не боятся, гаджетов, наверное. Вот теперь нам болячки всякие изобретают, от их пропаганды даже взрослые умные

люди в панику впадают. Мне, кажется, мы бы Ленинград на второй день сдали, с таким самосознанием, ведь блокада – это так не комфортно и опасно». «Трудно сказать, – откликнулась Ольга, – ты помнишь парад на 9 мая в пятнадцатом году?»

Они вспомнили, как решили участвовать в шествии Бессмертного полка. Накануне было тепло, а встав утром, они увидели, что на улице идет снег с дождем, как в таких условиях будет проходить парад, было непонятно. Но не идти было нельзя, как-то стыдно перед теми, чьи портреты они собирались нести, и перед всеми другими, пережившими войну, и честно выполнившими свой долг. И они пошли на городскую площадь. Программа праздника была обширна, все-таки праздновали юбилейную дату. Дети в легких костюмчиках танцевали, читали стихи. Матери стояли рядом, держа наготове теплую одежду и термосы с горячим чаем. И когда чья-то заполошная мамаша запричитала на предмет того, что же это делается, и что бедные деточки теперь все болеют, другие женщины сурово одернули ее. Это было первое потрясение, испытанное Ольгой и Павлом в тот день. А потом начался парад. Под дождем лихо промаршировала дивизия, а потом шли отряды старшеклассников. Одеты были кто в чем, строй держали кое-как. Понятно, погодные условия не располагали к торжественным маршам. И вдруг из гущи очередного, готовящегося к выходу на площадь отряда прозвучал резкий мальчишеский голос: «Мужики, как

договорились!». Парни сбросили свои куртежки, и, оставшись в белоснежных рубашках, пошли, четко печатая шаг. У всех присутствующих подкатил комок к горлу от гордости и восхищения. Оркестр оборвал бравурный марш и заиграл «Прощание Славянки», военные в толпе отдавали мальчишкам честь, и самые красивые девочки школы бежали за ними, неся в руках их одежду. «Пока есть такие ребята, Россия будет жить», – подумала тогда Ольга. Но что-то безумно трагическое привиделось ей в этих тонких белых силуэтах, уходящих вдаль, за струи студеного ливня. Потом пошел Бессмертный полк, народу было много, все несли портреты своих родных. Над городом поплыл поминальный звон церковного колокола, по телу побежали мурашки. Было полное ощущение единения всех, кто шел в этом строю и живых, и мертвых. Когда миновали Вечный огонь, напряжение спало, кто-то пустил по рядам фляжку с водкой, и это не было аморально. Сделав глоток, люди расслаблялись. Молодой человек в очках, шедший рядом с Павлом затянул «Катюшу», не попадая в ноты, и путая слова. Ольга подхватила, вскоре над колонной уже мощно звучала знакомая с детства, до боли родная песня. Настроение было такое, что если бы на пути колонны стоял мэр и раздавал всем лопаты, то люди могли бы построить если не ДнепрогЭС, то, во всяком случае, отремонтировать какую-нибудь дорогу. Но мэр не стоял, вся энергия, как всегда, ушла в ничего не значащие слова на митинге. Со временем эмоции улеглись, на следующий год,

шествие превратилось в казенное мероприятие, возглавляемое местными чиновниками, и Ольга с Павлом перестали выходить на улицу 9 Мая. Они нашли памятник Сталину в затерянном в Уральских горах поселке, и стали ездить туда с друзьями. Они не поклонялись Вождю, они поклонялись тем, кто шел в бой с его именем на устах, потому что другого имени не было. Они поклонялись тем, кто погиб под Сталинградом, ибо город переименовать можно, но Битву нельзя. Они поклонялись логике послевоенного восстановления и созидания, и это хоть как-то удерживало их от отчаяния и безысходности последних лет.

«Паш, а ты понимаешь, для чего мы на войну попали?» – задала Ольга мучавший ее вопрос. «Все другие наши «прыжки» показывали нам нашу неправоту в каких-то важных моментах. А сейчас что? Что мы должны осознать? Отказаться от своих идеалистических представлений о Войне, перестать отмечать День Победы? Сказать, что наши предки погибли зря? Да не будет этого. Никогда». «Может быть, нас так готовят к нашей предстоящей Битве, мы же не знаем, что там будет. А вдруг струсим. Может, проверяют...». Так они проговорили всю ночь, пока на рассвете поезд не привез их в родной город.

Глава 8

Несмотря на постоянное ожидание каких-то потрясений, жизнь Ольги и Павла шла в обычном ритме. Иногда им, казалось, что все необычное, что более или менее регулярно происходит с ними – это сны. Они уже перестали бояться, так бывает, когда в семье кто-то смертельно болен, и все знают, что роковой момент близко, но все продолжают жить, ходить на работу, воспитывать детей, иногда даже развлекаться. Они выработали для себя закон: «Прыжки прыжками, а жизнь жизнью». Неделя в Казани, конечно, потрясла их, но не заставила отказаться от привычного быта. Отпуск продолжался. Они много ездили в горы, иногда попадали в совсем глухие места, но в этот день они решили прогуляться, не уходя далеко от дома. Вооружившись корзинками, и свистнув Беню, они направились в ближайший лес, где даже Ольга, страдающая топографическим кретинизмом в сильной степени, не могла заблудиться. Под ногами шуршала листва, тихо опадающая с берез, в свете восходящего солнца сияли утренним инеем багровые кусты шиповника, воздух остро пах землей и грибами. Собака радостно нарезала круги вокруг Павла, а Ольга слегка отстав, обняла свою любимую березу. Она всегда здоровалась с этим деревом, как с живым существом, ей казалось, что здесь живут добрые духи, которые никогда не допустят, чтобы в этом лесу с нею случилось

что-нибудь плохое. Дойдя до небольшого болотца, заросшего крапивой и папоротником, грибники остановились, а собака резво ринулась вперед. Вдруг в метре от нее вскочили две косули и бросились бежать. Беня остолбенела от неожиданности, но вовремя вспомнив, что в ней течет и охотничья кровь, бросилась в погоню. Хозяева невольно залюбовались прекрасными животными, но собака в пылу азарта удалялась все дальше, не реагируя на их команды и окрики. Паша бросился за ней, и вскоре все исчезли за небольшим холмом. Ольга побрела за ними, надеясь, что вскоре они вернуться, но обойдя пригорок, никого не обнаружила, и лес уже не казался таким знакомым. Она вернулась на то место, с которого, как ей казалось, она ушла, и двинулась по знакомой ей дороге, но что-то в пространстве было не так. Ольга покричала, позвала Пашу и Беню, но никто не откликнулся. Было понятно, что она опять «вляпалась в историю». Страх не было, женщина медленно брела, узнавая места, которые по ее подсчетам должны были находиться километрах в десяти от их дачи.

И действительно, минут через двадцать она вышла к озеру, где часто бывала в детстве с бабушкой и дедушкой. Обычно они приезжали на выходные, ставили палатку, дед на резиновой лодке уплывал рыбачить, а они с братом и бабушкой загорали, купались, собирали грибы и ягоды. В те годы место это было малоизвестно, да и счастливые обладатели машин берегли их, и не стремились разъезжать по лесному

бездорожью, поэтому отдых проходил всегда спокойно, пока не случилось приключение, заставившее их на несколько лет забыть дорогу сюда. На рассвете дед, как всегда, уплыл на середину озера, а бабушка разожгла костер и стала готовить завтрак. Оля с братом проснулись поздно, вылезли из палатки, надо было идти умываться, но идти не хотелось, утренняя сырость неприятно пробиралась сквозь влажную одежду, кеды промокли от росы. Дети уселись возле костра, в надежде, что сначала позавтракают, а уж потом, перейдут к водным процедурам. Но бабушка выдала им мыло и зубные щетки, они поднялись, чтобы идти, и тут Леня сказал с придыханием: «Смотрите, какая кошка!». Оля и Галина Петровна оглянулись и увидели возле камышей довольно большую кошку, песочного цвета с кисточками на ушах. Дети, было, ринулись к озеру, чтобы поймать ее, но бабушка твердо сказала: «Это дикая камышовая кошечка, не пугайте ее, лучше полезайте в машину и смотрите оттуда». Она редко разговаривала с ними таким тоном, поэтому они послушно прилипли к окнам машины, пытаясь разглядеть зверька, который и не думал уходить. Бабушка отошла подальше от него, и что было мочи, крикнула мужу: «Леня!» Кричать в лесу в их семье считалось моветоном. Дед всегда говорил, что в лесу они – гости и не надо понапрасну тревожить хозяев, поэтому минут через пять он уже был на берегу. В это время Галина Петровна умудрилась запихать в багажник палатку вместе с колышками и спальниками, зату-

шила костер из канистры, рачительно спасла кашу, которую варила, установив котелок на заднее сидение. Дед выскочил на берег, кошка метнулась в камыши, он не успел ее разглядеть, и тут из-за кустов, где еще недавно стояла их палатка, вышла взрослая рысь. Леонид Дмитриевич пихнул лодку в заросли крапивы, завел машину, и они быстро эвакуировались. Потом они всю неделю обсуждали это происшествие, дети возмущались, что бабушка заперла их в машине, как несознательных, но дед действия супруги одобрял. На неделе он, взяв ружье, съездил на то место, привез лодку и остатки хозяйственного скарба, зверей он там не увидел, но отдыхать на этом озере перестали, от греха подальше. И только через несколько лет подросшие Ленька и Оля, стали приходить сюда самостоятельно. Вернее, младший брат приводил сюда сестру, в отличие от нее он хорошо ориентировался в лесу.

Брат... Вечная ее боль. Они были такие одинаковые. Одинаково гордые, одинаково сильные и одинаково закомплексованные. Они не прощали друг другу ничего, ни действия, ни бездействия, ни слов, ни даже интонаций. Вот уже лет тридцать они виделись только по большим праздникам да на похоронах близких. В иные моменты жизни Ольге безумно хотелось со всех ног кинуться к брату, прижать его к груди, сказать: «Мы с тобой одной крови, ты и я!» И пару раз она пыталась это сделать, но дверь ей открывала его жена. Чужая женщина с глазами их матери, с манерами их матери,

с претензиями их матери. И под этим взглядом чужих-родных глаз, оглушенная фальшивыми улыбками и приветствиями, она ничего не могла сказать суровому мужчине, который был ее маленьким братишкой, с которым они дрались, бродили по лесам, спасали бездомных собак. То же, наверное, чувствовал и он, ведь они, действительно, были одной крови. Ольга подошла к песчаному пляжу, села, стала чертить на песке замысловатые узоры. «Почему, – думала она, – мы живем как волки – одиночки. Совсем не можем быть в стае, помогать друг другу. Что это? Ревность?» Ей всегда казалось, что мама любит брата больше, да, наверное, так и было. Она вспомнила, как ей шестилетней сообщили, что у нее скоро родится братик или сестренка. Она не обрадовалась, совсем не обрадовалась. И когда он появился, жизнь ее стала намного тяжелее. Все требовали от нее умиления и любви к этому вечно орущему существу, а она чувствовала, что не оправдывает их надежд. Видимо, надежд, в глазах окружающих, не оправдывал и их отец, он стал выпивать, мама злилась, Оля все чаще оставалась с дедом и бабушкой. Долгие годы, уже повзрослев, она мысленно вела нелicenseприятный разговор с родителями, о том, почему они не стали нормальной семьей, почему папа, не говорил ей, что она умница и красавица, а мама так и вовсе говорила противоположное. Почему много лет она потратила на изживание из себя сознания собственной неполноценности и ненужности, почему, ей, почти отличнице в школе, вдалбливалось сознание

того, что она ничего не может и не умеет, и ничего не достигнет. «А чего ты достигла?» – задала себе вопрос Ольга. И сама себе отвечала: «Хотя бы прекратила эти изматывающие дебаты». Уже через много лет после страшной болезни и смерти мамы, после смерти отца, о которой она узнала случайно, она спросила себя: «Кто я такая, чтобы судить? И кого судить? Совсем молодых людей, которые получили небольшую дозу свободы от общественного мнения, не знали, как с этим жить и потеряли голову?» Нет, она давно уже перестала играть в эти игры. Сейчас она сидела на теплом песке и вспоминала только хорошее. Как они с отцом ходили на Сугомак, а чтобы идти было легче, пели революционные песни. Как в восьмом классе мама купила ей туфли на настоящих каблучках, и какой звездой школы она тогда себя ощутила. Как домой можно было привести и ватагу друзей, и большую кошку. Разве только этого недостаточно, чтобы любить их? И сейчас она их любила, любила по-настоящему, не потому что так положено, а потому что они были хорошие люди. Светлые слезы катились по ее щекам. «Мам, пап, я вас люблю», – тихо шептала она. Ольга уже поднялась на ноги, чтобы попытаться выйти на автомобильную трассу, и тут увидела мужчину с мальчиком лет девяти, приближавшихся к ней. Мужчина поздоровался, сказал какую-то дежурную фразу насчет хорошей погоды, располагающей к прогулкам, посмотрел на полупустую корзинку и протянул Ольге шикарный подосиновик. Ольга поблагодарила. Было в этой парочке что-то до

боли знакомое. Она всмотрелась в веснушчатое лицо мальчишки, в его поразительно синие глаза, и вдруг поняла, что это – Сашка. Сашка Ястребов, с которым они несколько лет просидели за одной партой, а мужчина – его отец Анатолий Борисович. Они жили в одном дворе, и вот эта семья всегда казалась Ольге идеальной. Анатолий Борисович часто ездил по работе в Германию, естественно, у сына всегда были лучшие игрушки и лучшая одежда. Он никогда не играл с ними во дворе, был исключительно начитан, воспитан и высокомерен. Но ни Саши, ни Анатолия Борисовича уже давно не было среди живых. Ольга посмотрела на удаляющихся вдоль берега путников. «Сашка, Саша!» – закричала она, но они уже исчезли за поворотом. «Вот, значит, зачем меня сюда принесло», – подумала женщина, вертя в руках гриб. Честно говоря, она рассчитывала на какой-нибудь кристалл горного хрусталя или хоть кусок змеевика, но понятно было, что подарок, именно гриб. Вот что с ним делать было совсем неясно. «Ладно, – подумала она, – заморожу, а там разберемся». Она пошла вслед за призраками, хотя в этом мире они, возможно, вполне живые люди. У нее не было ни тревоги, ни страха, это была какая-то удивительно доброжелательная реальность. Завернув за поворот, где исчезли Саша и Анатолий Борисович, Ольга наткнулась на речку Багоянку, которую она так хотела показать Паше, но не могла найти в силу своего неумения ориентироваться в лесу. Она села на мостик, сложенный из толстых бревен, сняла кроссовки

и опустила ноги в студеную воду, и тут же выдернула их как из кипятка, все-таки на дворе стоял сентябрь. Ни о чем не думая, Ольга слушала веселый шум воды, на душе было спокойно, уходить не хотелось. Вдруг в зарослях кустов раздался треск, женщина вскочила, но к речке подошла косуля. Не обращая внимания на Ольгу, она стала пить, потом посмотрела ей в глаза и грациозно мотнула головой, как будто приглашая следовать за ней. Ольга поняла, что это ее проводник. Они медленно побежали вдоль реки, минут через двадцать косуля перепрыгнула поток, женщине пришлось идти вброд. Пробежав еще немного, они оказались у глубокого оврага. Ольга помнила его, он был рядом с дорогой, ведущей домой. Косуля спустилась в него и исчезла в зарослях ивняка. Женщин сначала хотела его обойти, как делала это всегда, но потом решила, четко следовать за проводником, и не ошиблась. С трудом взобравшись по крутому склону, она поняла, что вернулась. За время своих необычных путешествий они с Пашей научились безошибочно определять родную реальность, это были незаметные, едва различимые нюансы, что-то неуловимое в воздухе, в освещении, в звуках. Ольга пошла по дороге, которая проходила через маленькую турбазу. Ее окликнул Никитич, сторож, а может и хозяин, нескольких фанерных домиков: «Твои-то уже давно прошли. Заблудилась что ли?» «Ну да», – ответила женщина, с облегчением подумав, что муж и собака уже дома. Никитич бесцеремонно заглянул в ее корзинку. «Однако немного набра-

ла, – констатировал он, – а ты бы мне их отдала. Я тут тоже столько же насобирал, ни туда, ни сюда, а так на жареху хватит». Ольга с сомнением поглядела на мужика, решая как поступить. Тот, как будто невзначай, закатал рукав застиранной тельняшки, на задубелой, почти черной от солнца и грязи коже красовалась изумительно тонкой работы татуировка ангела. Ольга с облегчением протянула ему корзинку. «Вот и ладно, вот и хорошо», – подмигнул ей Никитич, извлекая заветный гриб. С легким сердцем она пошла дальше. Дома ее ждал встревоженный Паша, уставшая Бенья, едва вильнула хвостом и снова «отрубилась». Ольга рассказала о своем приключении, в целом нестрашном, и даже приятном. «А может мы просто начинаем привыкать», – подумала она, засыпая под мелодичное урчание Тимофея.

Глава 9

Выпал снег. Паша гнал машину по слякотной трассе в Челябинск. Вот уже на горизонте показались дымящие трубы еще сохранившихся заводов. Он любил этот город, он здесь родился и жил до тринадцати лет. Почему-то во всей стране Челябинск, с чьей-то легкой руки, считался суровым, но сами его жители так не думают. Может быть, по сравнению с Москвой и Питером, где сконцентрировался весь офисный планктон, щедро сдобренный безумной богемой, здесь люди больше работают и меньше зарабатывают, но от этого они не делались ни более злыми, ни более угрюмыми. Почему-то при слове «Челябинск» представлялось нечто серое, кондовое и даже опасное, и все это было, как, впрочем, в любом российском мегаполисе. Но город был богат и театрами, и университетами, и художественными галереями. Паша часто привозил сюда жену, и они с удовольствием гуляли по пешеходной Кировке, заходили в небольшие магазинчики, сидели в кафешках, но сегодня он ехал по делам, нужно было переговорить с поставщиками, чтобы его маленький бизнес не загнулся окончательно и бесповоротно. Как всегда в большом городе, припарковаться было негде, он оставил машину в двух кварталах от нужного ему здания и пошел решать свои проблемы. Переговоры прошли ни шатко, ни валко, общая гнетущая атмосфера в стране действовала и на его многолетних

партнеров. Ни о чем, толком не договорившись, а получив только заверения в вечной преданности и дружбе, Паша брел к машине через центральную площадь Революции. Он гордился русской провинцией, которая ни тридцать лет назад, ни позже не пошла на поводу у столиц, и не стала переименовывать свои улицы и площади, названные в честь героев Революции и Гражданской войны. Вот и Ильич стоит на своем месте и указывает путь в светлое будущее. «Кто знает, может, через год-два мы снова вернемся к коммунистической идеологии и начнем строить социализм заново, а памятники уже есть. Да и глупое и неблагодарное это дело – переписывать историю», – думал он. Размышления его прервал резкий визг тормозов. Паша посмотрел на проезжую часть. По дороге со страшной скоростью неслась синяя «Ауди». «Странно, никогда не видел, чтобы из-под колес машины сыпались искры», – удивился он. Словно в замедленной съемке Паша смотрел, как в лоб «Ауди» врзается «шестерка», через лобовое стекло вылетает окровавленный мужик и падает на мостовую, засыпанную мелкими осколками. Все это происходило в оглушительной тишине, и кажется, длилось долго, минут пять, но на самом деле это заняло какие-то доли секунды. Потом кто-то включает звук, толпа зевак с Кировки несется посмотреть на происшествие, женщины визжат. Паша круто разворачивается, и идет в обратном направлении. Ноги сами несут его подальше от аварии, он все ускоряет и ускоряет шаг, идет долго, и вдруг обнаруживает себя во дво-

ре своего детства.

Он сел на лавку, которая стояла тут с незапамятных времен, и закурил. Дома сталинской постройки с большими окнами, рядом огромный, местами разрушающийся Дворец культуры, а вот его школа. В этом дворе они играли в казаки-разбойники, в прятки, а какие хулиганства творились здесь! Однажды они с его дружкой Димкой Старостиным изладили бумажную бомбочку, и вместо того, чтобы, как обычно, налить в нее воды, заполнили ее киселем, который давали на обед в школьной столовой. Они хотели бросить ее под ноги какой-нибудь девчонке из их класса, а получилось, что снаряд упал, аккурат, на шикарный воротник из черной буйры лисы их директрисы. Ох, и попало им потом. А сколько раз их, по доносам бдительных пенсионерок, вылавливали на чердаке, то с сигаретами, то с поджигами, то с самодельными ножами. Паша посмотрел на окна своей бывшей квартиры. Похоже, сейчас там жили небогатые, и уж точно не очень чистоплотные люди. Стекла не мылись, наверное, годами, штор не было, вместо люстры болталась голая лампочка. Паша вздохнул. К подъезду подходил грузный мужик, в растянutom свитере, разодранных кроссовках, с пакетом, из которого торчало несколько бутылок пива. Шапка – петушок, модная в восьмидесятых годах прошлого века, дополняла картину. Паша вспомнил, что у него была когда-то такая же. Присмотревшись к мужику, он похолодел. Это снова был он сам. Мужик прошел мимо него, шаркая ногами,

и вскоре замаячил в окне. Тут же на арене появилась высокая тощая тетка с искаженным лицом, по-видимому, она орала на мужа, так, что в окнах дрожали стекла. Паша увидел, как через комнату метнулся силуэт девочки-подростка. Через минуту она уже сидела рядом с ним на скамейке и хлопала себя по карманам курточки «на рыбьем меху». Девчонка достала сигарету, и не найдя зажигалки, сматерилась так, что даже у бывшего мужика, уши, что называется, завернулись в трубочку.

– Ну, ты, мать, даешь! Слов не много, но какие комбинации! – изрек он. Девочка презрительно скривила губы, не глядя на Пашу.

– Огонь есть? – спросила она.

Мужчина хотел сказать, что детям курить нельзя, да и взрослым вредно, но понял, что не в том он районе находится, чтобы изрекать подобные сентенции. Вздохнув, он протянул ей зажигалку, девочка, как-то странно мотнула головой и с трудом попала сигаретой в пламя. Курила она, не затягиваясь, просто набирала в рот дыма и выпускала его. «Воображает, – подумал Павел, – взрослой хочет казаться!» А вслух сказал:

– Правильно, не затягивайся, здоровее будешь.

– Да я вообще не курю, – отозвалась девчонка, – сейчас у меня просто зуб болит.

– Звать – то тебя как? – спросил мужчина.

– В миру Софьей, – отозвалась пацанка.

– А по правде?

– А по правде – Якудза.

– Ничего себе погоняло!

Девочка продолжала смотреть куда-то в пространство, мимо Паши, своими раскосыми зелеными глазами.

– А к стоматологу не пробовала? – спросил он.

– Ты че, дурак? Туда денег миллион надо!

– А с глазами что? – поинтересовался мужчина.

– Что, что... Не вижу, вот что!

– Совсем?

– Так, силуэты.

– Давно?

– Года два. Папахен об стенку замочил. Так теперь живу.

Паша в ужасе замолчал. Как могло случиться, чтобы он, ну или его проекция, или кто он там... избил ребенка, девочку, свою дочь? Но вспомнив ту белую ярость, которая иногда заливала его мозг и застилала глаза, он подумал, что в такие минуты сдерживал себя только громадным усилием воли. А тут воля, видимо, уже была пропита. Софья поднявшись, сказала: «Ладно, бывай. Не сиди тут. Чужих здесь не любят». Она уверенно пошла к ДК, странной кошачьей походкой, как будто ощупывала землю, прежде чем поставить ногу. Паша двинулся за ней, соблюдая дистанцию. Она шла к большой каменной беседке, которую венчала тетка с веслом. Весло уже отвалилось, но мощный торс спортсменки продолжал доминировать над пространством. Паша знал, что в

беседке ступеньки спускаются амфитеатром вниз, там всегда собиралась местная шпана. И он знал, что, если подняться на парапет, окружающий монументальное здание дворца, то под защитой гипсовой скульптуры можно безопасно наблюдать за происходящим в беседке, что он и хотел сейчас сделать. Он чувствовал, что Софья ему небезразлична, поэтому залез на парапет и увидел сверху, как девочка подходит к компании парней ее возраста, развалившихся на мраморных ступенях вокруг костерка. С ними тусовалась еще и худющая серая собака. «Ба, да это ж Беня!» – удивился Паша.

– О, Якудза притащилась, – констатировал один из мальчишек.

Соня, усевшись на верхнюю ступеньку, спросила:

– Пожрать есть?

– Откуда? – отозвался самый длинный белобрысый пацан.

Девочка пошарила по карманам и вытащила две купюры.

– Мрачный, сгоняешь? – обратилась она к толстому увальню, сидевшему ближе всех.

– А то. Пивасика взять? – заулыбался, неизвестно почему названный Мрачным, парень.

– Ну, если только на вечер, – сказала Софья.

Мальчишка взял деньги и резво понесся к ближайшему гастроному. Через несколько минут он вернулся с пивом и пакетом беляшей, противно пахнущих прогорклым маслом. Вся компания, включая собаку, с жадностью набросилась на еду. Поев, все затихли. Кто-то играл с Гердой, так здесь зва-

ли Беню, кто-то лениво перебрасывался ничего не значащими фразами. Софья все так же сидела на верхней ступеньке, уставившись в пространство. «Ничего себе общение, – подумал Паша, – мы все гаджеты ругаем, а здесь вообще ничего не происходит. Просто сидят вместе, молчат. Странно!» Вдруг он заметил молодого человека, лет двадцати пяти, приближавшегося к беседке. Парень был явно не из здешних. Одет хорошо, да и держался уверенно, по хозяйски. Он подошел к Софье и сказал «Ну пойдем что ли, Якудза». У Павла от гнева задрожали поджилки. «Вот оно что. Софья – юная проститутка, вот откуда у нее деньги!» Паша бросился за парочкой, удаляющейся в коридоры ДК. Они зашли в то крыло огромного здания, где раньше располагался спортзал. Здесь Пашка получал первые уроки бокса. Сейчас он внутренне готовился отработать пару хуков, на физиономии молодого пижона. Но Соня зашла в раздевалку, с большой буквой Ж на дверях, парень удалился в соседний кабинет и вышел оттуда с бутылкой воды и полотенцем. Вскоре появилась девочка в майке и боксерских бриджах. Была она чрезвычайно худа и жилиста, кое-где на руках и ногах чернели синяки и ссадины. Они пошли по направлению к спортзалу, Павел незаметно крался за ними. Чем ближе они подходили, тем больше народу им попадалось. В основном это были хорошо одетые мужчины, но встречались и ребята, явно с рабочих окраин, было и несколько женщин. Паша зашел в зал вместе с небольшой толпой. Люди рассаживались за

столики, расставленные вокруг ринга. Девушки в супер мини-юбках разносили желающим пиво, орехи и прочую дешевую снедь. «Бои без правил!» – догадался Паша, – но девчонка... совсем ребенок... почти слепая!». Зазвучал гонг. Сначала на ринг вышли две девушки, значительно старше Со-ни. Дрались они профессионально, Павел сразу понял это, по поставленным ударам и техничному ходу поединка. Публика реагировала вяло, видимо, еще не войдя в раж. Потом прошло еще несколько ничем не примечательных боев, били друг друга до нокаута, пока уже противника не уносили с ринга. Дрались и женщины, и мужчины. Наконец, рефе-ри объявил: «Белка против Якудзы» На ринг вышли высо-кая рыхловатая блондинка и маленькая Соня, которая, ка-залось, состояла только из костей и сухожилий. Сначала по-единок шел медленно и печально, публика свистела и кидала оскорбительные замечания в адрес девчонок. Белка замет-но активизировалась, и, прижав Соню к канатам, начала ме-тодично колотить ей под дых. У Паши глаза налились кро-вью, он готов был выскочить на ринг, чтобы защитить эту почти незнакомую ему странную девочку. Якудза терпеливо сносила избиение, но в какой-то момент изловчилась, и уда-рила ногой в коленную чашечку соперницы. Та упала, и тут Софья с какой-то звериной жестокостью стала пинать про-тивницу, пока ту, захлебывающуюся кровью, не оттащили в угол. Дальше против Якудзы последовательно выходили еще три победительницы предыдущих боев. Все они были стар-

ше и крупнее девчонки, но она, используя одну и ту же тактику, сначала давала себя избить, а потом каким – то неожиданным приемом валила противника с ног и забивала его ногами до полусмерти. Но главное было не в самом бое, а в какой-то сильнейшей энергетике зла, которая повисла над рингом. Зрители безумствовали, некоторые падали в обморок. Павел не знал, как к этому относиться. С одной стороны он был горд за девочку (хотя какое он имел к ней отношение?), с другой понимал, что она – воплощение абсолютного зла. Наконец против Якудзы вышел Вепрь – победитель среди мужчин. Это было уже за гранью, когда взрослому, накачанному мужику противостояла маленькая, худая девчонка. Здесь Якудза уже не подставляла себя под удары, понимала, что достаточно будет одного, чтобы упасть и не встать. Она скакала по рингу, уклоняясь от мощных кулаков, но все-таки Вепрю удалось загнать ее в угол. Ударом в голову он свалил ее на пол, но Якудза, видимо, уже теряя сознание, впилась в его толстую икру зубами. Полилась кровь, мужик взвыл и отпнул девчонку на другой угол ринга. Встать она не смогла, но когда импресарио тащил ее в раздевалку, зал, стоя рукоплескал подростку.

Павел подошел к открытым дверям тренерской, где пижон давал Соне нюхать нашатырь, та потихоньку приходила в себя. Через несколько минут она смогла сидеть на скамейке, прислонившись головой к стене. Парень отсчитал несколько крупных купюр и, передав ей, вышел из тренерской с до-

вольным видом. «Хоть бы врача позвал», – сказал ему Павел. Тот непонимающе посмотрел на него, и исчез в темных коридорах ДК. Софья медленно поплелась в раздевалку. Неизвестно зачем Павел ждал ее, стоя у окна. Но только девочка вышла, к ней подлетел пацан, лет девяти и заорал:

– Якудза, Герду убивать повели!

– Куда?

– В гаражи.

– Кто?

– Беляевы.

Павел видел, как выпрямилась спина девочки, как она внутренне собралась, и они с мальчишкой побежали к выходу. Мужчина двинулся за ними, думая: «Сколько же в ней сил? После таких боев еще и кросс сдавать». Гаражи, как помнил Паша, были метрах в пятистах от ДК, пробежав половину расстояния, они услышали выстрел и дикий собачий визг. Через минуту они были на месте убийства. Толстая рыжая тетка держала на веревке раненую собаку, а лысый мужик с красным слюнявым ртом перезаряжал ружье, чтобы закончить начатое. Якудза, не задумываясь, налетела на него. Мужик выстрелил, Соня упала, из раны чуть ниже ключицы просочилась кровь. Паша бросился на опешившего стрелка, выхватил у него винтовку и ударил о кирпичный угол гаража, ствол загнулся. В конце ряда, он увидел бегущего к ним высокого парня, видимо, лидера тусовки, которую он наблюдал днем в беседке. Тетка бросила веревку, юркну-

ла в гараж и закрылась на защелку. Мужик, видя, что ряды противника увеличиваются, пустился наутек. Парень и Паша смотрели друг на друга. «Надо скорую вызывать!» – крикнул мужчина. «Надо к Хельге нести, скорые сюда не ездят», – сказал парень, наклоняясь над Софьей. «Дай я», – Паша взял на руки безжизненное тело девочки. Парень поднял собаку, и они пошагали к ближайшим домам. «Хельга это кто?» – спросил Павел. «Знахарка местная, помогает нам», – ответил юноша. Паша покачал головой, но понял, что спорить бессмысленно, ближайший травмпункт, находился, как он помнил, в другом районе.

Они зашли в обшарпанный подъезд, квартира находилась между первым и вторым этажом. Парень забарабанил в дверь ногой. Открыли без вопроса: «Кто там?». На пороге стояла Ольга. У Паши отлегло от сердца: «Киссон!» – прошептал он. Но женщина не обратила на него никакого внимания. Проведя руками над телами девочки и собаки, она командовала: «Собаку на стол, девчонку на кушетку». Она указала Павлу на светящуюся мягким светом комнату. У стены стояла застеленная дешевым покрывалом скамейка, куда он и положил Соню. Из обстановки здесь были только книги расставленные на некрашеных полках. В нише, наверное, стояла кровать, но она была завешена шелковым пологом, ночники, расставленные по углам, были накрыты цветастыми платками. Несмотря на аскетичную обстановку Паша почувствовал невыразимый уют, может быть, потому, что впер-

вые за этот длинный день, он оказался в тепле. Из кухни раздался резкий окрик Ольги или Хельги, как ее здесь называли: «Эй, иди сюда, помогать будешь!» Он зашел в ярко освещенное помещение, над столом, обитым нержавеющей горел мощный светильник, на полках стояли бутылки, банки, колбы, заполненные разными снадобьями. На столе лежала едва дышащая Герда. «Может лучше сначала девочку?» – робко поинтересовался Паша. «Девчонка сдюжит, собаке гораздо хуже», – ответила знахарка. «Влад, – обратилась она к парню, – из этой банки четыре ложки порошка возьмешь и зальешь кипятком, когда чайник вскипит», – она поставила перед ним стеклянную емкость с сушеной травой. «А ты иди сюда, держи за лапы, она сейчас дергаться будет», – приказала Хельга Паше. Она взяла уже приготовленный шприц и воткнула под шкуру Герде, собаку как будто свело судорогой, но уже через несколько секунд она расслабилась, глаза закатились, из пасти потекла слюна. «Сколько было выстрелов?» – спросила женщина. «Я слышал один», – ответил Паша. Хельга кивнула, промыв рану в боку Герды, она ловко поковыряла в ней пинцетом и вытащила пулю. Наложив повязку, остро пахнущую какой-то травой и смолой, она взялась за край простыни, на которой лежало животное, Павел взялся за другой, и они осторожно положили ее на пол возле батареи. «Эх, надо бы капельницу поставить, да вчера последнюю извела!» – вздохнула Хельга. «Влад, размешай в стакане сахар, ложки три-четыре, добавь туда вот это, – она

протянула ему маленькую ампулу, – и пои ее из шприца потихоньку». «Неси Соню», – обратилась она к Павлу. Когда девочку уложили на стол, Хельга начала ощупывать ее тело сантиметр за сантиметром. Софья была в сознании, но не издавала ни звука, сжав зубы. «Опять дралась», – констатировала Хельга. «Рана не опасна, но вот два ребра сломано, и сотряс не слабый». Она дала девочке отвар, приготовленный Владом. Глаза Сони начали смыкаться, уже в полусне она сдернула с руки один из своих многочисленных браслетов и отдала Паше, прошептав: «Тебе одному». Тело ее расслабилось, черты лица разгладились, и Павел увидел какая она красивая. Влад тоже смотрел, на нее, не отрываясь. «Любовь, однако», – подумал про себя мужчина. В это время Хельга орудовала пинцетом, мазями и бинтами. Закончив процедуры, она сказала:

– Влад, вот тебе деньги, купишь завтра курицу и большую бутылку кефира. И пришли кого-нибудь потолковей, и кто, Герду любит. Много грязной работы с ней будет, чтобы не брезговал.

– Сам приду, – отозвался парень.

– Ну, приходи, попытаемся выходить собаченцию.

– А Соня как же? – спросил он. И по нежности, которая прозвучала в его вопросе, и потому что он назвал девочку Соней, а не Якудзой, Паша понял, что не ошибся, предположив, что парень влюблен.

– Она у меня переночует. Ей надо хотя бы недели две по-

лежать. Да разве заставишь, – задумчиво произнесла Хельга.

– Надо бы ее родителям сообщить, – встрял в разговор Павел.

– Кому там сообщать? После семи вечера оба в слюни, – отозвался с порога Влад.

Парень ушел, Соня и собака спали, Хельга устало поставила на плиту чайник, предложила Паше сесть.

– А ты кто ей? Родственник? – спросила она.

– Ага, дядя, – соврал Павел.

Хельга поводила рукой перед его лицом.

– Не здешний ты, дядя. А был бы здешний, я б с тобой разговаривать не стала. До чего ж девчонку довели. Стыд и позор. Я ведь отца ее с детства знаю. Нормальный был пацан, хулиганистый и драчливый, но здесь все такие. В девятые заделался бандитом. Куда с добром! Малиновый пиджак, цепь золотая, мерседес. На Ирке женился, а была она, между прочим, мисс Южный Урал. Ну а потом все наперекосяк пошло. В услугах его надобность отпала, бизнес провалился, Ирка стала изменять, он попивать. Потом уж вместе пить стали. До Сони дела никому нет. А она, сколько ее помню, ни разу не плакала и не жаловалась. Обозлилась, и силу из зла своего черпает, но душа чистая, не подлая.

Она разлила чай по маленьким фарфоровым чашкам и продолжала:

– Если б мне ее до весны дотянуть, взяла бы с собой в леса, там бы она отмякла, ожила. Глядишь, и зрение бы вернулось.

– Слушай, а эти сволочи, что Герду хотели убить, не навредят вам?

– Побоятся. Они водку подпольно банчат, если вякнут, скажу, что донесу на них, а еще лучше, прокляну.

– А ты можешь?

Хельга хитро улыбнулась:

– Напугать могу сильно, – сказала она.

– А где ты в лесу живешь? – спросил мужчина.

– Да есть километрах в ста отсюда маленькое озеро Теренкуль, там у меня хижина. А хожу везде и на Слюдорудник, и на Киалим, иногда на Аркаим езжу.

Паша не стал говорить, что с Теренкулем у него много чего связано, а спросил почему-то:

– Ты вот в лесу, можно сказать, живешь, а Хозяйку видела когда-нибудь?

– Видела, – ответила знахарка, – один раз мне до зарезу трава была нужна, близкий человек умирал. Я все исходила, ну нет и все. Я уже отчаялась, сижу на поляне, реву, вдруг смотрю, женщина в вечернем платье идет. Нормальная такая женщина, только платье красивое зеленое, и на голове диадема. Расспросила меня обо всем, а я в такой тоске была, что даже не поняла, как все это странно. Она место назвала, куда идти, притом мне знакомое, была я там не один раз. Я пошла, и нашла, что искала. И только потом до меня дошло, с кем я поговорила.

– А про чудь белоглазую слышала?

– А чужь тебя сейчас и унесет, – сказала Хельга.

Глаза Павла начали смыкаться, уже сквозь сон он пробормотал:

– И собаку возьми.

– Возьму, если выживет, – ответила женщина.

Очнулся Паша у себя в машине. Чувствовал себя прекрасно, как – будто он хорошо выспался, а все произошедшее с ним – сон. Но на его запястье болталась металлическая цепочка с пластинкой, на которой было выгравировано «III группа крови». Его группа крови.

Глава 10

Павел ехал домой и думал о том, как причудливо трансформируется его судьба в разных реальностях. В одной, он – благополучный ученый, в другой – спившийся бандит, а Ольга есть и в той, и в другой, и Беня есть. И место действия ограничено Уралом, почему – то ни в Италию, ни в Африку он не попадал. Все Россия матушка, будь она неладна... Вот в мире из которого он сейчас возвращался у него есть дочь, а он, здешний хотел бы быть отцом такой девчонки? Она стала ему безумно дорога, но он понимал, что в своем мире он ни за что не допустил бы такой судьбы для Сони. А в других обстоятельствах она бы случилась совсем другой, может быть совсем неинтересной и далекой. Так рассуждая, он въехал в свой двор, поставил машину, и зашел в подворотню. Раздался выстрел. Угасающим сознанием Паша успел зацепить темный силуэт, заскочивший в подъезд. «Уйдет крышами», – подумал он и отключился. Очнулся он в приемном покое. Двое мужчин, должно быть врачи разговаривали между собой.

- Кирдык мужику. Большая кровопотеря, – говорил один.
- Так надо добавить, кровушки-то, – басил другой.
- Реактивов нет, группу не определить. Что лить-то?
- Да вон у него написано «III группа».
- А если это просто фенька? Мы зальем, а он окочурится.

Потом затаскают.

– Да нет. Такие штуки себе экстремалы и вояки делают. Зачем ему чужую группу писать. Давай, под мою ответственность. Зина, готовь операционную, – крикнул он.

В это время Ольга, не дождавшись мужа, обрывала телефоны. Сначала обзвонила друзей, потом стала доставать полицию на предмет ДТП. Но тут в дверь позвонили, пришел следователь, и рассказал, что Павла нашли в подворотне, истекающим кровью и доставили в больницу. Ольга дернулась бежать в приемный покой, но у следователя были вопросы. Кое – как отвязавшись от полицейского, она оказалась у закрытых дверей реанимации. Если охранников и медсестер она подкупила, чтобы они пустили ее в больницу, то ни один врач не стал разговаривать с ней. «Мы не боги», – только и сказал ей реаниматолог, захлопнув дверь перед носом. Всю ночь она просидела на лестнице, молясь и приказывая Паше: «Живи!!!». Утром пришла женщина-врач, посмотрела на Ольгу, молча, выдала ей халат и бахилы, и проводила к мужу. Тот лежал весь утыканный трубками, но дышал довольно ровно, и на его лице Ольга не увидела той печати предрешенности, которую она иногда видела на лицах людей, которых в скором времени настигала смерть. Она взяла мужа за руку и долго-долго мысленно разговаривала с ним. Она говорила, что не выживет без него, что все друзья молятся за него (хотя никто еще не знал о произошедшей беде), вспоминала смешные случаи из их жизни. Ей нужно было

удержать его любыми способами. Наконец, мужчина открыл глаза, и слабо улыбнулся. Врач подошла к ним: «Бог даст, выкарабкается, – сказала она, – а вы идите домой, вам силы еще понадобятся». И силы понадобились. Через несколько дней Пашу перевели в общую палату. Теперь дни Ольги длились, казалось, бесконечно. Приезжая с работы, она варила кисели и бульоны, потом неслась в больницу. Там мыла и брила мужа, перестилала ему постель, кормила. Иногда, преодолевая брезгливость, помогала другим мужикам в палате, в больнице почти не было нянечек, все приходилось делать родственникам. Удивительно, когда она вспоминала черные больничные дни, или представляла, что они могут случиться, ей было безумно страшно. Но когда они наступали, она концентрировалась, делала все необходимое совершенно без эмоций, как автомат. Она знала, что пока не вытащит Пашу, не позволит себе ни слез, ни болезней, ни страхов. Только предельная дисциплина и железный порядок в мыслях и чувствах. Постепенно муж начал поправляться, попросил принести ему ноутбук, книги по химии и геологии, которыми он стал увлекаться незадолго до покушения. Однажды, подходя к палате, Ольга услышала нестройное пение. Оказалось, что одному из Пашкиных соседей на следующий день предстояла серьезная операция, и чтобы снять гнетущую всех тревогу, муж устроил караоке. Даже лечащий врач, Олег Геннадьевич, одобрил такой нестандартный подход. Он и сам был нестандартный. Это он спас Пашу, взяв ответственность на

себя. Это он шутил и с пациентами, и с их родственниками, несмотря на глобальную усталость. И за это ему можно было простить все, и несвежий халат, и постоянный запах перегара, и мат, которым он спокойно мог обложить любого и больного, и здорового. К Павлу уже несколько раз приходили из полиции, но никакой полезной информации он не сообщил, абсолютно не доверяя людям в погонах. Ольга же выпытала у мужа, что уже года два, как ему угрожал один деятель из Екатеринбурга, обвиняя его в мошенничестве. Мошенничество же заключалось в том, что Паша познакомил этого предпринимателя с другим своим приятелем, что произошло между ними, он не знал, но через какое-то время Тихон, предъявил ему кругленькую сумму. Павел не воспринял это всерьез, потому что вины за ним не было, да и документов никаких он в глаза не видел. В первый же день после ранения мужа Ольга попыталась дозвониться до Шахова, но трубку никто не брал. Собравшись с силами, она набрала его домашний номер. К телефону подошла Настя, его жена. Ольга почему-то недолюбливала эту молодую женщину, хотя видела ее всего несколько раз на каких-то торжественных мероприятиях. Она ей казалась высокомерной и легкомысленной особой. Однако делать было нечего, ситуация складывалась страшная и надо было подключать все возможные ресурсы. Но Настя дрожащим голосом сказала, что Слава уже месяц в командировке неизвестно где, и она догадывается о том, что он жив только потому, что ей на карту поступают

его зарплатные деньги. В результате Ольге пришлось еще, и утешать девушку. Она поняла, что помощи ждать неоткуда. Через несколько дней ей на телефон позвонили, и приятный мужской голос осведомился, не хочет ли она заплатить долги своего мужа. Ольга ответила грубо, она умела это делать в совершенстве, если вынуждали обстоятельства. С этого дня начался настоящий телефонный террор. Звонили с разных аппаратов, и на домашний и на рабочий. Женщина уже была доведена до предела, когда однажды ночью раздался звонок, в трубке молчали. Почему-то она решила, что это муж и заорала диким голосом: «Пашка! Что с тобой?». И на другом конце провода ей ответил зловещий голос: «Сдох твой Паша!». Она швырнула трубку, оделась и побежала в больницу. Если бежать через парк, то было совсем недалеко. Но было темно, Ольга не догадалась прихватить фонарик и несколько раз упала, запнувшись о корни деревьев. Благополучно миновав спящих охранников и медсестер, она влетела в палату, и увидела, что муж корчится в судорогах. Она разбудила всех, прибежал полупьяный Олег Геннадьевич, сматерился, приказал везти больного в реанимацию, но на полпути, видимо, поняв, что не доехать, завернул в какую-то пустую палату и начал сам спасать Пашу. Медсестричка летала по всему этажу, принося необходимые препараты и инструменты. Ольга потеряла счет времени, казалось, это длится бесконечно. «Не запускается мотор, не запускается, – как будто про себя шептал врач, – вот какой-то минуты не хватает. Ну,

последний раз, Господи, помоги!». Он снова приложил к Пашиной груди дефибриллятор, а Ольга сорвала с шеи циферблат со стрелками и отмотала назад ровно минуту, подумала и перевела еще на полкруга. «Табаки подарил мне полторы минуты, этого должно хватить!» – думала она. И хватило, то ли молитвами и сильными руками Олега Геннадьевича, то ли даром Хранителя Времени, но сердце Павла забилося. Его увезли в реанимацию. Врач устало посмотрел на Ольгу. «Выпьешь со мной?» – спросил он. «Да», – решительно ответила она. Зайдя в ординаторскую, он достал посудину со спиртом и непочатую бутылку Хенесси.

– Что будешь? – поинтересовался он.

– Конечно, спирт, – ответила женщина.

– А, ну да, ну да, ты ж из этих ...

– Из каких?

– Из воландовских, как я понимаю.

– Неправильно понимаешь.

– Да брось, я видел, как ты часики крутила. Ты не думай.

Я здесь за двадцать лет такого насмотрелся, что ничему уже не удивляюсь.

– Часики крутила, да. А что спирт выбрала, так оттого, что нефиг на меня хороший продукт переводить. В моем состоянии без разницы что пить.

Врач хмыкнул и разлил по стаканам пойло. Они выпили, закусили засохшими конфетами. Ольга спросила:

– Можешь объяснить, что случилось?

– Тайна сия велика есть. Я ведь его уже к выписке готовил, все анализы в норме, а тут... Я думаю, это по вашей ведьминской части. А, кстати, как ты тут оказалась? – спросил врач.

Ольга честно рассказала. «Ну вот, я же говорю!» – констатировал Олег Геннадьевич, и налил по второй.

– Почему ты взял на себя ответственность и решил спасти моего мужа, даже дважды? – спросила женщина.

– Я ж клятву Гиппократу давал, – ответил врач, явно иронизируя.

– Клятву все дают, спасают не все.

– Знаешь, у меня ведь кладбище-то большое. И за каждую ошибку я должен отработать. Спаси, как минимум, двоих. А твоего спасти было можно, я это видел. Ну, давай по последней, а то завтра не встанем.

Они выпили еще по трети стакана. Ольга, наконец, почувствовала, что чудовищное напряжение этой ночи отпустило.

– Хорошая ты баба, хоть и ведьма, – пробормотал, засыпая, врач.

– Спасибо тебе, добрый человек. Пусть тебе зачтется, – ответила Ольга. Она убрала со стола бутылки, приоткрыла окно и тихо вышла из ординаторской.

Прошло несколько дней, муж быстро шел на поправку. А Ольга все думала о происшедшем. С одной стороны она была уверена, что стреляли в Пашу по поручению Тихона, с другой она никак не могла рационально объяснить ночной зво-

нок, который в конечном итоге спас мужа. Вопрос с врагами оставался открытым, она понимала, что если не предпринять мер, то жизнь Пашки, да и ее собственная будут оставаться под угрозой. Еще не шли у нее из головы слова врача, о ее ведьминской сущности. Читая годами всякую эзотерическую литературу, и даже после поездки в Верхотурье, она всегда ощущала себя только инструментом в руках Высших сил, и даже не допускала мысли о том, что она может предпринимать что-нибудь в этой области самостоятельно. Чем больше она размышляла над этим, тем больше у нее возникало желание попробовать решить проблему, применив какие-нибудь, мягко говоря, необычные практики. Почему-то она не сомневалась, что у нее все получится. Она вспомнила, что в детстве часто слышала разговоры взрослых о том, что ее бабушка по отцу ворожит и колдует и может сглазить. Общались они нечасто, и Оля побаивалась эту худую черноволосую женщину, хотя та никогда в жизни не сделала ей ничего плохого. А бабушка ее мамы, Варвара Андреевна умела заговаривать всякие хвори, и тому девочка была свидетелем. Она помнила, как они ездили к ней в деревню с маленьким братом. Ему тогда было года два, и как говорила мама, ни одной ночи он не спал спокойно, все кричал и плакал. Ольга помнила, как они зашли в небольшую деревянную избушку бабы Вари, никаких нежных чувств, к родственникам, хозяйка не проявила. Но сразу же взяла на руки мальчонку и стала с ним разговаривать непонятными звуками. Ребенок

сразу утихомирился и прильнул к пышной груди прабабушки. Варвара Андреевна поднялась в свой немалый рост, подошла к русской печке и начала барабанить по ней ступнями брата, все время что-то приговаривая, потом положила его на свою кровать, перекрестила, а Оле с матерью приказала собираться в баню. Баню эту она помнила до сих пор. Это был небольшой сарайчик на огороде, топился «по-черному», от духоты девочку стало тошнить, и бабка отпустила ее со словами: «Ну, иди, иди, полежи с братом!» Мать же она притащила на себе, почти в бессознательном состоянии. Потом они пили чай с вишневым вареньем, баба Варя как-то обмякла и подобрела. Ольга и сейчас видела ее, как живую, мощную русскую старуху, в белой рубашке, подвязанную белым платком. Сейчас ей казалось, что в тяжелые, больные дни, прабабушка, буквально вливает в нее силы, и не по капле, а ведерными поварешками. Жизнь семьи складывалась так, что Ольга во взрослом возрасте не встречалась с этими необычными женщинами, и только теперь она начала понимать что, несмотря на то, что пресловутый «стакан воды» ей никто не передавал, какие-то инстинктивные навыки в ней все же жили, благодаря ее прародительницам. Остался вопрос морали. «А могу ли я применить силу?» – размышляла женщина. Еще она знала, что за такие дела Высшие силы по головке не поглядят. Но все-таки она не видела выхода, и решила попробовать защитить себя, своего мужа, свой дом с помощью магии. Она не стала искать ника-

ких описаний ритуалов, которых в книгах, а еще больше в Интернете, было огромное множество. Она помолилась Богу и Богородице своими словами, рассказала как страшно и трудно ей в эти дни. Потом зашла в соцсети, нашла фотографию Тихона, распечатала ее на принтере и поставила ее перед собой. Взяв кулон из горного хрусталя, привезенный когда-то из Китая, она стала смотреть на камень, повторяя про себя: «Хочу, чтобы этот человек, Тихон, исчез из нашей с Павлом жизни навсегда, чтобы не смел больше вредить и угрожать мне и моему мужу!» Сначала она говорила это автоматически, без всяких чувств, но чем чаще она повторяла эту фразу, тем сильнее ощущала, как внизу живота поднимаются волны какой-то первобытной, звериной энергии. И вот она уже видела рядом с собой белую волчицу с голубыми глазами, готовую разорвать на куски всех ее врагов, издававшую страшное рычание. И сама она рычала, как разъяренный зверь. Видение длилось несколько секунд, во время которых Ольга испытала колоссальное нервное и физическое напряжение. Потом она откинулась в кресле, кулон упал на пол из обессиленной руки. Посидев несколько минут, она взяла фотографию и разорвала ее на мелкие кусочки. «Глупости это все, – думала женщина, – все мы мним себя волками или тиграми, а на деле оказываемся сусликами», – вспомнила она известный мультфильм. «Надо прибратся в доме, это будет и полезней, и безопасней», – решила она. Взяв тряпку, Ольга подошла к книжному шкафу, что-

бы стереть пыль. Не успела она притронуться к мебели, как из антресолей выпало стекло и, поцарапав ей переносицу, не разбившись, упало на пол. «Если бы я стояла на несколько сантиметров ближе или дальше, меня могло бы убить, или, как минимум, сломать нос, – размышляла она, пытаясь остановить кровь перекисью, – а так меня просто предупредили и немного пожурили». В это время раздался звонок телефона, Паша сообщал, что его выписывают из больницы.

Прошло несколько недель после этих событий. Звонки и угрозы прекратились. Страницы Тихона в соцсетях были удалены.

Глава 11

Наступила весна, и, несмотря на то, что в политической и экономической жизни всех стран планеты царили полнейший хаос и неразбериха, люди продолжали жить и надеяться на лучшее. В начале мая солнце пекло, словно летом. Павла и Ольгу, как всегда, после долгой и тяжелой зимы звал ветер странствий. Но еще больше на природу их звала собака. Ее натура требовала самозабвенного бега по лесам и полям, и она недвусмысленно давала это понять хозяевам, творя разные мелкие пакости. Она методично вырывала из горшков комнатные цветы и закапывала на их месте свои заготовки в виде косточек и кусочков сыра. Она врывалась в ванную и раскидывала по всей квартире пузырьки с кремами и шампунями. Шкаф с одеждой приходилось подпирать тяжелыми гантелями, чтобы в один прекрасный день не лишиться всего гардероба. Хозяева с пониманием относились к Бениным хулиганствам, ведь ей уже исполнилось три года, и она переживала свой кризис среднего возраста, пытаясь захватить лидерство в стае, то есть в семье. К тому же зимой из-за всех свалившихся на них неприятностей, они откровенно мало занимались домашними питомцами и чувствовали перед ними некоторую вину. Поэтому, как только солнечные лучи подсушили весеннюю грязь, они погрузились в свою походную «Ниву» и поехали за город без определенно-

го плана действий. В пути у них родилась идея сгонять на Аллаки. Место это было замечательное и находилось не так далеко от города.

Аллаки – небольшое озеро, но основная достопримечательность места – каменные останцы причудливых форм. Впервые супруги побывали здесь несколько лет назад и поразились состоянию какого-то необыкновенного покоя, которое охватило их в этом уголке Урала. Земля вокруг озера в то время была частным владением, на машинах к берегу не пускала охрана, но пешком можно было дойти до скал, возвышающихся в чистом поле. Они долго лазили по камням, тогда они еще не опасались, что любое отверстие в каменной глыбе может оказаться порталом в иные миры, просто не думали об этом. Потом лежали на теплых, плоских как огромные тарелки скалах, следили за орлами, которые, как будто охраняли, заповедное место, дышали воздухом, настоящим на степных травах. И так им было хорошо, что невозможно выразить словами. Когда они уже собрались уходить, увидели еще пару путешественников. Мужчина оказался старым знакомым Паши, завзятым туристом и краеведом. Он показал им наскальную роспись, оставленную первобытными людьми, так называемые «писанки», жертвенник, где наши пращуры совершали свои ритуалы. Подведя их к берегу озера, Сергей рассказал про громадные каменные ступени, которые уходили под воду, и поднимались на противоположном берегу. Все это было так интересно, и так впечатлило

Ольгу и Павла, что через год, собрав компанию друзей, они решили показать им это чудо. Какое же разочарование, граничащее с физической болью, они испытали, приехав сюда в следующий раз. Весь берег был заставлен машинами и палатками, вода в озере покрылась жирной пленкой, от моющейся в ней посуды, в этой же воде купались толпы детей и взрослых. Некоторые палатки стояли прямо на останцах, там жарили шашлыки, и там же справляли все свои нужды. У Ольги ком подступил к горлу, ей хотелось крикнуть: «Люди, опомнитесь! Что же вы делаете? Это же святое место!» Но кричать было бесполезно, никто бы ее не услышал, еще бы и драку спровоцировала. Они быстро убралась на Теренкуль, за высокий забор своей дачи, чтобы не видеть и не слышать этого безумия. И вот сейчас они решили снова поехать туда, может быть убрать мусор, чтобы хоть какое-то время, до наплыва туристов, Аллаки были такими, какими открылись им в первый раз.

Подъехав к озеру, они с удовлетворением увидели вновь созданные посты охраны. Спросив можно ли пройти и предложив свою помощь в уборке, туристы направились к скалам. На этот раз здесь была удивительная чистота. «Все-таки нам, русским, всегда нужен какой-то сдерживающий фактор, желательно человек с ружьем, чтобы мы не безобразничали», – констатировала Ольга.

Неподалеку паслось несколько коров, вышедших пощипать едва пробивающуюся травку и погреться на весеннем

солнышке. Бенья, конечно, не могла пропустить такое развлечение. Подбежав к стаду, она стала строить рожи, подпрыгивать, и всячески заигрывать с неизвестными ей животными. Коровы поначалу никак не реагировали на безумную псину, но видимо она нарушала их созерцательное настроение, и одна телочка медленно пошла на Бенью, пригнув голову и наставив на нее рога. Собака бросилась наутек, корова с чувством выполненного долга вернулась к своим. Но Бенья, видимо, почувствовала себя матадором, и снова подбежала к стаду. Корова снова была вынуждена оторваться от своих занятий. Так продолжалось несколько раз, пока Паша строго не осадил питомицу. А коровам сказал: «Не обращайтесь внимания, девчонки, она просто хотела поинтересоваться, где вы так вывозились в навозе. Она бы тоже с удовольствием так пахла».

Вся компания подошла к озеру, волны с грохотом накатывались на гальку. Прислонившись к гранитной плите, Ольга закрыла глаза, теплый ветер дул ей в лицо, было ощущение, что она на море, только пахло не солью, а цветущей вербой. Ольга и Павел поднялись к останцам, Бенья уже раза три сгоняла вокруг них. «Смотри!» – Паша показал рукой в сторону древнего жертвенника. Рядом с каменной чашей лежали свежие бананы, апельсины и яблоки. Наверное, кто-то из современников тоже решил принести жертву древним богам. Ольга заглянула в наполненную дождевой водой чашу, там что-то блеснуло. Она опустила руку и достала кулон с анге-

лом, такой же, как у нее и Паши. «Похоже, мы опять попали!» – констатировал муж, увидев трофей. Что с ним делать они не знали, но оставлять его здесь было, по их разумению, неправильно. Они погуляли еще немного, и пошли к машине.

Въехав в ближайший поселок, путешественники увидели машину скорой помощи и кучку людей, столпившихся возле ворот красивого двухэтажного особняка. Паша пошел узнать, в чем дело, Ольга, не удержавшись, тоже вышла из машины, и только умаявшаяся собака осталась валяться на заднем сидении. На земле лежала симпатичная женщина средних лет, врачи ставили ей какие-то инъекции, пытались привести в чувства. Несколько пожилых тетенок, видимо, местных жительниц ахали и охали вокруг. Чуть дальше стояла девушка, лет семнадцати, и нервно заламывала руки. По какому-то наитию Ольга, расталкивая зевак, подошла к женщине, и, несмотря на недовольство врачей, надела ей на шею найденный кулон. Женщина тут же очнулась. В еще затуманенных болью глазах Ольга прочла и благодарность, и мольбу. Женщина взглядом показывала на девушку, которая, судя по всему, была ее дочерью. Паша помог медикам занести пострадавшую в дом, тетки разобрались по своим делам, а Ольга подошла к девице, еще не зная, что ей сказать. «Твоя работа?» – не слишком любезно осведомилась она у блондиночки, одетой в рванину, которая, очевидно, стояла как весь Ольгин гардероб, включая обувь. Девчонка, молча, потупи-

лась.

– Я спрашиваю, ты ангела на капище отнесла?

– Вы кто? – с вызовом спросила девушка, но в глазах ее плескался страх.

– Конь в пальто, – грубо влез в разговор, подошедший сзади Паша.

Было видно, что девица привыкла вести себя с апломбом, но в окружении двух незнакомых взрослых людей, очевидно знавших больше, чем им полагалось, ее уверенность быстро таяла.

– Ты хоть понимаешь, что чуть мать до смерти не довела? – продолжала Ольга.

– Я не хотела, не хотела! – вдруг разразилась рыданиями девчонка.

– Ладно. Все обошлось, успокойся. Кто тебя надоумил так сделать? – спросил Павел.

– Да никто. В Интернете было написано, чтобы желание исполнилось, нужно взять какое-нибудь украшение матери, отнести в лес и оставить на валуне, туда же положить свои дары, фрукты, например, и заклинание прочитать.

– Как же ты кулон с нее сняла? – спросила Ольга, ошупывая свой. Она знала, что через голову его не снять, а цепочку не разрезать даже специальными инструментами.

– Я и не снимала. Она сама сняла. Когда папа умер, она сдернула его и на трюмо бросила, там он и валялся. А я просто самое дешевое украшение взяла.

– А что с отцом случилось? – спросил Паша.

– На машине разбился. Фура прямо на него выехала.

– Тебя хоть как зовут-то? – обратилась Ольга к трясущейся девочке.

– Крис, – тихо ответила она.

Ольге внезапно почувствовала к ней такую жалость, словно увидела бездомного котенка, трясущегося от холода. Она обняла девочку, пытаясь согреть ее. Паша снял свитер и накинул его на худенькие плечи. От заботы и внимания, незнакомых ей людей, из глаз Крис потоком лились слезы. Ольга гладила ее по светлым волосам, приговаривая: «Поплачь, поплачь, видно нелегко тебе пришлось». Выплакавшись Кристина рассказала, что отец ее был директором крупного завода, жил, что называется, интересами дела. А ее мать, Вера, жила интересами отца. Да, она всегда была рядом, следила, чтобы у дочери было все самое лучшее. Лучшая школа с лучшими учителями, лучшая одежда, лучшие места для отдыха. Но самой мамы как будто не было. И ни минуты свободного времени с самого детства у Крис тоже не было. Английский, музыка, теннис, да много еще чего. Как же она это все ненавидела, потому что ее ни разу не спросили, хочет ли она этим заниматься? Хочет ли она общаться с этими снобами, ее одноклассниками? Хочет ли ездить на эти дорогие курорты? Летом она оканчивала школу, надо было куда-то поступать, но девушка не знала куда, и заявила, что поступать не будет. Тут мама как с цепи сорвалась. Контроль уси-

лился, и она все чаще стала ссылаться на покойного отца, и давила на Кристину, якобы отказывающуюся выполнять его последнюю волю.

– А ты чего просила, там, на камнях? – спросила Ольга.

– Я хочу уехать на ГОА. Вы были на ГОА?

Они не были на ГОА. Но Ольга помнила, как оттуда вернулся ее всегда всем недовольный брат. Глаза его сияли, настроение было на редкость превосходным, это удивляло. Но еще больше он удивил сестру, когда начал рассказывать о том, что пятизвездочная гостиница, за которую он заплатил, оказалась ветхим бунгалом, что по пляжу разгуливали коровы, оставляя следы своей жизнедеятельности, что кухня совсем не подходила к его вкусовым пристрастиям. На вопрос Ольги, что же ему так понравилось, он серьезно ответил: «Там я был на двадцать лет моложе». Видимо, туда стоило ехать ради ощущения вечного праздника, молодости и свободы.

– Нет! – отозвался Паша. – Да и, тоже мне, желание! Уехать дурака валять, да травку курить.

Ольга изловчилась, и пнула его по ноге сзади. Она, в отличие от мужа, хорошо понимала Кристину. Она тоже почти всю жизнь прожила с неизбежностью слов «надо» и «должна». И только, когда ушли в мир иной все ее старшие, она осознала, что потратила многие годы жизни, чтобы доказать кому-то, кто потом расскажет им, что она, Ольга, лучшая, или хоть просто хорошая. Она бралась за выполнение слож-

нейших задач, суть которых она не могла сейчас даже вспомнить, чтобы доказать своим начальникам, что она крутой спец. И она их выполняла. Где теперь эти начальники? Тихо сидят на пенсии или в местах не столь отдаленных. Стоило ли тратить такие усилия? Стоило бы, если бы она была врачом или ученым, или учителем, но она была экономистом, каких сотни. Конечно, не без ее участия строились какие-то объекты, работало какое-то производство. Но сейчас ей был не понятен и даже не приятен тот фанатизм, с которым она считала сметы, составляла балансы и писала всякого рода отчеты. Лучше бы она лишней раз бабушке полы помыла, или с дедом книжку почитала. Но она не могла разделить и полное отрицание ответственности, дисциплины и данного слова, которые царили в современном бизнесе. «Во всем должен быть здравый смысл и баланс интересов», – думала она, глядя по голове чужую дочь.

– Послушай, ты имеешь право выбирать свой путь. Ты, обязательно поедешь на ГОА и вообще куда захочешь. Но ты должна поговорить с мамой. Честно, без агрессии. Пойми, ей тяжело и страшно сейчас. Ее мир рухнул... Кстати, скажи, а у твоего папы не было такого же кулона? – спросила Ольга.

– Был. По нему его и опознали, – ответила Крис.

Ольга задумалась, посмотрела на Пашу, тот делал страшные глаза и мотал головой, но женщина решилась:

– Знаешь, – сказала она, – твои родители непростые люди...

Ольга рассказала все, что знала про Воинство Света. Кристина слушала, постепенно меняясь в лице, к концу рассказа из растерянного и инфантильного подростка она превратилась в юную воительницу.

– Значит, мы все умрем? – жестко спросила она.

– Может не все, может, и не совсем умрем... Точно никто, ничего не знает, – поспешно сказал Паша, рассержено глядя на жену.

– Я с мамой... Конечно, с мамой, – решительно заявила Крис.

Все трое зашли в дом. Вера лежала на широком диване, возле нее хлопотала пожилая экономка. Ольга подошла к женщине, та слабо пожала ей руку.

– Вера, это ничего, что я тебе кулон вернула? Может быть, не надо было? – задала Ольга терзающий ее вопрос.

– Все в порядке. Просто я на время утратила веру, и чуть не утратила жизнь и дочь.

Девочка прижалась к матери. Паша неуверенно сказал:

– Теперь она все знает.

– Это хорошо, – слабо улыбнулась женщина.

– Она у тебя решительная и правильная. У меня даже вера в человечество проснулась, – произнесла задумчиво Ольга. – Ну, нам ехать пора. Простите, если что не так.

– Все так, – отозвалась Вера.

Супруги вышли из коттеджа, выспавшаяся Бенья уже подвывала в машине. Ехали, думая каждый о своем. Паша срав-

нивал Софью и Крис, у одной не было ничего, у другой, наоборот, все, но обеих нельзя было назвать счастливыми. Как все-таки заблуждается человечество, навязывая всем мысль о том, что юность и детство – счастливая пора. Нет, они не беззаботны, там каждый день нужно получать знания и опыт, и почти каждый день делать, или, хотя бы учиться делать, выбор между добром и злом. Какой взрослый на это способен? А Ольга думала, что в наше время каждый человек свободен, каждый может пойти по легкому и приятному пути. И почти все так и идут, или хотят идти, ведь «вы этого достойны», как говорится в раздражающей ее рекламе. Но история цивилизации доказывает, что все хорошее создавалось только через кровь, пот и слезы, так куда дойдет наш мир фитнес-тренеров и дизайнеров? Да, Крис сейчас выбрала тяжелую и опасную дорогу, но может быть, это произошло под влиянием момента? Может быть, завтра она соберет вещички и подастся в жаркие страны? Будет ли это хорошо или плохо? Не было на это ответа.

Глава 12

Ольга давно уже не была в церкви. Нельзя сказать, чтобы она без этого жить не могла, но второй год неразберихи, вызванной коронавирусом, и постоянное ожидание эпохальных событий, которые так и не случались, выматывали последние силы, хотелось какой-то опоры и утешения. Церкви то открывали, то закрывали, и, воспользовавшись очередным ослаблением коронабесия, женщина поехала в свой любимый храм, Рождества Христова в Кыштыме. Народу, как и следовало ожидать, было немного, Ольга встала позади всех и попыталась помолиться. Но как всегда в церкви, у нее ничего не получалось. Она рассматривала людей, пришедших сюда, никто из них не выглядел счастливым. Ей подумалось: «Почему мы все приходим к Богу, когда нам плохо? Почему в радости своей мы забываем его благодарить? Впрочем, наверное, люди воцерковленные живут по-другому». Она вспомнила, как оказавшись в храме на какое-то Рождество, была озадачена большим количеством теток в норковых шубах в пол. Тогда это было модно, и шубы, и церковь. Среди них метался какой-то прыщавый парнишка и приставал ко всем с вопросом: «А кому надо поставить свечку, «за любовь»?» Люди пытались договориться с Богом, купив свечки подороже, раздав милостыню побогаче. А требовалось им так немного, всего – навсего любви. Это было так

трогательно, и так глупо... Ольга одернула себя, и снова попыталась сосредоточиться. Но ее внимание снова отвлекла пожилая женщина, ползущая на коленях к святым мощам. Когда-то Ольга и Павел были в Долматовском монастыре, и там молодой монах, по имени Герман, учил их, как нужно правильно поклоняться святыням. Старуха делала все правильно, но Ольга греховно думала про себя, что она так не поползет никогда. Ее Бог был веселым и добрым, вряд ли ему понравилось бы такое откровенное унижение. Поняв, что ей так и не удастся помолиться, она купила свечи, поставила за упокой душ всех своих близких, а одну зажгла перед своей любимой иконой Казанской Богоматери. Она поблагодарила Преподобную за то, что они с Пашей еще живы и здоровы, за помощь, без которой они не обходятся ни дня, попросила защиты на будущее. И тут она почувствовала ответную энергию. Она знала, что Пресвятая Владычица с ними, что любовь ее защищает их, и так ей стало спокойно и радостно, что слезы выступили на глазах. Тем временем служба закончилась, люди стали расходиться. Но в правом предделе собралась небольшая кучка народу, женщина подошла к ним. Оказалось, что церковный староста хочет провести экскурсию по храму, Ольга с удовольствием присоединилась. Храм Рождества Христова был одним из трех действующих храмов в Кыштыме, и он был самым красивым. Его разноцветные купола, отливающие золотом, радовали глаз издалека. С детства Ольга слышала легенды о том, как в двадцатые годы прошло-

го века, большевики пытались разрушить древние церкви, какой вой верующих стоял по всему городу. Но разрушить не удалось. Где-то посшибали колокола, разграбили утварь, но Рождественский собор остался действующим. Здесь молились и во время войны, и потом, когда не оставалось уже надежд, шли сюда. Милиция и активные комсомольцы на Рождество и Пасху устраивали здесь облавы на молодежь, посещающую церковь, считалось, что религия – удел неграмотных старух. Но пришли девяностые и те, кто обличал «мракобесие» встали в первые ряды молящихся с самыми толстыми свечами. С этого и начал свой рассказ немолодой, веселый дядька, по имени Федор Николаевич, совсем не похожий на занудного богомольца. Он показал несколько икон, которые иногда начинали внезапно мироточить, потом повел всех на второй этаж. Ольга никогда не знала про существование огромного помещения над молельным залом, хотя по внешней архитектуре можно было догадаться, просто она никогда не задумывалась над этим. При входе в зал был небольшой музей из старых полуистлевших икон, окладов и каменных плит, найденных при реставрации. Также здесь стоял большой рождественский ковчег, подаренный церкви одним из местных умельцев. В зале была потрясающая акустика, Федор Николаевич предложил всем пропеть «Богородице дево радуйся», и хотя пели они не стройно, многие не знали слов, но получилось все равно красиво и трогательно. Потом желающие полезли на колокольню. Преодолев кру-

тую узкую лестницу, они оказались на площадке, с которой открывался такой вид, что от восторга захватывало дух. На многие километры простирались поля и леса, величественные горы были совсем близко, реки и озера серебрились на солнце. Ольге хотелось крикнуть: «Это наша земля! Никому не отдадим!» Она не крикнула, а изо всех сил ударила в колокол, по случаю престольного праздника, батюшка разрешил звонить после службы, и все, кто был на колокольне, воспользовались такой редкой возможностью. Дул пронизывающий ветер и люди один за другим стали спускаться вниз. Ольга осталась одна, она слышала, как Федор Николаевич, зовет ее, но не могла оторваться от трогательной до глубины души картины. Когда она, наконец, спустилась, в церкви уже никого не было. Она вышла на паперть и не увидела своей машины, она вообще не увидела ни машин, ни людей. Воздух и освещение были другими, женщина хотела присесть на ступени, чтобы подумать, что же ей делать, но вспомнила, что сидеть на паперти – плохая примета, и тихо побрела по безлюдной улице. Она прошла через центр города, никого, не встретив, свернула на знакомую улочку. Вот он, старый деревянный дом на берегу пруда. Конечно, куда она еще могла придти? Дом достался по наследству ее подруге Наташе, и всю молодость они ездили сюда, как на дачу. Сколько здесь было спето песен, выпито вина и выплакано слез. Потом Наташа умерла. Ольга пошарила в тайной расщелине между бревен и достала ключи. Она открыла калитку и во-

шла во двор. Здесь давно уже никто не бывал, дорожка заросла травой, уличный умывальник поржавел, дверь на сеновал болталась на одной петле. Не без страха женщина зашла в дом. Но все было на удивление чисто, пахло деревом и почему-то яблоками, хотя для них было еще не время. Она огляделось, все осталось на своих местах: и старинный резной буфет, и комод, и круглый стол. Ей почудилось, что сзади мелькнула какая-то тень, она обернулась, в конце темного коридора стояла Наташа. Ольга бросилась к ней, но уперлась в большое зеркало. Подруга смотрела на нее с той стороны и улыбалась. «Наташка, Наташенька!», – шептала Ольга, ей так хотелось обнять ее, но она могла только прильнуть лбом к холодному стеклу и приложить ладонь к ладони. Так они стояли очень близко, но неизмеримо далеко.

– Прости меня, Наташа, – сказала Ольга срывающимся голосом.

– Да за что же, Олик? – откликнулась из-за стекла подруга.

– Меня не было рядом, когда ты умирала, да и вообще в последние годы не было рядом.

– Я ведь и не хотела, чтобы ты была. Я знала, что я делаю, и знала, чем это закончится.

– Я так и думала, что алкоголь – твой сознательный выбор. А твой выбор я привыкла уважать. Я тебя вообще очень уважала, поэтому никогда не могла тебе прямо сказать «бросай пить, вставай на лыжи».

Они тихонько засмеялись.

– Брось, не накручивай. У каждого свой путь. И я свой прошла, дай Бог каждому. Лучше скажи, как там наши, как девчонки?

– Нормально. Видимся все реже и реже. Знаешь, у нас ведь теперь пандемия... А на самом деле, мы просто старые стали, тяжелые на подъем. А может просто стали меньше нуждаться друг в друге. Боимся просить друг у друга помощи, боимся быть в тягость. Жалко, но что поделаешь...

– Дурочки вы. А, помнишь, как мы тут на Новый год шампанское в печи размораживали?

– Помню. А помнишь, как мы нищими нарядились и пугали аборигенов?

Они вспоминали, как им было хорошо, по щекам их текли слезы, а в глазах было столько любви и нежности, сколько не было за всю их длинную дружбу.

– Вот почему, все приходит так поздно? Если бы я хоть раз сказала тебе при жизни, как я тебя люблю, как ты мне нужна... – сказала Ольга.

– Не начинай. Скажи это тем, кому пока еще можешь сказать. Помнишь нашу вечную мантру: «У нас все хорошо, а будет еще лучше». Вот и живи так.

– Наташ, а там у вас...

Отражение подружки стало мутнеть, и вскоре совсем исчезло. Ольга вытерла слезы, вернулась в комнату. На столе лежала книга, вроде бы раньше ее тут не было. «Три товарища» Э.М. Ремарк, 1960 года издания. У Ольги снова комок

подкатил к горлу, она листала пожелтевшие страницы. В самом конце между страницами лежало легкое белое перышко. Из другой своей любимой книги, она знала, для чего дарят перья. Для того, чтобы любящие люди, находящиеся в разных мирах, могли встречаться. Ольга провела пером по лицу. «Спасибо, подруга!» – прошептала она, и, забрав книгу, вышла из дома. Она заперла все замки, и, убирая ключи в тайное место, услышала звук мотора. По улице проехал автомобиль, потом еще один. По тротуару шла женщина. Ольга поняла, что вернулась. Она нашла свою машину, и уже отъезжая, обратила внимание на молодого человека, заходящего в церковь с ребенком на руках. «Ба, да это же Андрюшка, Натальин сын, а ребенок, значит, ее внук или внучка! Как все тесно переплетается. И не случайно, а по какому-то плану», – так размышляла она, подъезжая к дому. А на душе у нее было так хорошо, как бывало в молодости, после душевно проведенных выходных.

Глава 13

Утром в субботу Ольга проснулась со словом «Киалим» в голове. «Киалим, Киалим, Киалимская бабушка», – как будто кто-то напевал ей в ухо. Киалим – это довольно полноводная река в предгорьях Таганая, а бабушка – это персонаж туристических легенд. Говорили, что она появилась не так давно, где-то в семидесятих годах двадцатого века, осталась одинокой в брошенной деревне. А после смерти ее стали видеть туристы, кому-то она помогала, кого-то заставляла блуждать в лесу, а кого-то и со скал скидывала. Разное говорили и говорят. На Киалиме Павел и Ольга бывали неоднократно. В поселке, недалеко от реки жили их приятели, немолодая супружеская пара Владимир Андреевич и Нелли Ивановна. В просторечье дядька Вовка и Нельванна. Им было около семидесяти, но они были бравые, тренированные туристы, и в совместных походах давали значительную фору своим более молодым товарищам. В прошлом году они вместе поднимались на Двуглавую сопку. Было тридцать пять градусов жары, но под предводительством Нелли Ивановны, которая не позволяла никому останавливаться, они прошли километров семь пологого подъема в гору. Чуть передохнув у Белого ключа, они полезли по раскаленной железной лестнице на скалу. Спуск был не менее трудным. И только дойдя до речки Тесьмы, они с удовольствием упали в ее ледяную

воду. Речка была мелкая, но бурная. На дне лежали цветные камушки, может быть, даже и не простые, а полудрагоценные, такие как гранат, авантюрин и агат, но всем было не до них. Они валялись как тюлени на дне реки, остужая свои разгоряченные тела. И что интересно, после этого похода Ольга и Павел перестали испытывать всякие несерьезные, но досадные недомогания, которые время от времени беспокоили их.

Ольга варила кофе, вспоминая былые приключения, и тут муж сказал: «А не съездить ли нам к Вовке? Он давно уже зовет. Порыбачим, на плотину ходим. Погода классная!» Ольга поняла, что поездка неизбежна и рассказала Паше про свои странные утренние ощущения.

Больше всех предстоящему походу, как всегда, возрадовалась собака. В принципе ей было все равно куда ехать, но на Киалиме ее ждал друг и товарищ Варяг. Они были удивительно похожи, пушистые серебристо-бежевые хаски, но парень был значительно больше Бени. И шерсть у красотки была мягкая и блестящая, потому что большую часть времени она проводила на диване и, как минимум, раз в месяц принимала душистую ванну, после очередного вояжа на какую-нибудь помойку. А Варяг – настоящий охотник, воспитанный суровой Нельванной в подлинно спартанских традициях, жил в будке, и не знал слов любви. Сколько же километров они отмотали по тайге, гоняя косуль, зайцев и другую дичь, а в ее отсутствие, гоняясь друг за другом. Вот и сего-

дня у них намечается славная охота, Бенья от удовольствия и нетерпения высовывалась в окно, подставляя влажный черный нос встречному ветру, и как будто подгоняла машину.

Через час они прибыли в Тыелгу. У хозяев уже был накрыт стол, с полноценным крестьянским обедом. Борщ, гречневая каша, пирог с рыбой, все было свежим, вкусным, из натуральных продуктов собственного производства. Нельванна любила принимать гостей широко, и всю еду, привезенную ими, возвращала обратно. Поначалу это вызывало чувство неловкости, но супруги выходили из положения, привозя бутылку хорошего коньяка для хозяина и бутылку шампанского для хозяйки. Иногда после похода, они выпивали по рюмашке, и пели песни, это были чудесные моменты, воспоминания о которых позволяли им переживать самые тяжелые жизненные ситуации.

Закусив, они всей компанией двинулись к Киалимской плотине. Идти надо было километров десять, но погода была комфортной, а лес приветливым. Маленькая, жилистая Нельванна, в стильном спортивном костюме, задавала темп всей кавалькаде, при этом рот у нее не закрывался. Она рассказывала новости про соседей, которых Ольга в глаза не видела, пересказывала сериалы, вспоминала былое. Но Ольгу это не только не раздражало, но даже как-то успокаивало. Веселые кудряшки ее спутницы, бывшие когда-то ярко – рыжими, а теперь ставшие тускло-золотыми, вселяли в нее веру в жизнь и силу человеческого организма. Мужчины от-

стали, хотя высокий, почти двухметровый Владимир Андреевич, мог легко перегнать всех, но он знал, что после многочисленных операций Пашка не может резво двигаться, поэтому особо не ускорялся. Они над чем-то хохотали, наверное, дядька Вовка опять травил анекдоты, которых он знал великое множество и умел рассказывать в лицах. Собаки наворачивали круги вокруг дороги, то и дело, указывая хозяевам на какую-нибудь живность, потом обиженно и разочарованно оставляли ее в покое и бросались на поиски новой. Так, незаметно, они дошли до реки. Пройдя по высокому откосу, туристы устроились в деревянной беседке. Посидели, посмотрели на воду, с грохотом падающую с высоты десятка метров. Потом прошли за плотину, где течение было более спокойным. Вовка показал им поляну, окруженную кустами боярышника. Здесь они заняли позиции на валунах, выступающих из воды, и закинули маленькие раскладные удочки, предусмотрительно прихваченные из дому. Так они просидели минут сорок, не поймав ни одной рыбешки. Ольга и Павел привыкли к озерам, и течение реки мешало им видеть поклевки, но ничего не получалось и у аборигенов. К тому же Нельванна продолжала болтать, и дядька Вовка сказал: «Ну, с моей Киалимской бабушкой, только на рыбалку и ходить». «Киалимская бабушка» как-то царапнуло Ольгино сознание, но она не стала раздумывать над этим. Андрейч отложил удочку, снял брюки, и, пройдя по скользким острым камням, достал из-под какой-то коряги сетку,

так называемую «морду», в которой плескалось несколько довольно крупных золотистых линий. «Учитесь, салаги!» – смеясь, сказал он. Вся компания дружно восхитилась Володиной предусмотрительностью и удачливостью. Дольше решили не оставаться, чтобы до темноты вернуться домой. Обратный путь дался тяжелее, все подустали, даже собаки спокойно трусили рядом с хозяевами, не отвлекаясь на посторонние звуки и запахи. На поселок уже спускались сумерки, когда путешественники свалились на скамейку возле крыльца и блаженно вытянули ноги. И только неугомонная Нельванна, бросилась кормить собак и собирать на стол. Ольга собралась с силами и стала ей помогать. Мужчины чистили рыбу, и настраивали коптильню. Бенья сначала с аппетитом, набросившись на предложенную ей кашу, разочарованно отошла от миски. Несколько приличных кусков курицы несколько ее не удовлетворили, зато гречка осталась в пользу Варяга, который смел все с большим удовольствием. Через полчаса на веранде был накрыт стол, из коптильни доносился умопомрачительный запах готовящихся линий, хозяин открыл подаренный коньяк и разлил всем по рюмочкам. «Ну, будьте здоровы, бояре и боярыни!» – произнес он свой фирменный тост. Все выпили. Казалось, блаженство разлилось не только по их телам, но и в теплом, пахнущем травами воздухе, в необыкновенной красоте небе, изрезанном сиреневыми, оранжевыми и розовыми полосами. «Много ли нам надо для счастья? – сказал Паша, – день в лесу, да простая

еда, да хорошие люди рядом!» Они выпили по второй. Нельванна завела высоким, чуть дребезжащим голосом: «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...» Все подхватили. И было в этом нестройном пении столько русского, грустного и светлого одновременно, столько любви друг к другу, к своей земле, к своим предкам, что на глаза наворачивались слезы. Потом мужчины ушли покурить и проведать собак, спящих в вольере. Нелли Ивановна подсела ближе к Ольге и почти шепотом сказала:

– Дело у меня к тебе, Олена! Я ж тебя сегодня не просто так позвала.

– Так все-таки позвала, – подумала Ольга, вспомнив свое утреннее пробуждение, – видно разговор будет не простой.

– Я, знаешь ли, скоро уйду. Так ты мою кошку, Муську, забери. Варяга я с собой возьму, а кошка еще не старая, да и ласковая. И ты ее не стерилизуй, а котят только хорошим людям раздавай, – Нелли Ивановна говорила спокойно, как будто давала указания на предстоящий отпуск.

Слышать такие слова от человека только что отмахавшего двадцать километров, полирнувшего это неслабой дозой алкоголя и превосходно выглядевшего, было более чем странно, Ольга в смятении произнесла:

– Не поняла я тебя. Куда собралась-то, Нель? Ты же только недавно маму схоронила, а ей сто три года, было, значит, тебе, как минимум, еще лет тридцать можно жить спокойно.

В ответ Нелли пробормотала что-то вроде: «И ей не сто

было, да и мне не семьдесят», но Ольга почти не расслышала этой ее фразы. Тут к столу вернулись мужчины.

– Ну, так обещаешь? – строго спросила Нельванна.

Ольге ничего не оставалось, как сказать:

– Обещаю.

– О чем это вы тут обещания раздаете, – поинтересовался Паша.

– Да так, о своем, о девичьем, – быстро сказала Нельванна, и перевела разговор на другую тему.

Через неделю Нелли Ивановна умерла, на следующий день умер Варяг. Владимир Андреевич вел себя странно. Деловито устраивал похороны, на следующую ночь, втихаря, они с Пашей зарыли Варяга в ногах у хозяйки на сельском кладбище, и все это без слез, без жалоб на судьбу, а ведь прожил он с женой много лет, и жизнь у них была интересная и наполненная друг другом. Ольга догадывалась, что что-то здесь не так, но молчала. После похорон Вовка вручил ей трехцветную маленькую кошечку с удивительными изумрудными глазами. Ольга очень переживала о том, как ее примут Бенья с Тимофеем, и где же найти столько, гарантировано хороших людей, в случае, если появится потомство. Муська вела себя с большим достоинством. Пока они ехали до города, она не издала ни одного звука, не металась по машине, не харкалась и не плевалась, как это делал Тимофей, если его нужно было куда-нибудь везти. Зайдя в квартиру, она дала себя обнюхать собаке, которая радостно выскочила

навстречу, но увидев чужака, затормозила всеми четырьмя лапами. Потом настала очередь кота, который с обеспокоенным видом вышел в коридор. Немного помяукав, для порядка, он успокоился, и звери удалились, оставив хозяев разбираться с новым приобретением. Муся спокойно обошла квартиру, начав с кухни, посмотрела, где установили ее лоток, потом улеглась под батареей, и больше ее никто не видел и не слышал. Хозяева опасались беспорядков, в дни, когда их не будет дома, но питомцы быстро нашли общий язык, и никого не беспокоили. Кошка начала поправляться, сначала все думали, что это от спокойной городской жизни, но вскоре выяснилось, что она беременна. Через полтора месяца на свет появились три котенка. Когда они чуть-чуть подросли, то все увидели, что они не просто рыжие, а какие-то желто-золотистые с черными разводами, и у них были совершенно необыкновенные, изумрудные глаза. Ольга извелась, придумывая кому их отдать, ведь она помнила свое обещание данное Нельванне. У нее на работе было много достойных людей, годящихся для этой роли. Но у всех уже были питомцы, и не по одному. Ребята, с которыми работала Ольга, были все молодые, все эффективные менеджеры и жертвы ЕГ, как она их называла за глаза. Но недостаток знаний, лень и самолюбование искупались их исключительной добротой. Не проходило недели, чтобы кто-нибудь из них не спасал приبلудную собаку или не лечил сбитую машиной кошку. Естественно, дома у всех имелся полный комплект, и все их зна-

комые, способные сосуществовать на одном пространстве с животными, уже были «осчастливлены». Поэтому на предложение Ольги никто не откликнулся. Но хитрая тетка принесла корзинку с котятами в кабинет директора, и все кто там был в этот момент, умилились, растаяли и котики были моментально пристроены в хорошие руки юриста, снабженца и самого директора.

Через неделю все трое поехали в Челябинск, на скользкой дороге машину занесло на встречную полосу, покрутив, ее выкинуло на отбойник. Металл был искорежен так, что ни о каком восстановлении не могло идти и речи. Все трое пассажиров остались живы, и даже не получили ни одной царапины. Никто не понимал, как такое могло случиться, но Ольга была уверена, что без подарка Нельванны тут не обошлось.

Глава 14

В середине лета Ольга почувствовала себя плохо. Сначала она относилась все на счет жары, плохого настроения, усугубляемого каким-то всеобщим помешательством на почве ковида и локальных войн, но ей становилось все хуже и хуже. Пришлось изыскивать возможности попасть к врачу. Само это для нее, как для патологически здорового человека, было неприятно, но когда был поставлен диагноз, она поняла, что конец ее не просто близок, а что он уже настал. Врачи убеждали ее, что можно побороться, что бывают случаи выздоровления, но она не верила в это. Бороться можно было с большими деньгами, а их не было. Да и мотивации особой не было. Окружающий мир, уже давно был не ее мир. Она только не понимала, почему обещанная ей война, то есть Битва пройдет без нее. Может быть, она была не достаточно хороший солдат, и в нее больше не верили. Паше она ничего не сказала. Прочитав о своей болезни, все, что можно было прочитать, она знала, что в запасе у нее несколько недель, потом начнутся невыносимые страдания. Она боялась смерти, еще больше боялась боли, но решила пока будет возможно терпеть, и никого не ставить в известность. Это было нелегко, она привыкла всем делиться с мужем, но представляя, что ему придется пережить, жалела Пашку и молчала. Ольга закончила, насколько могла, все дела на работе, собрала

все необходимые документы. Делать было нечего, оставалось только ждать, и она понимала, что в бездействии она начнет мучиться раньше, чем было положено. Тогда у нее созрел план. Ей очень хотелось в последний раз посмотреть на море, но границы были закрыты, Сочи и Крым она не любила, а веселая Одесса ее молодости оставалась во враждебном государстве, и она решила ехать в Питер. Великий, мистический Петербург, с которым связано столько воспоминаний, с холодным, суровым, но все-таки морем. Мужу она сказала, что уезжает в командировку, он удивился, но лишних вопросов задавать не стал.

Сидя в кресле полупустого самолета, она вспоминала, как попала в Питер в первый раз. Это было начало девяностых, он, наверное, еще был Ленинградом. Тогда была другая жизнь, другая страна, другой муж, а она была молода и хороша собой. До этой поездки она не задумывалась ни о судьбе страны, ни о том, что начался слом всех понятий и ценностей, которыми жил весь советский народ. Тогда ее больше волновало молчаливое внимание плакатного блондина из Тюмени, с которым они регулярно сталкивались, гуляя по палубам круизного теплохода, следовавшего из Костромы в Петрозаводск, с остановкой на три дня в Ленинграде. За неделю пути они так и не познакомились, хотя Ольга своим женским чутьем угадывала, что если бы ни муж, да ни развеселая компания, в которой они путешествовали, у нее могло бы случиться какое-то судьбоносное приключе-

чение. Но веселья поубавилось, когда они прибыли в Питер. Никто из них не произносил это вслух, да может быть, и не осознавал этого, но у всех было ощущение, что они присутствуют на похоронах бывшего величия Империи. Контраст между гениально воплощенными замыслами Петра и обветшанием последних лет, угрюмая и озлобленная толпа ленинградцев, традиционно считавшихся самыми культурными людьми Советского Союза, нелепые подделки, продававшиеся в кооперативных ларьках, разочаровали всех, кто мечтал увидеть великолепный город, воспетый поэтами и художниками. Но долго, по этому поводу, Ольга не убивалась, все-таки молодость не склонна к пессимизму. Потом она вернулась сюда через много лет, уже с Пашей. Заметив их, растерянно стоящих на перроне вокзала, какая-то просто одетая женщина участливо спросила их: «Ребята, вам куда надо?» И этим навсегда сделала Петербург любимым, родным их городом. Не раз в тяжелые минуты жизни, они сбегали сюда, и он укутывал их уютом своих дождей и туманов, радовал в Мариинке и БДТ, кормил в «Бродячей собаке». И они понимали, что все можно пережить, что по сравнению с ленинградской блокадой их неприятности, всего лишь мелкие пустяки, что надо жить дальше и все наладиться. А вот теперь Ольга ехала сюда прощаться с жизнью. В ушах звучало: «Ни страны, ни погоста не хочу выбирать. На Васильевский остров я приду умирать».

Ольга вышла из метро, и на нее всей своей мощью обру-

шился Казанский собор. Как всегда, от величия этого зрелища у нее перехватило дыхание. Постояв, она медленно побрела в сторону Грибоедовского канала. Вот и ее любимый Львиный мостик, не удержавшись, она погладила одного из зверей, и ей показалось, что он приветливо ощерился. Она любила гостиницы в старинных зданиях, здесь на Грибоедовском или на Английской набережной, и только сейчас ей в голову пришла мысль о том, сколько же покойников было в каждом из них во время блокады. Она думала, что вот и она скоро будет в их рядах. Нет, не в рядах, это было бы слишком, не было у нее таких заслуг, хотя бы пусть в стороне, но близко, ведь все-таки она была русской по рождению и по мировосприятию. И бродя по городу, она просила у них помощи, чтобы встретить свою смерть достойно, не скуля и не жалуясь. Она прокатилась на катере под мостами, сходила в Летний сад, посидела в кофейне в Доме Зингера. Но ничего ее не радовало, то ли знание того, что все это в последний раз, то ли отсутствие иностранной речи и обязательные маски на лицах прохожих сделали ее первый день в Питере невыносимо грустным. На следующий день она решила поехать в порт. Порты всегда вдохновляли ее, здесь была романтика, ветер странствий и приключений. Но она забыла, что Балтийское море – северное море. Здесь не было разноцветных веселых яхт и круизных лайнеров как в теплых странах. Питерский порт, порт – труженик, порт – работяга. И все же здесь билась настоящая трудовая жизнь.

И это было здорово! Ольга подумала как быстро, в течение буквально пары десятков лет, народ разучился работать. Работой считалось сидение в офисе, создание каких-то приложений для интернета, торговля чем бы то ни было. «Но что мы будем продавать, если вдруг исчезнут трудолюбивые китайцы, и кто будет убирать мусор и мести улицы, если не будет наших товарищей из Средней Азии?» – задавалась она вопросом. Сама она в последние годы работала в управлении большого предприятия, обеспечивающего город водой, теплом и электричеством. Предприятие тихо умирало, как и почти все производство в провинциальной России. И ничего невозможно было сделать для его спасения, любой шаг наткнулся на частокол безумных законов и равнодушных чиновников. Когда положение становилось совсем уж отчаянным и безысходным, Ольга спускалась в производственные мастерские, где пахло металлом, и все еще работали допотопные станки, это возвращало ее в заводскую юность. Немногочисленные оставшиеся рабочие, в основном пенсионеры, угощали ее чаем и сокрушались о том, что заменить их некому, и когда они уже не смогут работать, город просто умрет, а ведь здесь атомные реакторы, которые нельзя остановить. Ольга шутила, что их всех заменят роботы, но сама слабо верила в то, что мальчишки – мажоры, любители животных, смогут спасти и производство, и город. С такими невеселыми мыслями она спустилась в метро. Бесцельно бродя по городу, Ольга неожиданно для себя вышла к Александро-Невской Лав-

ре. Она удивилась сама себе, почему ей в голову не пришло придти сюда в первый же день. Служба уже закончилась, но к священнику тянулась длинная очередь на исповедь, Ольга встала в нее. Чем ближе подходила она к батюшке, тем страшнее ей становилось. «А как же будет там, за чертой? Что я скажу в свое оправдание?», – думала она. Все последние годы она составляла список своих грехов, но понимала, что, наверное, про многое не помнит, а может и не знает, а о чем-то боится даже подумать, не то, что выразить словами. Ольга подошла к священнику. Он был маленький, кругленький с всклокоченной бородкой, а через круглые стекла очков смотрели добрые, веселые глаза. Ольга проямлила что-то о том, что она в первый раз. Священник спросил, постилась ли она перед исповедью, на что женщина, конечно же, ответила отрицательно.

– Ну, вот что, ты – большая молодец, что пришла. Давай-ка попостись недельку, а потом приходи, мы с тобой побеседуем, – сказал батюшка.

– Через недельку меня уже здесь не будет, – ответила Ольга. И рассказала ему, что она из другого города, и зачем она приехала. Священник держал ее за руку, и понимающе кивал, а женщина все говорила и говорила, и о том, как ей страшно, и как жалко мужа, и как быстро прошла жизнь, в которой она ничего не успела. В это время у батюшки разрывался телефон, Ольга понимала, что задерживает его, но не могла остановиться. Наконец, она замолчала, совершенно

опустошенная. Отец Александр, погладив ее по руке, сказал:
– Понимаешь, я над тобой разрешительную молитву прочитать не могу сейчас. Но обещай мне, как приедешь домой, сходить к исповеди по всем правилам. Это самое важное для тебя.

Ольга с благодарностью посмотрела на священника, но обещать ничего не стала. Она не знала, достанет ли у нее сил, на еще одну исповедь. Кроме того, она не понимала, не все ли равно Богу ела она или не ела семь дней, если она постоянно думала о своих грехах и как ей перед ним оправдаться. Но она ничего не стала высказывать отцу Александру, он, перекрестив, и, пообещав помолиться за нее, ушел. Ольга еще немного походила по Лавре, пусть ей и не отпустили грехи, но она как-то успокоилась, и на душе было хоть не радостно, но светло. Выйдя на Невский, женщина увидела билетную кассу. Театры, героически цепляясь за жизнь, работали и во время пандемии. За большие деньги она купила себе билет в Мариинку, давали «Травиату». Ольга горько усмехнулась: «Вот что значит, повезло, прямо в тему». Вечер прошел чудесно, несмотря на содержание оперы. Конечно, ей не хватало шампанского и восхищенных иностранцев в антрактах, и зал был наполовину пуст, но в целом театральная атмосфера не изменилась, и действовала жизнеутверждающе. Выйдя из театра, женщина побрела к своему отелю. Вдруг из тумана выскочила белая лошадь с юной наездницей. «Петербург, конечно, город мистический, но не до такой же степени!» – по-

думала Ольга. Когда стук копыт затих, на мостовой осталась лежать блестящая подкова. «На счастье», – грустно усмехнулась она и положила находку в сумочку. На следующий день, проходя мимо ближайшего сквера, она снова увидела девочку и лошадь, они развлекали празднующую публику. Ольга подошла к наезднице и протянула ей подкову. Та засмеялась, и сказала: «Подари своей знакомой лошадке!». В ухе девочки болталась подвеска в виде ангела. Ольга поняла, что это задание, наверное, последнее. Вечером она улетела домой.

Глава 15

Несколько дней после возвращения Ольга все думала о лошадке, которой надо подарить подкову. В ее жизни как-то лошади не встречались. Правда, один раз в детстве, когда они с дедом ездили к знакомому пастуху, тот разрешил ей посидеть в седле, да несколько лет назад, отдыхая в Башкирии, они с Пашей минут тридцать катались верхом под надзором сурового конюха. Но это все не в счет. Лошадка должна быть знакомой. И вдруг Ольга вспомнила, что такая есть. Несколько лет назад она ездила по делам в Екатеринбург, на обратном пути ее водитель Иван Иванович, предложил завернуть в его родной город Касли, в этот день была годовщина со смерти его сына. Ольга не могла отказать, да и город был по дороге. Они заехали на кладбище, пока Иван Иванович прибирал могилу, Ольга ходила по тенистым аллеям. Это было уникальное место. Здесь были похоронены и простые горожане, и те, кто создавал славу города, сделав знаменитое Каслинское литье настоящим брендом России, художники, скульпторы, технологи. Почти на всех могилах были чугунные украшения, где-то портретные памятники во весь рост, где-то изящные венки и оградки. Ольга вспомнила, как однажды попала на привезенную в Челябинск выставку современного искусства. В юности она была интеллектуальным снобом, и ей нравились авангардист-

ские и сюрреалистичные творения. Но вот теперь, рассматривая работы своих бывших кумиров, Ольга думала: «Вот Кандинский. Смогла бы я так нарисовать? Запросто. А вот Шемякин. Интересно, конечно. Но если бы постаралась и так смогла бы. В конце концов, их слава на девяносто процентов заслуга пиарщиков, кем бы, они не были». Пройдя по выставочным залам, она спустилась в холл музея, где были представлены образцы Каслинского литья. «А вот так не смогла бы никогда. Так что же здесь более ценно? Картины, в которых, по большому счету, ценен только контекст, который каждый зритель для себя придумывает сам. Или скульптура из чугуна, в которую вложен тяжелый труд многих людей и где ничего не надо, домысливать?» И вот сейчас, глядя на надгробья, Ольга снова восхищалась тончайшей работой Каслинских мастеров. Увидев ее заинтересованность, Иван Иванович предложил зайти еще в одно необычное место, где было много диковинных вещей. Выйдя с кладбища, они повернули за угол, и оказались возле большого крытого подворья, в которое входило два дома и несколько хозяйственных построек. Иван Иванович залихватски свистнул, через несколько минут массивные ворота отворились, и на пороге показался крупный мужик с одутловатым лицом и огромными ручищами. Он был представлен Ольге как Бецман. Зайдя во двор, Ольга изумилась, он весь был заставлен памятниками, вождям Революции: Ленину, Сталину, Дзержинскому и другим. Как выяснилось позже, они собирались в де-

вяные по всей стране. Сначала мужчина отнесся к госте с настороженностью, но после того, как Ольга безошибочно определила на одном из барельефов профиль Клима Ворошилова, Боцман расслабился и показал ей уникальную коллекцию часов, которая занимала один из домов. Здесь были и напольные и настенные экземпляры, и багеты, и простые будильники, и что характерно, все они исправно показывали время. По – середине одной из комнат стояла настоящая пролетка, видимо хозяин реставрировал ее, потому что она пахла свежим лаком и отливала полированной поверхностью на солнце. «А это для кого ж такое транспортное средство?» – поинтересовалась гостя. «Пойдем, познакомлю», – ответил Боцман. В дальнем углу подворья располагалась конюшня, откуда хозяин вывел необыкновенно красивого вороного жеребца. Он нервничал, перебирал тонкими ногами, но Боцман уверенно держал его в поводу. Ольга подошла, погладила атласную шею: «Ох, какой ты красавчик!» – восхищалась она. «Не порти мне скотину», – бросил Боцман. «А как его зовут?» – спросила Ольга. «Деляга», – ответил хозяин. «Почему?» – удивилась женщина. Но Боцман отвел коня в стойло, и отвечать не стал. Ольга поняла, что на этом их визит закончен. Значит, подкова предназначалась Деляге.

На следующее утро Ольга, преодолевая слабость, отправилась в Касли. Доехав до нужного переуллка, она остановила машину и задумалась, как ей попасть к Боцману. Звонка на воротах не было, свистеть она не умела. Да и жив ли он,

и дома ли, а вдруг откроет кто-то другой, жена, например, что она тогда скажет? Решив, что представится скупщицей антиквариата, она направилась к подворью, и тут увидела, идущего ей навстречу Боцмана.

– Здравствуйте, вы, наверное, меня не помните, – сказала она.

Мужик посмотрел на нее мутноватым взглядом и произнес:

– Как же, помню. С Ванькой Дедовым ко мне приезжала.

Неожиданно Ольге стало очень приятно, она достала из сумки подкову, и протянула ее Боцману:

– Вот. Просили передать для Деляги.

– Знатно, а главное вовремя, – хмыкнул Боцман, крутя вещицу в своих огромных ладонях.

Ольге хотелось расспросить, для чего нужна подкова, но ее скрутила острая, невыносимая боль. Мужчина подхватил ее, и хотел занести в дом, но Ольга, слегка отдышавшись, поплелась к машине. Она не любила проявлять слабость при чужих людях, да и Боцман был той же породы. Отъезжая, она увидела, что он крестит ее, наверное, это единственное, чем он мог помочь.

Еще несколько дней Ольге удавалось скрывать свое состояние. Она разобрала свою одежду, попрощалась с каждым платьем, все их придется выбросить, ведь кому нужны вещи ушедшего навсегда человека? А в былые дни они так радовали ее, особенно вечерние наряды. Как жаль, что сейчас уже

не принято быть красиво одетым! Хотя какое ей до этого дело теперь. Она решила записать на диктофон свои пожелания Паше и подругам, и когда она говорила, стараясь быть максимально спокойной, в комнату вошел неожиданно вернувшийся с работы муж. Они обнялись, из глаз обоих текли слезы. Потом наступили тяжелые, черные дни. Ольга попросила отвезти ее на дачу. Врачебной помощи ждать было неоткуда. Олег Геннадьевич, к которому Ольга предусмотрительно обратилась за болеутоляющими средствами, сделал все что мог, но мог он очень мало, да и лекарства в такой ситуации лишь ненадолго притупляли боль. Когда Паша был дома, Ольга старалась не стонать, один раз, чтобы обмануть боль она запела, но эта жалкая попытка казаться мужественной очень расстроила мужа, поэтому, она старалась, как можно чаще давать ему различные поручения в городе. Он с готовностью, если не сказать с радостью, бросался выполнять их. Ольга, чтобы разрядить обстановку, иногда иронично читала ему из Онегина: «Но, боже мой, какая скука С больным сидеть и день, и ночь, Не отходя ни шагу прочь! Какое низкое коварство, Полуживого забавлять, Ему подушки поправлять, Печально подносить лекарства, Вздыхать и думать про себя: «Когда же черт возьмет тебя?»». Денег катастрофически не хватало, все, что оставалось после покупки продуктов, Паша тратил на наркотики для жены. Завтра он должен был продать свою любимую винтовку, чтобы купить еще несколько доз. Ему хотелось попрощаться с оружием,

и Ольга это понимала. Утром, после почти бессонной ночи, она сказала: «Ты бы ходил в лес, может, подстрелишь кого. Я бы бульончику свежего попила». И Паша, внутренне стыдясь своей слабости, уже через десять минут выходил из дому. Бенья бежала рядом, то ли она повзрослела, то ли болезнь хозяйки высасывала энергию и из нее, но она уже не носилась по лесу с дикой скоростью и блеском в глазах. Паша грустно брел по дороге, даже не пытаясь выследить дичь. Он решал для себя страшный вопрос. Хорошо, он купит наркотиков, их хватит на несколько дней, а что потом? Киссон промучается еще неделю, может две, а он вынужден будет смотреть, и не иметь никакой возможности помочь. Но если он решится сделать передоз, все кончится моментально. Его никто не обвинит, сейчас всем наплевать, отчего умирают онкобольные. А Ольга неоднократно, еще, будучи здоровой, говорила, что если бы в безнадежных случаях была возможна эвтаназия, это было бы правильно. Но что-то его удерживало от окончательного решения, может быть понимание того, что он совершит этот грех, прежде всего, чтобы сделать свою жизнь легче, и за это придется все равно заплатить. Он прошел уже много километров, не встретив ни человека, ни зверя. Вдруг на лесной дороге, он увидел какое-то животное. Издали ему показалось, что это норка. Бенья бросилась вперед, но через несколько метров в замешательстве затормозила всеми четырьмя лапами. Подойдя ближе, Паша с удивлением увидел Муську, сидевшую на обочине. Он точно помнил, что уходя

из дома, видел, как Тимофей и кошка лежали по бокам его исхудавшей жены, и мурлыкали изо всех сил, как будто пытаются заглушить своими вибрациями боль хозяйки. Как Муська могла так быстро оказаться за несколько километров от дома, было совсем неясно. Мужчина хотел схватить кошку, чтобы унести домой, но она побежала по едва заметной тропинке, среди зарослей малины и засохшей крапивы. Паша и Беня бросились за ней. Через несколько минут они услышали какие-то странные звуки. Выбравшись из кустов, человек и собака оказались на поляне, возле небольшого озерца, скорее всего какого-то карьера. Вода была удивительно голубой, а отвесные белесые скалы, сверкали на солнце пиритовыми жилами. В нескольких метрах от них стояла хижина, наподобие эвенского чума, у костерка сидел человек в лохмотьях и играл на варгане. Подойдя ближе, Паша понял, что это старуха. Когда она подняла глаза, его сердце упало куда-то вниз живота, перед ним сидела Нельванна.

– Ну что, приперся наконец-то, – сказала она, подмигивая зеленым глазом, – совсем все худо?

– Хуже не бывает, – ответил Паша.

Нельванна сняла с костра медный чайник, разлила по кружкам травяной чай. Они выпили по глотку. В это время Беня ощерилась и подбежала к ногам хозяина. Из чума вышел Варяг, но Беня не узнавала его и тряслась всем телом. Нельванна командовала что-то на непонятном языке, и послушный пес удалился, чтобы не смущать пришельцев.

– Вот что Паха, я тебе помогу, но и ты мне должен помочь.

– Все что угодно, все, чем смогу.

– Сможешь. Помнишь, мы на Таганай ходили, а потом в речке остужались?

– Помню.

– Так вот. Бери Ольку, вези туда. Пройдете метров пять-сот от нашей стоянки до завода. Там пусть она раздевается догола и лезет в воду, и лежит в ней с головой.

– Ноябрь месяц, в какую воду? – занервничал Паша.

– У нее что, другой вариант есть?

– Нет вариантов.

– Тогда молчи и слушай. Ехать надо прямо сейчас, времени у вас в обрез. И еще, от стоянки в заповеднике до реки она должна дойти сама.

– Неля, она по дому уже не ходит, как ей два километра осилить?

– Ничего. Осилит.

– А я что должен сделать?

– А ты принесешь мне книгу, Ольга знает какую. А теперь уходи быстро.

– Куда нести-то? Сюда?

– Домой ко мне, в деревню приезжай, – крикнула вслед

Нельванна

Паша с собакой уже бежали по тропинке сквозь кусты, выбравшись, они неожиданно оказались у самого входа в свой поселок. Ворвавшись в дом, ничего не объясняя, муж-

чина схватил жену, кое-как одел ее в спортивный костюм, побросал в сумку плед, полотенце, начатую бутылку коньяка, оставшуюся с лучших времен. Уложив ничего не понимающую, злящуюся Ольгу на заднее сиденье, он погнал машину в сторону Златоуста. По дороге он рассказал о своей знаменательной встрече, у супругов затеплилась надежда. Ольгу рвало на части от боли, но она терпела, сжав зубы, и настраиваясь на то, что она должна сделать невозможное, пройти два километра. Часа через полтора они приехали в заповедник. «Ну, Боженька, помоги!» – сказал Павел, вытаскивая жену из машины. Очень медленно они двинулись в сторону реки. Ольгу тошнило, несколько раз она падала, запинаясь о корни деревьев, и мужу, казалось, что она уже не встанет, последние двести метров, она буквально ползла. У реки Паша снял с жены всю одежду, истощенное тело Ольги пронизывал холодный ветер, но ей было уже все равно. Она опустилась в ледяную воду, казалось, ее проткнул миллион стальных иголок, шея не могла удерживать голову, воздуха не хватало. Но неожиданно боль отступила, как будто кто-то произвел анестезию всего тела, перед глазами поплыли радужные круги. «Вот она, смерть!» – подумала женщина, остатком ускользающего рассудка. Потом она увидела свое тело, распростертое в реке, сверху, из воды торчал только заострившийся, как у покойника, нос. Рядом Паша с остановившимся взглядом безуспешно пытался зажечь сигарету трясущимися руками. Вдруг ее тело стало прозрачным, она увидела все органы,

нервы, кровеносные сосуды как в анатомическом атласе. А вот и маленькая опухоль, которая лишала ее жизненных сил, она выделялась черной точкой на алом фоне. Но постепенно эта точка стала светлеть, пока не превратилась в ледяной шарик и не распалась на крохотные частички. Неожиданно Ольгу пронзил внутренний жар, и она увидела, как через кожу черным дымком вышла какая-то субстанция, наверное, ее болезнь. Женщина выскочила из реки, как будто из ванны с кипятком. Паша растер ее полотенцем, закутал в плед, влил в рот несколько глотков коньяка, подхватил на руки и понес к машине. Ольге было необыкновенно хорошо, ведь боль, терзавшая ее много недель, отпустила, в блаженной дреме она доехала до дома. Потом она три дня только спала, ела и пила красное вино. Впервые в жизни ее не волновало, где муж достает продукты и откуда берет деньги, впервые в жизни она позволила себе быть безответственной. Но постепенно она вернулась к жизни, с ее мелкими и крупными проблемами, неприятностями и повседневными делами, и все-таки она была так рада, что может побыть в этом мире еще какое-то время. Радостей в этой жизни теперь у всех было мало, а у нее много. У нее ничего не болело, муж и близкие люди были рядом, домашние звери были здоровы, сейчас она понимала, как это много!

Через несколько дней после чудесного исцеления, Паша сказал: «Ну что ж, пора вернуть долг». Ольга достала книгу, которую нашла в доме покойной подруги, подумала, сняла

перо, висевшее у нее на шее, на золотой тесемке, и вложила его между страницами. Паша поехал в Тыелгу, но приехал в какое-то странное село. Он прекрасно знал дорогу, на въезде стоял указатель с надписью «Тыелга», но здесь не было привычных дачных домов, не было и дома Вовки и Нельванны. Вдоль грязевой колеи ютились избушки, уходящие в землю почти по самые окна, однако на каждом была телевизионная тарелка. Один из дощатых заборов был весь заклеен листовками ЛДПР. «Интересно, – подумал Паша, – как у людей, живущих в таких условиях, монтируется в головах их реальная жизнь, с тем, что им показывают по телевизору? Хотя неизвестно, что им там показывают». У одного из домишек, на покосившейся лавке сидели две старухи, одетые в какое-то рваньё. Завидев Павла, они заулыбались беззубыми ртами. Подойдя ближе, он спросил, как проехать в Тыелгу. «Так это она и есть», – зашамкали бабушки. «А тебе, мил человек, кого надо?» Паша не знал, уместно ли произносить имя Нелли Ивановны, поэтому замаялся с ответом. «Ты на рыбалку, небось? Так тебе до конца этой улицы ехать надо, а потом направо», – сказала одна из них. Старушки были такие приветливые, и такие неказистые с виду, что Паше непреодолимо захотелось дать им денег, но у него не было лишней копейки. Он посмотрел на покосившийся забор и предложил: «Давайте я вам хоть забор починю». На что бабушки заулыбались еще шире, и одна из них сказала: «Да ляд с ним, мы и так доживем, а тебе ехать надо, а то вся рыба закончится».

Паша в задумчивости направился к машине, и тут увидел в конце улице энергично двигающуюся фигурку. «Слава Богу, Нельванна!» – подумал он и пошел ей навстречу. Они зашли за угол, и присели на завалинку. Без лишних предисловий Нельванна спросила:

– Привез?

Паша протянул ей «Три товарища». Она быстро пролистнула страницы и извлекла перо.

– Молодец Оленка, не пожадничала, – она спрятала перо за пазухой, – честные вы люди, за что я вас и в той жизни любила, и в этой люблю. Она перышко-то для себя берегла, но мне нужнее. Теперь я к Вовчику запросто могу попадать.

– А он знал про это?

– Знал, я ему твердо обещала, что найду способ быть вместе. Вот и нашла.

– Муська пропала.

– У меня она, нормально все.

– Нель, а тебе не страшно в этом мире? Какой-то он серый и убогий.

– Эх, Пашка, нет плохих миров. А здесь меня все боятся.

– А кто ты? – задал вопрос Паша, зная, что не получит ответа.

Нельванна хулигански подмигнула ему зеленым глазом.

– Книгу можешь забрать, на память обо мне и о Наташе, – сказала она, исчезая за углом дома.

Выйдя на улицу, мужчина уже никого не увидел. Прохо-

дя мимо старух к машине, он услышал их злобное шипенье: «Ведьмак, ведьмак». «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам, – процитировал он вслух, а про себя добавил, – не то, что деревенским старухам».

Глава 16

Прошла еще одна зима с невеселым Новым годом, перебоями с продуктами и электричеством. Весной было решено распахать дачный газон под картошку, и высадить максимально много овощей. Когда посадочные работы завершились, Паша надумал доставить удовольствие себе и жене, наконец-то выехав в леса. Бензин для такого случая, у него был припасен, всю зиму он добывал его, где только мог и расходовал очень экономно. Теперь с этим приходилось считаться. На работу по новым условиям жизни они ходили, не каждый день, соответственно, и зарплату получали, как придется, поэтому свободного времени у них было вполне достаточно. Выехав за пределы поселка, Ольга и Павел почувствовали себя счастливыми. «Нивушка» резво бежала в сторону Слюдорудника, куда они отправились, не сговариваясь. Там было их место силы, и оба знали это. Они подъехали к Малиновому карьеру. Пока Паша искал, как по – удобней поставить машину, Ольга с собакой вышли на берег водоема. Но тут громко раздался какой-то утробный звук, то ли это был призывный сигнал лося, то ли рычание медведя, а может быть, где-то в чаще просто скрипело гнилое дерево, но туристы поняли, что их тут не ждут, и подобру – поздорову ретировались. Проехав еще несколько километров по лесной дороге, они уперлись в берег другого карьера, этот был по –

больше первого. Пройдя по тропинке между поваленными бобрами деревьев, они вышли к кварцевым россыпям. Груды кварца розового, желтого, серого цвета сверкали на солнце прожилками слюды. Ольга и Павел не могли удержаться, чтобы не покопаться в этих сокровищницах, они давно мечтали найти настоящую друзу горного хрусталя, но пока им не везло. Бенья деловито носилась в поисках бобров, и, судя по громкому всплеску воды, ей удалось кого-то выгнать из норы. Ольга рылась в камнях у самой дороги, а Паша полез по-выше в гору. Женщина была так увлечена поисками, что не увидела, откуда к ней подъехал полицейский автомобиль. Было странно видеть в глухом лесу довольно элегантную машину с очень низкой подвеской. «Как они сюда только проехали?» – подумала Ольга. Один из полицейских, какого-то женоподобного вида спросил ее, поздоровавшись:

– Вы здесь сторожа не видели?

– Какого сторожа? Здесь глухая тайга, – изумилась Ольга

– А вы что здесь делаете? – поинтересовался полицейский, не отвечая на ее вопрос.

– Да вот, собаку выгуливаю, – указала Ольга на подбежавшую Бенью.

– А-а, – протянул полицейский.

И машина быстро удалилась, так, что услышавший разговор Паша, спустившийся с горы к жене, даже не успел ее разглядеть. Обоим встреча с представителями закона показалась странной и неприятной, но они решили не обращать на

это внимания, и не портить себе поездку всякими домыслами. Славно позавтракав хлебом и вареными яйцами, на берегу голубого водоема, они двинулись дальше, без особых планов. Дорога плавно шла в гору, машина не капризничала, они ехали, весело критикуя Бенью, за ее охотничью бестолковость. Наконец, они остановились на небольшом плато. Фанерный стенд, размещенный тут для туристов, сообщал о том, что путешественники оказались почти у самой вершины горы Теплой. Пройдя еще метров тридцать крутого подъема, они встали рядом с деревянным крестом, установленным здесь какими-то энтузиастами. Вид открывался потрясающий, на многие десятки километров вокруг. Стоя здесь, на пронизывающем ветре, под лучами, еще не жаркого весеннего солнца, они чувствовали, как уходят тоска и тревоги прошедшей зимы, будто кто-то наполнял их жизненными силами и здоровьем. Они дышали полной грудью, и в который раз благодарили судьбу, за то, что они родились и живут в этом суровом, но сильном и добром крае, за то, что им дано видеть эту красоту и мощь. Чуть отойдя от креста, Паша присвистнул: «О, да тут кто-то шаманил». На ветке дерева, почти вровень с крестом, висела какая-то зловещая штука. Она была похожа на ловца снов, иногда продающихся в сувенирных лавках, но сделана из каких-то черных и серых узловатых ниток, и форма ее напоминала паутину. И Ольгу, и Павла, как будто пробила внутренняя дрожь. Мужчина подошел к дереву, сломал ветку, на которой висела вещица, и

понес к машине.

– Зачем ты это сделал? – спросила встревоженная Ольга.

– Надо это увезти отсюда.

– Зачем?

– Не знаю, но надо.

Они уже давно привыкли доверять инстинктам друг друга, поэтому Ольга промолчала.

Спуск оказался очень крутым, машина ехала «на ручнике», и если бы у Паши дрогнула рука, и ее занесло чуть в сторону, то они оказались бы в пропасти. Бенья лежала в ногах у хозяйки, прикрыв лапой глаза, Ольга закусила губу, чтобы ее непроизвольно вырывающиеся вскрики, не отвлекали и не раздражали мужа. Но все закончилось благополучно, несмотря на то, что все получили приличную дозу адреналина. Паша целовал «Нивушку» в руль, Бенья и Ольга обнимались друг с другом. Все были счастливы. Дальше лесная дорога вывела их к карьеру «Дайверов». На небольшой поляне стоял навес, под который кто-то притащил старый диван, около него валялась мраморная круглая плита, на которой была нарисована звезда, и выбита надпись «Хижина Сергея Романова», за грубо сколоченным столом сидел мужчина неопределенных лет в егерском костюме. Туристы, выгрузившись из машины, поздоровались с ним.

– Ты что ли Сергей Романов? – спросил Паша.

– Нет, я – сторож, – ответил мужчина.

– Эту сарайку сторожишь?

– Ну, не только ее. А вы, я смотрю с гостинцем для меня, – мужчина подошел к кузову и достал ветку, с шаманским артефактом, – где нашли?

Паша рассказал, как было дело.

– Это вас что ли полиция искала? – спросила Ольга.

– Может и меня. Ты смотри, что делают, сволочи. . . , – произнес он, рассматривая странную вещицу.

У мужчины в руке каким-то образом оказался огонь, хоть ни зажигалки, ни спичек у него не было. Он бросил на костровище ветку и поджег ее, как будто электросваркой. Ветка загорелась, распространяя вокруг себя невообразимое зловоние.

– Давай сюда свои руки, – обратился сторож к Паше. Он сделал какой-то пас ладонью и кисти Пашиных рук оказались в огне, но он даже не поморщился. В воздухе запахло озоном. Проведя эту процедуру, сторож решил объясниться.

– Темные все чаще нам диверсантов засылают. Сделают вот такие игрушки зловредные, и все норовят на самые высокие точки разместить, а они фонят, и жизнь людям в окрестностях отравляют. Некоторые далеко бьют, на сотни километров. Вы если еще что-нибудь такое найдете, руками старайтесь не хватать, сначала огнем вокруг обведите, зажигалкой или факелом каким-нибудь, а уж потом мне везите. Сами не жгите. Опасно.

– А где же вас искать? – спросила Ольга.

– Да здесь я буду.

– Как вас звать?

– Сторож и зовите, – буркнул мужчина, и растворился в прибрежных зарослях.

С того дня, если было свободное время и достаточное количество бензина Паша и Ольга ездили по лесам, забирались на самые высокие вершины и чего только они там не находили, и страшных кукол, и траурные ленты, и ведьмины бутылки! Паша в шутку стал называть себя «санитаром леса». Редкий раз обходился без «улова», и всегда на карьере Дайверов их ждал Сторож. Не проявляя никаких эмоций, он, молча, брал находки, уничтожал их, и скрывался в лесу. Супруги так и не узнали кто он, человек или лесной дух? Но за время своих приключений, они поняли, что не стоит задавать лишних вопросов, все, что им положено, они уже знают, а больше и не надо.

Глава 17

Настал август. Под вечер, утомленные очередными прополками и окучиваниями, Павел и Ольга сидели на ступеньках крыльца, молча глядя на невероятное разноцветное небо. Они каждый вечер в течение многих лет, наблюдали это чудо, и все равно не могли не восхищаться то серебристо – розовыми, то огненно-оранжевыми, а иногда и зеленоватыми оттенками небесных красок. Ольга всегда считала, что самое красивое на Урале – небо, и часто говорила, что если бы была художником, писала бы его бесконечно. Неожиданно оба их телефона зазвонили, причем играла одна и та же мелодия, которую они никогда не устанавливали, военная песня со словами: «Так что ж, друзья, коль наш черед, так будет стать крепка...». Еще не читая сообщения, они все поняли. В СМС было всего несколько слов: «Аркаим, двадцать седьмого, десять утра». Завтра должен был настать их последний день. Несмотря на то, что несколько лет они знали, что это неизбежно случится, несмотря на то, что последние месяцы из-за невероятно усилившейся активности параллельных миров, они чувствовали, что этот день совсем близко, они оказались к этому не готовы. Как любой человек, знающий о том, что его ждет неизбежная смерть, они до последнего надеялись на персональное чудо, на то, что каким-то образом «пронесет», что это все не про них. Ольга, сползла с крыльца.

Пошла к своим любимым розам, и рыдала там в голос. «Зачем, зачем я на это подписалась? – причитала она, – могла бы спокойно прожить еще много лет!». Паша старался сдерживаться, но глаза были тоже на мокром месте. Он провел рукой по перилам любовно сделанного крыльца, пошел вдоль дома, как будто, глядя его, деловито закрыл сарай, затопил баню. Потом, собравшись с силами, подошел к жене и жестко сказал: «Прекрати, мы сегодня – солдаты». Ольга поднялась, ей хотелось сказать: «А может мы...». Но она буквально прикусила себе язык, почувствовав во рту вкус крови. Паша позвонил матери, и как мог спокойно, попросил забрать завтра собаку и кота, потому что им нужно уехать. Больше ничего объяснять не стал, а Рая и не спросила, все-таки она была легкий человек. Ольга хотела позвонить подругам, но потом раздумала. Как им все объяснить? Да и не хотелось, чтобы они вспоминали ее плачущей и слабой. Супруги помылись в бане, оделись во все новое, заранее приготовленное, «по первому сроку», как говорят на флоте. Когда они садились в машину, раздался Бенин вой. Она всегда бурно реагировала, когда ее не брали с собой, но сейчас она просто бесновалась в закрытом доме. Собака сорвала шторы и пыталась выскочить на улицу, выбив стекло, чтобы не видеть и не слышать этого последнего акта отчаяния Паша разогнал машину до ста прямо на поселковой улице, немногочисленные прохожие в недоумении разбежались, не понимая, что происходит. Они ехали, молча, но чем дальше они удалялись от по-

селка, тем лучше становилось их настроение. Оба чувствовали, что вырываются из болота, которым была их жизнь, что впереди их ждет что-то интересное. Может быть, печальное и даже страшное, но не бесконечное. Все слова ими были уже давно сказаны, и они стали петь военные и революционные песни, которых Ольга знала великое множество. К утру, одолев семьсот верст, они подъезжали к Аркаиму. Над степью поднималось малиново – красное солнце, предвещавшее знойный день, в окна врвался одуряющий запах трав. Чем ближе они приближались к горе Шаманке, тем больше видели брошенных машин. Они тоже решили дальше идти пешком. Заглушив мотор, Паша вышел из кабины, Ольга еще медлила, прощаясь со своей «Дусей», как она ласково называла ставшую такой родной машинку. Это было последнее, что царапнуло ей душу. Как только они ступили на Аркаимскую землю, их охватил какой-то неизъяснимый покой. Ольга вспомнила, что когда они были тут лет десять назад, она испытывала такие же чувства. К поляне, где всегда разбивался палаточный лагерь, со всех сторон тянулись вереницы народа. Здесь были и казаки, и башкиры, ведущие в поводу лошадей, и коми, но больше всего было обычных русских людей. Ольга и Паша видели и знакомые лица, где-то в толпе промелькнул Сторож, Боцман хмуро кивнул Ольге, Вера и Крис шли впереди них. Придя на поляну, они увидели, что кто-то жжет костры, кто-то поит лошадей в студеной воде реки Караганки, кто-то пытается ходить по лабиринтам,

выложенным из камней на вершине Сопки Любви. «К чему это? – подумала Ольга, – ну, наверное, люди так пытаются себя успокоить». Неожиданно перед ними оказался отец Михаил. «О, вот и еще мои крестники прибыли!», – весело сказал он, пожимая им руки. «Ну, как настроение?» – осведомился он. «Бодрое!» – ответил Паша. «Вот и хорошо!» – подмигнул священник, собираясь идти дальше. Но тут незнакомый парень, с бритым, как у скинхеда затылком задал ему вопрос: «А что, батюшка, только мы русские, ну в смысле российские, биться будем? Или как?» «Или как, сын мой, или как, – сказал серьезно отец Михаил, – по всей планете сегодня народ в своих святых местах собирается». «Ну, мы – то выстоим, – сказал парень, – а вот америкосы...». «Дайто Бог!» – ответил священник, и направился дальше, здороваясь направо и налево, и раздавая благословения.

Ольга с Пашей присели на берегу реки, опустив ноги в студеную воду. Вдруг из кустов выскочила Бенья, встала на задние лапы и отдала честь. «Бенька! – заорал в восторге Паша, – ты оттуда? Тебе ж нельзя!» «Это людям нельзя, а мне можно», – ответила собака. Ольга сидела, потрясенная до глубины души, одно дело слышать про говорящую собаку, другое – видеть ее наяву. Тем временем Бенья продолжала: «Я не одна, я с отрядом!» Из кустов выскочила дюжина собак. Половина из них были когда-то Ольгиными, остальные, видимо, жили у Паши или были им спасены. Они не могли разговаривать, как Бенья, но бросились к хозяевам, как будто

те, вернулись после долгой разлуки. Хозяева гладили и целовали эти родные морды, собаки пытались облизать их с ног до головы. Ольга вспомнила, что где-то читала легенду о том, что после смерти собаки ждут своих хозяев, чтобы перевести их в иной мир, и защитить от злых духов. «Охранники мои милые!» – думала она. «А где же Тимофей?» – спросил Паша. «Коты – наблюдатели, они в драки никогда не встречаются, только стучат обо всем на свой Сириус, или где они там базируются, не помню», – ответила Бенья.

К ним подошел невысокий кряжистый мужчина, Пашка вскочил, они пожали руки, молча глядя друг другу в глаза. «Отец», – поняла Ольга, которая не встречалась с ним и даже не видела его фотографий. Вдруг кто-то обхватил ее сзади, она обернулась и увидела Раю. «Мама? Как ты здесь оказалась?» – изумился Пашка. «На метле прилетела, – рассмеялась женщина, – неужели я бы тебя оставила здесь одного, сын». Ольга поняла, кто в их семье истинная ведьма. Паша с родителями отошел чуть в сторону, вокруг них стала образовываться группа людей. Там были и просто одетые мастеровые, и люди в телогрейках с винтовками, как будто только что вышедшие из партизанских лесов, и татарские воины в богатых доспехах. К Паше приблизился высокий, седой, но не старый еще человек, в зеленом атласном халате и белоснежной чалме. Паша знал, что часто видел его в своих снах, но пробудившись, никогда не мог вспомнить, о чем они говорили и что делали. Мужчина обратился к нему на арабском

языке, ласково, называя его Сахъир. Удивительно, но Паша все понимал. Мулла призывал его проявлять милость к побежденным, он говорил так, будто был уверен в победе. Павел хотел перевести их разговор Ольге, чтобы успокоить ее, ведь если старейшина рода говорит, что они победят, значит, так и будет, но увидел, что жена со всех ног кинулась к молодой паре, стоящей неподалеку. «Мама, папа!» – Ольга неслась к ним, как в детстве, когда они приходили забирать ее из садика. Оба были удивительно молоды, и удивительно красивы. Они обнялись. Потом Ольга попала в объятия бабушки и деда, потом других родичей, некоторых она знала по фотографиям, а некоторых не видела никогда. Но над всеми ними разлилась такая удивительная атмосфера любви, взаимопонимания и всепрощения, какой Ольга не испытывала никогда в жизни. Вдруг родственники расступились, вперед вышла белая Волчица. Мех ее отливал серебром, а удивительно голубые глаза метали молнии, она приближалась к Ольге. Не доходя нескольких шагов, она прыгнула, перевернулась в воздухе, и Ольга увидела рядом с собой Анну Ивановну или сестру Анну. Она медленно подошла, заглянула Ольге в глаза, прижала ее к себе и сказала на ухо: «Враг будет разбит, Победа будет за нами! Верь!» Она достала из-за пазухи образ Богоматери, который Ольга принесла из семьдесят пятого года, и надела ей на шею. Еще несколько минут на поляне стояла суета всеобщего братания и любви. Солнце встало в зенит, и над степью разнеслось: «Вставай страна огромная,

вставай на смертный бой!» Народ начал подниматься и выстраиваться в единую цепь. Вдруг от толпы отделилась фигура и направилась к Ольге. «Ленька, братик!» – она только сейчас осознала, до какой степени ей было важно, чтобы сейчас он был здесь. Он подошел и, молча, встал рядом.

Так они стояли гигантской цепью, плечо к плечу, со своими лошадьми и собаками. С ними была сила их предков, свет построенных ими домов и посаженных садов, и слабость их детей, которых нужно было спасти, во что бы то ни стало.

Из-за горизонта на них надвигалась огромная черная туча.